

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА

ПЕРВАЯ ПОЗВОЛЕНА

ВЪ

Комитетъ възвѣщено въ 30-ю
Августа 1841 года.

Однимъ
ЧЕРНОГОРИИ.

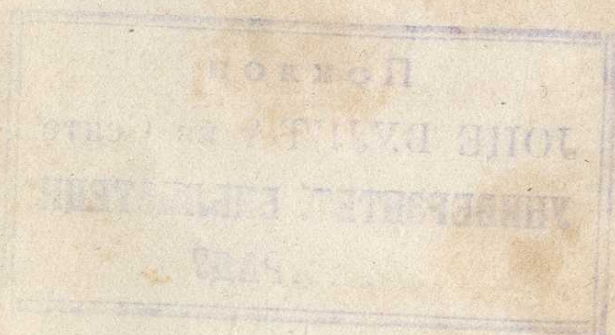

ДРУГОЕ ДРУГОЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30-го
Августа 1841 года.

Ценсоръ А. Очкинъ.

УНИВ. БИБЛИОТЕКА

В. И. Бр. 1222

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА

ВЪ

ЧЕРНОГОРИИ.

Ег. Ковалевскаго.

СЪ РИСУНКАМИ И КАРТОЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи А. А. Плюшара.

1841.

Библиотека

1222 13.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ

В.П.

ПЕРВОЕ

В.П. Косаговец.

ОБЪЯВЛЕНИЕ И РАССКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГ.

В.П. ТИХОМИРОВ А.А. ИЛИН

1841.

В.П. Косаговец.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
ГЛАВА I. Переходъ изъ Катара въ Цѣтинъ.....	1.
II. Цѣтинъ и нынѣшнее правленіе Черногоріи.	5.
III. Нынѣшній и святопочившій Владыки Черногоріи	11.
IV. Путешествіе по нахіи Церничкѣ.....	18.
V. Плаваніе по рѣкѣ Иванъ-Бегово-Черноевичъ и озеру Скутари. Пребываніе въ нахіи Церничкѣ	25.
VI. Австрійская граница.....	37.
VII. Историческое обозрѣніе Черногоріи.....	45.
VIII. Острогъ.....	58.
IX. Наждребаникъ.....	72.
X. Мартыничъ.....	72.
XI. Монастырь Чилія; Діоклея и Златица.....	79.
XIII. Поединки и кровомщеніе.....	89.
XIV. Станевичъ	95.
XV. Третія экспедиція. Бѣлопавличъ, Катунъ на Поликвицѣ	100.
XVI. Ровцы.....	103.
XVII. Морачскій монастырь.....	107.
XVIII. Тамъ же, четыре дня спустя.....	114.
XIX. Комъ.....	119.
XX. Общее обозрѣніе Черногоріи.....	123.
XXI. Боко-ди-Катаро.....	127.
ПРИБАВЛЕНІЕ: Геологическій очеркъ Черногоріи....	135.

ОТЛАВЛЕНІЕ.

Слѣдующее	135
XXI. Боло-ди-Катра	137
XX. Ообщее изображение Первотворін	133
XIX. Конг	119
XVIII. Тамъ же, гетире для сущест	114
XVII. Моравскій монастырь	107
XVI. Ровны	103
на Полянахъ	100
XV. Третій экзеплиция. Вѣдомствяны, Катунѣ	
XIV. Становища	95
XIII. Носѣныя и кровомышленіе	89
XI. Монастырь Риліа; Діомедъ и Златица	79
X. Мартыны	73
IX. Наждредыны	72
VIII. Острова	68
VII. Историческое изображение Первотворін	45
VI. Австрійская гравина	37
кін Первотворін	25
пид и озеру Скутуба. Предвареніе въ на-	
V. Извѣстіе по дракт Назаръ-Бероо-Перное	
IV. Нутеншестіе по пакін Первотворін	18
поторін	11
III. Нытшій и снѣговоснѣшій Вѣдмѣнъ Пер-	
II. Катунѣ и нытшійе правленіе Первотворін	5
I. Переходъ изъ Катра въ Катунѣ	1
Глава I.	

Гибонъ сказалъ: «Албанія, которую можно видѣть съ береговъ Италіи, менѣе извѣстна, чѣмъ внутренность Америки.» Онъ былъ правъ, особенно примѣняя слова свои къ Черногоріи, которая и теперь на географическихъ картахъ носитъ чуждое ей имя Турецкой Албаніи. Естественныя трудности, представляемыя краемъ, недовѣрчивость жителей его къ чужеземцамъ и тѣ понятія, которыя составила о немъ образованная Европа заградили путь въ Черногорію для путешественниковъ и искателей счастья, нерѣдко встрѣчаемыхъ въ отдаленныхъ провинціяхъ Азіи и Африки. Весьма немногіе достигали до Цѣтина, мѣсто-пребыванія Владыки, и только я одинъ, покровительствуемый народомъ и обстоятельствами, проникнулъ въ отдаленныя провинціи Берди.

Тыбонг ссылаются: «Азия, которая
видна с берегов Китая, менее известна,
чем Америка». Она была права,
особенно при том, что слова свои из
которых и теперь на теоретическом
таких посылках, что ей и Тибетской Азии
нельзя представить трудности, представляя
крайне, необходимость жить с тем, что
жизни, которая и таковы, и таковы
о нем образованная Европа, которая и та
из Республики, для путешествия и не-
краткой счастливости, не только в Африке
отдаленных провинциях Азии и Африки.
Весьма немногие достигли до Китая, и то-
предваряя Визит, и только в одном, по-
вместе с тем, народом и обстоятельствами,
проникнуть в отдаленные провинции Китая.

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА

ВЪ

ЧЕРНОГОРИИ.

ГЛАВА I.

Переходъ изъ Катара въ Цѣтинъ.

16/28 Мая.

Въ Триестѣ сѣлъ я на трабаколу, небольшое купеческое судно.

Не стану описывать своихъ приключеній на морѣ. На этотъ разъ я не останавлиюсь даже въ Катарѣ, прилѣпленномъ, словно ласточкино гнѣздо, къ голой скалѣ, — Катарѣ, который такъ часто участвовалъ и, по физическому своему положенію и единовѣрію жителей, будетъ всегда участвовать въ судьбѣ Черногоріи. Объ этомъ послѣ. Къ своей цѣли, къ своей Меккѣ стремлюсь я неуклонно, подобно набожному Мусульманину, отстраняя взоры свои отъ предметовъ напутныхъ.

Только день провелъ я въ Катарѣ, и въ этотъ день долженъ былъ размѣняться обычными визитами со всеми властями городскими и пограничными, долженъ былъ выдержать безконечно-длинный обѣдъ у А. и его первый дипломатическій приступъ, расчестъся съ таможенною, впрочемъ весьма вѣжливой и даже обязательной, по крайней мѣрѣ со мною и наконецъ изготovitъся для дальнѣйшаго путешествія. Очень не охотно разстался я на другой день, въ три часа утра, съ мягкой постелью

и сномъ, — сномъ столь сладкимъ, что и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю о немъ. Дѣлать было нечего. Переники (*), присланные Владыкою, уже ожидали меня. Мы выступили. Предувѣдомленная на-канунъ комендантомъ городская стража отперла крѣпостныя ворота и — шагъ за воротами — Черногорцы весело привѣтствовали нашъ выходъ перекатнымъ ружейнымъ огнемъ, съ которымъ я такъ свыкъ въ послѣдствіи, но который и по нынѣ пугаетъ мирныхъ Катарцевъ.

Чудное дѣло: два народа, столь близкіе по физическому положенію, раздѣлены на-вѣчно между собою понятіями, образованіемъ, духомъ, религіей и наконецъ самымъ Ловчиномъ, этой неприступною грядою горъ, отдѣляющей Черногорію отъ остальной части Европы.

Горизонтъ неба едва занимался заревомъ приближающагося свѣтила, но вершина Ловчина уже купалась въ его лучахъ и горѣла, и сіяла, какъ жаръ-птица въ нашихъ сказкахъ. Заливъ Катарскій, лучше котораго и въ мірѣ ничего нѣтъ, спалъ сномъ праведника, существующаго для блага человечества — и только для блага. Божій міръ лежалъ передо мною во всей красѣ своей; но, мало-по-малу, я отклонялъ отъ него свои взоры, томимый страданіями брэннаго тѣла; я уже изнемогалъ, а Ловчинъ возставалъ передо мною все выше и страшнѣй; едва переходили мы одну преграду, являлась другая, еще неприступнѣе; едва взбирались на утесъ, по выдавшимся камнямъ или индѣ изстѣченной лѣстницѣ, не рѣдко цѣпляясь за колючій кустъ, и опять скользили внизъ по осыпямъ; казалось не было конца пути, а солнце, столь привѣтливое вначалѣ дня,

(*) Охранная стража Владыки Черногорскаго.

дышало пламенемъ; лучи его становились отвѣсными; я задыхался отъ зноя и усталости, но вдругъ пахнуло отрадною прохладой съ покрытой снѣгомъ вершины горы и я ожилъ.

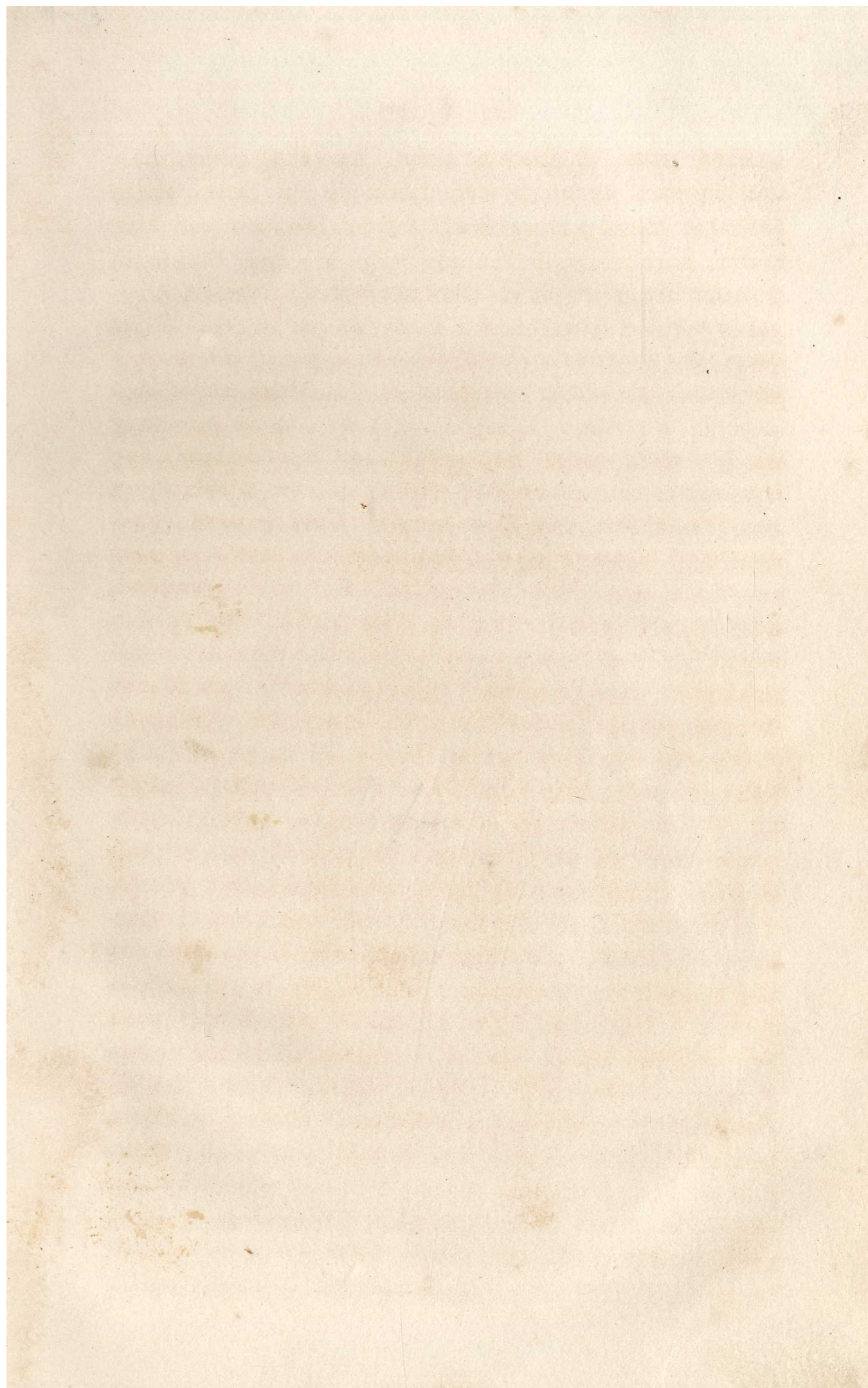
Не удивляюсь теперь, что жители Катара никакъ не въ состояніи убѣдиться въ возможности перехода черезъ вершины Ловчина, хотя ежедневно видятъ приходящихъ изъ-за-него и уходящихъ за-него Черногорцевъ.

Катаро со своими стѣнами, взбѣжавшими высоко вверхъ по волѣ своего великаго творца Микель-Анджело, мало-по-малу становился непримѣтиѣе и наконецъ исчезъ на днѣ бездны. Мы были на вершинѣ Ловчина!

Напряженное зрѣніе устало; пѣна воображенія опала; тѣло просило покоя; я расположился близъ озера, находившагося, по чудной прихоти природы, на самой вершинѣ горы. Какъ прекрасно покоилось это озеро въ своей овальной чашѣ, въ своей первобытной красѣ. Только мѣстами били и крутили и опускались внизъ подземные его ключи. — Откуда взялось это водохранилище, никогда не переполняемое? куда сбывается оно излишекъ водъ своихъ? Но эта мысль коснулась меня только слегка. Я съ наслажденіемъ погрузился въ азіатское бездѣйствіе души и тѣла, и въ разсѣянности слушалъ тарбарскія имена, которыми мой Черногорецъ обозначалъ окрестныя мѣста. Одно изъ нихъ однако коснулось моего слуха своею странностію. «Знаете ли почему вонъ тотъ истокъ называется Ноздерцъ?» спросилъ меня раскащикъ. — «Почему?» И легенда началась.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ дожидали мулы и одна лошадь, высланные Владыкой изъ Цѣтина и мы, утоливъ голодъ и жажду, пустились въ даль-

нѣйшій путь, я, какъ водится, на конѣ, а другіе — кто верхомъ на мулѣ, кто пѣшкомъ, и этихъ было большая часть, впрочемъ, всѣ освобожденные отъ ноши, которую они тащили черезъ горы. Принужденные часто всходить пѣшкомъ на обрывистыя горы и потомъ отдыхать, словно послѣ поденной работы, мы подвигались медленно впередъ, но все-таки, послѣ полудня, достигли до села Нѣгуши, — палладіума Владыкъ Черногоріи, а къ вечеру прибыли въ Цѣтинъ, куда перенесъ свое пребываніе изъ Станевича святопочившій Петръ и гдѣ пребываетъ нынѣшній Владыка Черногоріи. Еще издали, едва завидѣли монастырскую башенку, мы остановились; спутники мои стали молиться. Съ благоговѣніемъ и любопытствомъ глядѣлъ я на нихъ. На гребнѣ горы, въ ширину котораго едва помѣщался чело-вѣкъ или цѣпкій мулъ, было разсѣяно нѣсколько Черногорцевъ: иные еще молились съ чувствомъ глубокаго воодушевленія, устремляя взоры свои къ Цѣтинскому монастырю, гдѣ хранилось ихъ сокровище — мощи святопочившаго Петра, другіе, окончивъ свою молитву, стояли, опершись на длинныя ружья, въ положеніи, столь имъ обычномъ; въ своихъ живописныхъ нарядахъ, съ блестящимъ за поясомъ оружіемъ и развѣвающимся за плечами стружкой, они ярко рисовались на позлащенномъ горизонтѣ. — Послѣ молитвы раздались выстрѣлы; какъ будто Черногорцы хотѣли показать въ то же время и смиреніе свое передъ небесами и угрозу земли. Изъ Цѣтина отвѣчали сотнями выстрѣловъ, которые не умолкали до нашего прихода въ монастырь. Шумная радость смѣнила ихъ. Толпы Черногорцевъ окружили меня, привѣтствовали и цѣловали: я былъ въ родной семьѣ!

ГЛАВА II.

Цѣтинъ и нынѣшнее правленіе Черногоріи.

Броневскій, между прочими чудесами, говоритъ (*), будто Цѣтинъ, зубцами своихъ стѣнъ. . . . своими позлащенными главами и крестами. . . . напомнилъ ему Кремль и Москву! — Цѣтинъ, состоящій, весь, изъ одного монастырскаго зданія, въ которомъ едва вмѣщается десятокъ келій да тѣсная церковь! Не говорю уже о позлащенныхъ главахъ: на немъ, даже, нѣтъ креста, кромѣ высѣченнаго на монастырскихъ воротахъ, свидѣтельствующаго о бѣдности Божьяго дома. Если мы прибавимъ къ этому четыре или пять избъ, которыя служатъ гостиницами для Черногорцевъ, всегда толпящихся въ Цѣтинъ, то мы со всею подробностію опишемъ наружный видъ Цѣтина, времянь Броневскаго. Въ Черногоріи, загроможденной утесами и осыпями, Цѣтинъ славится обширностью разстилающейся вокругъ его равнины, не имѣющей, впрочемъ, и пяти верстъ въокружности. Съ вершины Ловчина Черногорія представляется взволнованнымъ моремъ, на которомъ, какъ пики (ріс), возстаютъ Дормиторъ, Комъ и нѣсколько другихъ горъ, но, изъ числа равнинъ, только одна Цѣтинская замѣтна и кажется глубокою впадиной. Сколько разъ, въ глухую полночь, которая такъ здѣсь страдна своею свѣжестью, проходили мы съ Владыкой эту долину съ одного края до другаго безъ стражи, безъ оружія, и только развѣ глаза слишкомъ бдительнаго переника сторожили насъ издали и непримѣтно.

(*) Записки морскаго офицера и проч. 1818 года.

Владыка — глава Черногоріи. Митрополитъ, военачальникъ и судья, — онъ связанъ тройственнымъ союзомъ со своимъ народомъ. Надежда на міръ лучшій и счастье въ настоящемъ, молитва предъ Судією Верховнымъ и защита отъ силъ земныхъ, все упованіе народа въ его Владыкѣ. Стоя высоко по уму и образованію надъ своими соотечественниками, Владыки Черногоріи умѣли снискать къ себѣ народное благоговѣніе. Не было примѣра, чтобы Черногорецъ нанесъ кому либо изъ нихъ личное оскорбленіе, не говоря уже о посягательствахъ на жизнь. Власть ихъ ограничена только общимъ мнѣніемъ и обычаями предковъ, которые чтутся какъ законъ и исполняются точнѣе и непримѣннѣе закона письменнаго. Не смотря на это, по видимому слабое ограниченіе власти, сосредоточенной въ лицѣ одного, нигдѣ свобода поступковъ, лишь бы она не нарушала правъ собственности и личности другаго, невидна такъ, какъ въ Черногоріи. — До сихъ поръ народъ не зналъ ни податей, ни правильной службы; всѣ его обязанности сосредоточиваются въ защитѣ отечественной свободы, которую онъ сохранилъ чистой и неприкосновенной отъ всѣхъ покушеній своихъ сосѣдей, и нынѣ это невинная, какъ голубица, не вѣста, готовая подъ вѣнецъ, а не подъ жертвенный ножъ, какъ угодно увѣрятъ нѣкоторымъ изъ современныхъ намъ писателей. Правда, новыя времена, новыя покушенія на независимость Черногоріи заставили Владыку противопоставить несмѣнную оборону противъ своихъ сосѣдей; онъ образовалъ изъ Черногорцевъ нѣсколько сотенъ постояннаго войска, на своемъ иждивеніи, устроилъ сторожевыя укрѣпленія по границѣ, и все это, можетъ быть, не безъ нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны народа; но вѣдь несть же

этотъ народъ все свое имущество и жизнь на защиту отечества, и еще въ недавнія времена Кара-Махмута, а принятыя мѣры Владыкой, — Богъ дастъ, — на долго устранять покушенія новыхъ Кара-Махмутовъ.

Нынѣшнее управленіе Черногоріи скорѣе можно назвать патріархальнымъ, чѣмъ военно-духовнымъ, какъ его обыкновенно называютъ. Отецъ все еще остается господиномъ въ своемъ домѣ, а сердарь въ нахиі; но первый не имѣетъ уже власти надъ жизнью своего семьянина или домочадца, а послѣдній — на имущество ввѣренныхъ ему Богомъ и Владыкой гражданъ. Званіе сердаря нахиі, или начальника округа, все еще наследственное и остается въ родахъ издавна славныхъ своею храбростію; но нынѣ, нерѣдко, неспособный сердарь замѣняется однимъ изъ его родовичей, и народное мнѣніе не поддерживаетъ своимъ уваженіемъ смѣненнаго, на переکورъ воли Владыки. Отрядъ, или, правильнѣе, община, извѣстная подъ именемъ «гвардіи» и учрежденная нынѣшнимъ Владыкой, заботится о внутренней безопасности и защитѣ правъ cadaго. Въ гвардію принимаются молодые люди извѣстной фамиліи. Они получаютъ жалованье отъ Владыки, живутъ въ своихъ семействахъ, но во всякое время готовы чинить судъ и расправу въ случаяхъ менѣе значительныхъ, выходящихъ однако изъ подъ семейнаго вліянія, содѣйствовать сердарю того округа, которому принадлежатъ, въ исполненіи его приговоровъ и являться, по воли Владыки, на службу ратную, — оборонять границы, преслѣдовать опальныхъ, взымать пеню съ виновныхъ. Гвардія находится собственно въ зависимости сердарей; но когда я говорю о зависимости въ Черногоріи, то не должно принимать это слово въ обычномъ намъ значеніи. Черногорецъ исполняетъ съ

точностію приказаніе старшаго только тогда, когда убѣжденъ въ необходимости этого исполненія или когда приказаніе идетъ отъ Владыки; въ другихъ случаяхъ онъ безпеченъ, какъ и всякій, привыкшій къ волѣ и южному солнцу, кого излишнія потребности и нужды не пріучили къ непрерывной заботѣ, а роскошь жизни не заставила ежеминутно опасаться за нея. Черногорецъ дѣтеленъ въ одномъ случаѣ, когда заслышитъ кличъ на битву. Это его стихія. Конечно не врожденная склонность, не инстинктъ разрушенія дали подобное направленіе цѣлому народу, — это было бы противно человѣческой натурѣ, но необходимость самохраненія и потомъ, частію, привычка.

Сердарь разрѣшаетъ жалобы, примиряетъ ссоры и предупреждаетъ кровомщеніе своихъ согражданъ; впрочемъ, ни кто не налагаетъ обязанности на тяжущихся идти на судъ сердаря; всякой воленъ обратиться къ любому старшинѣ или воеводѣ, и вообще къ тому, въ комъ надѣется найти болѣе справедливости, и приговоръ въ этомъ случаѣ исполняется также, какъ бы онъ былъ произнесенъ самимъ сердаремъ; а какъ за рѣшеніе всякаго дѣла опредѣлена судѣ извѣстная плата со стороны тяжущихся, то всякій старѣйшина старается пріобрѣсть народную довѣренность и любовь; это одно изъ основаній той утонченной вѣжливости и снисходительности, съ которою старшины обращаются съ народомъ. Власть сердаря умнаго и дѣтельнаго довольно обширна; въ народныхъ собраніяхъ, которыя бывають болѣею частію по воскресеньямъ и гдѣ сердарь — глава и распорядитель, заключаютъ и разрываютъ миръ съ пограничными турецкими племенами и городами; назначаютъ непріятельскія дѣйствія, посылаютъ чету для развѣдокъ, устраива-

ють мірскія дѣла, — послѣднія, вообще, рѣдко возбуждаютъ вниманіе начальниковъ, — примиряють враждующіяся племена и опредѣляютъ наказанія виновнымъ.

Сенать есть высшая инстанція; онъ находится въ Цѣтинѣ и называется «Большой Судъ» для отличія отъ «гвардіи», которая носитъ имя «Малаго Суда.» Начальники всѣхъ нахій, или округовъ, составляютъ присутствіе сената; но такъ какъ они часто должны отлучаться во ввѣренныя имъ округи и оставаться тамъ нѣкоторое время по своимъ или народнымъ дѣламъ, то къ нимъ присоединено еще нѣсколько сенаторовъ изъ старшинъ знатнѣйшихъ фамилій преимущественно. Вице-президентомъ сената нынче двоюродный братъ Владыки, Егоръ Савичъ Нѣгушъ, служившій нѣкогда въ русской службѣ, а президентомъ — Владыка Черногоріи. Все внутреннее управленіе Черногоріи, верховный судъ и власть распорядительная соединена въ сенатъ. — Въ дѣлахъ болѣе сложныхъ и важныхъ изложеніе обстоятельствъ и рѣшеніе дѣла производится на бумагахъ секретаремъ сената. Въ случаяхъ обыкновенныхъ — устно. Малый Судъ и сердари во-все неупотребляютъ ни переписокъ, ни соединенныхъ съ ними проволочекъ при своихъ разбирательствахъ и изслѣдованіяхъ: дѣла рѣшаются обыкновенно устно; мы будемъ встрѣчать образцы ихъ судопроизводства. Обвиненные въ убійствѣ, въ нанесеніи оскорбленія Владыкѣ, въ измѣнѣ противъ отечества приговариваются сенатомъ къ смертной казни. Владыка, какъ лице, облеченное духовнымъ саномъ, остается чуждымъ этихъ приговоровъ. Приговоренный къ казни разстрѣливается. Сосѣди Черногоріи привыкли истощать свое остроуміе надъ убогимъ зданіемъ, въ которомъ помѣщался прежде сенатъ, и надъ без-

грамотностію многихъ сенаторовъ; съ этой точки они глядятъ на политическое образованіе Черного-ріи, и горько ошибаются, и дорого платятъ за свои ошибки. Грядущее въ рукахъ Провидѣнія, но, слѣдуя естественному закону, невольно думаешь, что юное и сильное деревцо нѣкогда вырастетъ высоко, возмужаетъ, окрѣпнетъ и широко раскинетъ вѣтви свои надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ будетъ истлѣвать полуразвалившійся, отживающій свои вѣка дубъ, и можетъ быть приютить его подъ отрадную тѣнь и доставить ему питательную росу. Сенатъ нынѣ перенесенъ въ прекрасное зданіе, воздвигнутое нынѣшнимъ Владыкою, на удивленіе всей Черного-ріи. Судъ и правда чинятся въ немъ честно и хотя не на основаніи письменныхъ законовъ, которыхъ, какъ мы замѣтили, нѣтъ, — если не считать небольшого сборника покойнаго Владыки, — однако на основаніи совѣсти и народныхъ правъ.

Дѣла особенной важности, требующія быстрого распоряженія, всѣ сношенія внѣшнія, управленіе митрополіей, раздача милостей и наградъ относятся къ лицу Владыки. При немъ состоитъ Народный Секретарь. Сорокъ человекъ, извѣстныхъ подъ именемъ перениковъ, составляютъ тѣлохранителей Владыки, это цвѣтъ и краса юношества; не одно происхожденіе и наружность даютъ право на званіе перениковъ но и личныя достоинства, какой нибудь особенный подвигъ храбрости или поступокъ чести; едва ли одинъ изъ нихъ найдется не раненный; малѣйшая жалоба на переника, малѣйшая несправедливость, оказанная кому либо съ его стороны, — и онъ исключается изъ своей общины тѣлохранителей. Переники образованы нынѣшнимъ Владыкою и преданы ему безусловно и безгранично; въ первый разъ они были употреблены въ дѣло нынѣ, противъ Австрійцевъ

гдѣ, своею отчаянною храбростію, заставили дивиться, себѣ самихъ непріятелей и такимъ образомъ начали рядъ геройскихъ подвиговъ, который конечно имъ суждено пройти, хотя въ кругу очень тѣсномъ, однако тѣмъ не менѣе достойномъ ихъ славы. Переники по одеждѣ отличаются отъ прочихъ Черногорцевъ только двумя буквами, вышитыми на шапочкѣ: это начальныя буквы той нахіи, къ которой переникъ принадлежитъ по своему роду и племени; такимъ образомъ Н. К. означаютъ Нахію Катунскую, Н. Ц. Нахію Церничскую и такъ далѣе.

ГЛАВА III.

Пыльшій и святопочившій Владыки Черногоріи.

Съ особенною отрадой вкушалъ я тишину мирной, монастырской жизни и горный воздухъ Черногоріи. Келія моя была рядомъ съ келіей Владыки, и, вмѣстѣ съ двумя сосѣдними, составляла все укромное жилище Правителя Черногоріи. Въ одной, изъ двухъ остальныхъ келій, помѣщалась его обширная бібліотека, другая — служила ему спальней, кабинетомъ и пріемной; столовая — рядомъ. Большую часть дня проводилъ Владыка въ трудахъ и занятіяхъ по управленію своимъ народомъ; у меня были свои заботы, главнѣйше занимался я изученіемъ туземнаго языка. — Языкъ этотъ безъ сомнѣнія составляетъ самое чистое и не испорченное сербское нарѣчіе; между тѣмъ какъ рѣчь Сербъ испещрена множествомъ иностранныхъ словъ, особенно турец-

кихъ, языкъ Черногоріи остался въ первобытной красѣ своей, какъ и самый ея характеръ. Только нѣсколько иностранныхъ словъ, италіянскихъ и турецкихъ, занесено сюда вмѣстѣ съ иностранными предметами, для которыхъ не нашлось сербскихъ названій.

Остальное время дня я проводилъ съ Владыкою. Иностранцы часто говорили о немъ. Видя его мелко-мъ въ Вѣнѣ или зная только по наслышкѣ, они исказили не только характеръ, но даже наружный видъ его, и это одно уже налагаетъ на меня непремѣнную обязанность представить его лицо въ настоящемъ свѣтѣ. Я долженъ начать расказъ свой нѣсколько выше.

Въ то время, когда Наполеонъ громилъ всю Европу, русская флотилія на Адриатическомъ морѣ одна не знала поражений. Ею командовалъ Сенявинъ, а съ нимъ, неразлучно или въ постоянной связи, находился Владыка Черногоріи, предѣстникъ нынѣшняго, герой Славянскаго края; съ небольшимъ десантнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ Русскихъ и Черногорцевъ, они били Французовъ по всему восточному берегу Адриатическаго моря, отъ Антивари до Зары. Древняя республика Рагузы оставила по себѣ однѣ развалины. Катаро, эта чудная твердыня, воздвигнутая по чертежамъ Микель-Анджело, была два раза взята Черногорцами приступомъ, съ помощію однихъ ружей и ятагановъ и при незначительномъ пособіи флота, случившагося въ проливѣ Боко-ди-Катаро, въ первой разъ русскаго, во второй — англійскаго. Святопочившій (какъ называютъ Черногорцы своего покойнаго Владыку) признанъ былъ Правителемъ духовнымъ и гражданскимъ провинціи Боко-ди-Каторо. Но не стало Наполеона; Европа облеклась въ прежнія фор-

мы, и Черногорія должна была также вступить въ свои границы и здать Катаро, купленный цѣною ея пожертвованій и омытый кровію Русскихъ, Австрійцамъ. Она свято исполнила волю Русскаго Монарха, которому ввѣрила судьбу свою при заключеніи Парижскаго трактата. Отъ прежняго времени Черногоріи осталась только одна слава, а съ нею вмѣстѣ усилившаяся до крайности страсть къ битвѣ. Раздоры, порожденные частымъ отсутствіемъ Владыки и непріязненнымъ вліяніемъ сосѣдей кипѣли внутри, пограничныя сшибки не умолкали, кровомщеніе замѣнило всѣ законы и всю власть. При этихъ-то обстоятельствахъ только мощная рука Святопочившаго Петра, закрутивъ бразды правленія, удерживала народъ въ повиновеніи и единствѣ. Это было не обыкновенное лицо необыкновеннаго девятнадцатаго вѣка. Съ прекрасною наружностію, онъ соединялъ глубокой, проницательный умъ, который приводилъ въ отчаяніе самыхъ искусныхъ французскихъ дипломатовъ, обвинявшихъ его кольцомъ лести и соблазна; но никогда не прикрывалъ онъ политическою необходимостію видовъ собственнаго честолюбія, и оставался вѣрнымъ своему долгу и слову, при самыхъ трудныхъ для него обстоятельствахъ. Его честолюбіе или, правильнѣе, его умъ и дѣятельность конечно не могли вмѣщаться въ тѣсномъ кругу Черногоріи. Овладевъ Катаромъ, онъ сдѣлался духовнымъ главою всего Поморья. Герой своего вѣка и края, Петръ имѣлъ чрезвычайное вліяніе на всѣ Славянскія племена православнаго исповѣданія, и, при его усиліяхъ, не разъ стряхали онъ тяжкія цѣпи французскаго владычества и не унывали при неудачахъ. Напрасно Французы, не успѣвшіе ни привлечь его на свою сторону всевозможными обѣщаніями, ни побѣдить его, поставили надъ Поморьемъ

другаго митрополита,— духовная власть Святопочившаго Петра, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вліяніе надъ нимъ не уменьшились. — Онъ былъ чрезвычайно храбръ, и, не рѣдко, увлеченный жаромъ битвы, опережалъ своихъ съ крестомъ въ одной и съ мечемъ въ другой рукъ. Простое, патріархальное обращеніе возвышало его характеръ и, соединенное съ даромъ сильной и убѣдительной рѣчи, увлекало за собою собесѣдниковъ, которые никогда не замѣчали проглядывавшей въ его орлиномъ взорѣ недовѣрчивости, отличительной черты Черногорцевъ и вообще всѣхъ восточныхъ народовъ. Святопочившій Петръ пользовался вполнѣ милостію и довѣренностію Русскаго Монарха, которая, если и колебалась когда, то потомъ возрастала съ бѣльшею силою. Онъ украшался знаками Ордена Св. Александра Невскаго, а многіе изъ еге сподвижниковъ имѣли знаки Георгія 4-й и 3-й степени. Любимый въ высшей степени своимъ народомъ, онъ престоавился, смертію праведника и достойнаго Правителя, среди стекшихся отъ всюду Черногорцевъ, поучая ихъ до послѣдней минуты своимъ словомъ. Онъ умеръ 18 Октября 1830 года, и племянникъ его, 18-лѣтній юноша Петръ, нынѣшній Владыка, наслѣдовалъ, по выбору народа и духовному завѣщанію умершаго, его митру и вѣасть гражданскую, при тѣхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы говорили. Правда, Святопочившій завѣщалъ своему народу уничтоженіе кровомщенія и всякихъ раздоровъ, совершенную тишину внутри и на границахъ, срокомъ на пол-года, — и Черногорцы свято исполнили это завѣщаніе, облекшись въ глубокій трауръ мира; но тѣмъ сильнѣе воспрянулъ онъ, по истеченіи завѣтнаго срока, тѣмъ съ бѣльшею радостію сталъ оттачивать, покрытый ржавчиной, ятаганъ, и раздоры закипѣли

пуше прежняго. Владыка, истощивъ мольбы и отчужденія отъ церкви, долженъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ, къ мѣрамъ строгости и грозной кары, которыя, въ лицѣ столь юнаго правителя, были совершенно неожиданны для Черногорцевъ, и доказали, что они имѣютъ достойнаго намѣстника Сватопочившаго.

Первый ударъ Владыка нанесъ гражданской власти, сосредоточивавшейся въ лицѣ его соправителя, именовавшагося губернаторомъ. — Эта власть, столь несовмѣстная съ управленіемъ Черногоріи, закралась съ незнаемыхъ временъ, средствами насильственными, укоренилась давностію, злоупотребленіемъ и нарушеніемъ правъ Святителей, которые рѣдко имѣли въ губернаторахъ дѣятельныхъ участниковъ въ соправленіи и соребнователей своимъ благимъ намѣреніямъ, но чаще нарушителей своей воли и единства управленія.

Достоинство губернатора было наследственное, первоначально въ родѣ Вукотичей изъ Косово, въ послѣдствіи перешло въ родѣ Родоничей, иные говорятъ посредствомъ купли и продажи, но гораздо справедливѣе по семейнымъ связямъ или народному выбору, потому что для передачи этого права недовольно было взаимнаго условія двухъ родовъ, потребовалось согласіе всего народа.

Родон чивраждовали съ Ныгошами. Въ родѣ первыхъ составилъ заговоръ противъ лица и достоинства Владыки: не стану описывать этого дѣла, во всякомъ случаѣ чернаго, какъ бы не объясняли его, скажу только, что губернаторъ былъ обвиненъ Народнымъ Сенатомъ въ нарушеніи правъ Владыки, употребленіи во зло Государственной печати, преступномъ сношеніи съ чужестранцами и изгнанъ изъ

отечества со всемъ своимъ семействомъ и соучастниками въ заговоръ. Достоинство губернатора уничтожилось. Вслѣдъ за тѣмъ Владыка устремилъ всю власть свою на кровомщеніе, эту стоглавую гидру, терзавшую Черногорію. Смертная казнь была установлена за убійство, подъ какимъ бы видомъ оно не совершилось, хотя бы даже въ равномъ поединкѣ, освѣщенномъ обычаями Черногоріи. Нѣкоторые племена до того усилились, помощію частыхъ побѣдъ надъ другими, что сдѣлались почти не зависимыми и грозили самой Черногоріи: надо было ослабить ихъ, возбудивъ противъ нихъ цѣлый союзъ другихъ, мѣра жестокая, но необходимая по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Владыка переходилъ отъ препятствія къ препятствію, и если не вездѣ оставался побѣдителемъ, то причиною тому былъ недостатокъ средствъ, которыми онъ обладалъ въ ту пору; за то повсюду проявлялась та сила и неколебимость воли, которая составляетъ отличительную принадлежность его характера.

Владыка образовалъ сенатъ на болѣе точныхъ началахъ, чѣмъ онъ дотолъ существовалъ. Онъ опредѣлилъ жалованье сенаторамъ, и тѣмъ обязалъ ихъ на всегдашнее пребываніе въ Цѣтинѣ, между тѣмъ какъ прежде они являлись туда только тогда, когда позволяли имъ хозяйственные занятія отлучаться изъ дому; учредилъ постоянный отрядъ войска, подъ именемъ гвардіи и перениковъ, о которыхъ мы говорили, завелъ училище, и, съ помощію устроенной имъ въ Цѣтинѣ типографіи, распространилъ въ Черногоріи священныя книги, въ которыхъ такъ она нуждалась; нынче секретарь его занимается изданіемъ нужныхъ для первоначальнаго обученія книгъ, какъ то: Исторіи, Грамматики и Ариѳметики. Всѣ эти преобразованія тѣмъ болѣе поражаютъ, что

Владыка пользуется самымъ незначительнымъ доходомъ, который получаетъ съ рыбной ловли въ озеръ Скутари, съ монастырскихъ земель и еще незначительныхъ отраслей промышленности. Ни податей, ни таможенныхъ сборовъ не знаетъ Черногорія. Нынѣшній Владыка, однако, всячески старается склонить народъ на взносъ самой ничтожной, правильной подати, отъ одного до трехъ гульденовъ (отъ 2 р. 15 к. до 6 р. 45 к.) съ семейства, и должно надѣяться, должно желать, чтобы онъ достигъ этого.

Обращаюсь къ наружному виду Владыки. Чрезвычайно высокаго роста, стройный, съ черными, какъ смоль, ниспадающими по плечамъ волосами, съ глазами, полными блеску, правильными чертами лица—Владыка представляетъ образецъ мужественной красоты. Я знаю только одного, въ лицѣ котораго болѣе величія и поражающей красоты. Его знаетъ вся Европа! Художникъ избралъ бы правителя Черногоріи образцемъ для изображенія Геркулеса, а философъ путеводителемъ въ своей жизни. Владыка ведетъ жизнь чрезвычайно умѣренную: столь его болѣе чѣмъ неприхотливый; въ одеждѣ своей простъ, но отличается отъ прочихъ Черногорцевъ. Онъ до того щедръ и сострадателенъ къ нищету, что нерѣдко отдавалъ послѣднюю свою рубаху бѣдному. Изученіе языковъ и литературныя занятія составляютъ его страсть и отдохновеніе отъ тягости правительственныхъ заботъ. Онъ считается однимъ изъ первыхъ литераторовъ между славянами, очень хорошо говорить и пишетъ по-русски и по-французски, и, въ случаѣ нужды, можетъ изъясняться по-италіянски. Но чувство въ немъ преобладающее, чувство, развитое въ высшей степени, —

это пламенная любовь къ родинѣ, къ ея славѣ, ея благоденствію; въ этомъ отношеніи, онъ постоянно находится въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Я могъ бы долго говорить о правителѣ Черногоріи, и только скромность заставляетъ меня умолкнуть.— Трудный путь избрало ему провидѣніе, но провидѣніе и подкрѣпитъ его на немъ!....

ГЛАВА IV.

Путешествіе по нахіи Церничкѣ.

25 Мая

6 Іюня

Обжившись въ Цѣтинѣ, ознакомившись нѣсколько съ народомъ и сблизившись съ его достойнымъ правителемъ, я рѣшился приступить къ изслѣдованію самаго края, и на первый разъ избралъ предметомъ своей экспедиціи нахію Церничку, какъ наиболее доступную по положенію своему. 6-го Іюня нов. ст. я отправился въ путь, сопровождаемъ нѣсколькими перениковъ и Черногорцевъ изъ рабочаго класса.

Съ каждымъ днемъ убѣждаюсь болѣе и болѣе въ томъ, что ограждаетъ, и надолго оградить, свободу Черногорцевъ? Это ихъ горы, неприступныя для Европейцевъ, это ихъ нравы, дикіе для такъ называемаго образованнаго человѣка, это ихъ обычаи, замѣняющіе законы, и гораздо сильнѣе законовъ письменныхъ.

Я изнемогъ. Переходъ черезъ границу нахіи Катунской и Рѣчки напомнилъ мнѣ горы средней Азіи.

Къ счастію, здѣсь нѣтъ лѣсу и болотъ на пути, за то эти наваленныя въ безпорядкѣ громады известковыхъ глыбъ, свидѣтельствующія о недавнемъ ихъ разрушеніи, эти торчащіе, острые камни и мѣстами поросшій терновникъ, прикрывающій бездны отъ глазъ неопытнаго путника, казалось созданы для того, чтобы заслонить этотъ край отъ человѣка; но человѣкъ взялъ его съ-бою отъ вѣчно-состязающейся съ нимъ природы; онъ усвоилъ его, своею кровію упрочилъ обладаніе надъ нимъ, и отдастъ только съ-бою, только съ послѣднею каплею крови. Этотъ человѣкъ намъ братъ по духу и племени.

Для Черногорцевъ вездѣ путь; почти все деревни имѣютъ между собою сообщеніе, но глядя на эти тропинки, выходящія между утесами и ленточкой низнадающія въ бездну, вы скажете—это слѣдъ звѣря, или, скорѣе, вѣшній слѣдъ нагорнаго ключа.—Мнѣ вспалъ на мысль остроумный отвѣтъ Даніила, митрополита и Владыки Черногоріи, Петру Великому: — «Сколько у васъ крѣпостей?» спросилъ Петръ. — «50, отвѣчалъ, незапинаясь, Владыка.» Онъ разумѣлъ подъ словомъ крѣпость каждую деревню, укрѣпленную этими неприступными горами и грудью Черногорцевъ, и былъ правъ! Можетъ быть желалъ онъ также придать болѣе важности своему народу, вступавшему, въ то время, подъ сильное покровительство Россіи. Какъ бы то ни было, но Петръ I, окинувъ орлинымъ взоромъ востокъ Европы, постигнулъ всю важность союза съ страной, ничтожной по величинѣ и населенію, но сильной своимъ мужествомъ и важной, для тогдашней нашей политики, своею постоянною ненавистію къ Турціи.

«Село Черноевичь,» важнѣйшій торговый пунктъ Черногоріи, лежитъ близъ рѣки Иванъ-Бегово-Черноевичь, которая выходитъ изъ обширной пещеры, въ

50 саженьяхъ отъ деревни, и судоходна почти отъ самаго своего истока; я разумѣю судоходна для здѣшнихъ ладей, напоминающихъ, своимъ разительнымъ сходствомъ, наши старыя, донскія ладьи, носившія страхъ и мечь сильнымъ, нѣкогда, Туркамъ. Эти ладьи поднимаютъ отъ 10 до 40 человѣкъ, и привозятъ сюда хлѣбъ, соль и рыбу изъ турецкихъ, прилежащихъ къ озеру Скутари, крѣпостей и деревень, изъ города Скутари, Жабляка и, нерѣдко, Бара (Антивари). Разумѣется, что только одни христіане осмѣливаются являться на здѣшнихъ базарахъ, и то тайкомъ отъ турецкаго правительства, равнымъ образомъ, турецкія владѣнія закрыты тщательно для Черногорцевъ и для всякаго путешествующаго изъ Черногоріи, и легче уберечь голову свою въ самой отчаянной сшибкѣ, чѣмъ явившись за рубежомъ Черногоріи со стороны турецкихъ владѣній.

Еще издалека достигалъ до меня однообразный, печальный напѣвъ, прерываемый какимъ-то судорожнымъ потрясеніемъ голоса, или всхлипываніемъ. Чѣмъ болѣе онъ приближался, тѣмъ яснѣе можно было различить слова, которыя сопровождали этотъ напѣвъ. — Кто это поетъ? — спросилъ я. «Не поетъ, а «голосить»,» рыдаетъ, отвѣчалъ мнѣ Черногорецъ: то жена Ника, что посылки Турки у Бара» (Антивари). Вскорѣ показалась женщина, въ истерзанной одеждѣ, съ обнаженною головою, съ которою ниспадали въ безпорядкѣ волосы и съ лицомъ изцарапаннымъ, покрытымъ язвами, окровавленнымъ: это была вдова, жена Нико. Въ такомъ видѣ проходила она соплеменные села; воспѣвая дѣла убитаго мужа, терзая себя и горько рыдая, возвращала о незамѣнимой своей потерѣ, о потерѣ всего своего племени, и сильною рѣчью возбуждала народное мщеніе. Этотъ обрядъ сохранился въ нѣко-

торой степени у насъ, въ Малороссіи; онъ разительнѣе поясняетъ столь частыя и поэтическія сравненія женщины, оплакивающей потерю мужа, съ «кукующею зузулей.» Далѣе, мы встрѣтили нѣсколькихъ мужчинъ, которыхъ лица также были покрыты кровью; они возвращались съ поминковъ, гдѣ плачь и царапанія своего лица составляютъ необходимый обрядъ, заключаемый, какъ у насъ, трапезой и попойкой.

Между обрядами Черногоріи, разительнѣе другихъ «побратимство» и примиреніе людей, между которыми, какъ говорятъ здѣсь, «кровь.» Побратимство прежде совершалось въ церквѣ и сопровождалось молитвами и особеннымъ торжествомъ; нынѣ, болѣею частію, вступающіе въ побратимство только обмѣниваются крестами; тѣмъ не менѣе, однако, святъ и не нарушимъ этотъ союзъ и вступившіе въ него почитаются братьями. Примиреніе враждующихъ между собою лицъ случается болѣею частію тогда только, когда вина одного, искуплена условленною цѣною въ пользу другаго; тогда виновный надѣваетъ себѣ на шею ружье, и въ униженіи, коленнопреклоненный, при стеченіи народа, испрашиваетъ себѣ прощенія; враги обыкновенно становятся друзьями. Можно себѣ вообразить, какъ тяжелъ этотъ обрядъ для Черногорца, отъ природы въ высшей степени гордаго!

Гордость Черногорца особенно отражается въ сношеніяхъ его съ чужеземцами. Всѣмъ, въ поморьѣ, извѣстенъ анекдотъ о двухъ Черногорцахъ, взятыхъ въ плѣнъ Французами. Лористонъ хотѣлъ непременно отослать ихъ въ Парижъ, на показъ народу, требовавшему, подобно древнимъ Римлянамъ, хлѣба и зрѣлищъ; Черногорцы узнали о предстоявшей имъ участи и предпочли ей другую: одинъ изъ нихъ раз-

можилъ себѣ голову объ стѣну своей темницы, другой уморилъ себя голодомъ.

Трехъ-дневное наше пребываніе въ Черносевицѣ доставило мнѣ возможность видѣть базаръ, который бываетъ здѣсь каждую субботу. Я не переставалъ удивляться, какъ эта толпа, состоявшая изъ 600—700 человекъ, могла такъ мѣрно, такъ плавно волноваться безъ всякаго путевода, не выходя изъ береговъ, не вскипая мятежемъ; какъ могъ существовать этотъ порядокъ и самая строгая честность безъ полиціи, безъ власти, безъ страха наказанія, безъ всякаго чуждаго вліянія, только по внушенію собственнаго убѣжденія, по руководству своей совѣсти и своего сердца. Такъ могущественъ инстинктъ взаимныхъ сношеній и порядка въ человекѣ.

Количество названныхъ уже мною сырыхъ произведеній, бывшихъ на базарѣ, простиралось на сумму 15 т. рублей. Иногда бываетъ въ продажѣ оружіе, единственная роскошь, единственная отрада Черногорцевъ, но это случается чаще послѣ какой нибудь большой четы (*).

Я ринулся въ базарную толпу безъ всякихъ предосторожностей. — Мои непринужденныя движенія, моя рѣчь, моя одежда полу-черногорская возбуждали болѣе участіе ко мнѣ, чѣмъ удивленіе; изрѣдка встрѣчалъ я, украдкой кидаемый, взоръ негодованія турецкаго подданнаго, или католика. Я заходилъ въ трактиръ, или нѣкотораго рода улучшенный нитейный домъ, садился въ кружокъ пирующихъ и велъ съ ними шумную бесѣду. Особенно плѣняли меня красота и разнообразіе одежды.

Южные Черногорцы ходятъ въ своей гуниѣ на распашку, очень похожей на малороссійскую свитку,

(*) Чета — непріятельскій набѣгъ, почти тоже, что баранта Киргизовъ.

съ узкими рукавами, длинной по колѣна, бѣлаго, грубаго сукна, съ красною каймою отъ вѣрота до ногъ, съ рядомъ пуговицъ и петель, которыя, впрочемъ, ни къ чему не служатъ, въ синихъ шараварахъ, оканчивающихся у колѣнъ, въ «доколѣнцахъ» бѣлаго же сукна, замѣняющихъ чулки и «опанкахъ», обуви изъ телячьей кожи, чрезвычайно похожей на древнія сандаліи своимъ видомъ, и прикрѣпленной къ ногамъ ременными «опутами.» Сверхъ гунины, они обыкновенно надѣваютъ камзолъ (елекъ), краснаго сукна, испещренный шелковыми, а иногда мишурными шнурками, окаймленный позументомъ; подъ гунину — родъ жилета, «джамаданъ», алаго сукна. Сѣверные Черногорцы, или Бердяне, рѣдко носятъ гунину; мѣсто ея занимаетъ «косуля», рубаха, не рѣдко тонкаго холста, шитая по-вороту и съ широкими, висячими рукавами; она выходитъ изъ подъ «джамадана», и ниспадаетъ до колѣнъ широкой юбкой; словомъ, одежда эта почти нисколько не отличается отъ албанской. Но тѣ и другіе, сѣверные и южные Черногорцы, носятъ одинаковыя красныя шапочки, обшитыя до половины черною тафтой и иногда повитыя тонкой чалмою; оружіе, состоящее изъ длиннаго, такъ называемаго арнаутскаго ружья, почти всегда изукрашеннаго мѣлкой, искусной насѣчкой изъ серебра и перламутра, два пистолета, не рѣдко чистаго булата, въ оправѣ цѣльнаго, лиатаго серебра и наконецъ ятаганъ, который, вмѣстѣ съ пистолетами, носится за поясомъ, спереди, составляютъ принадлежность всякаго Черногорца. У пояса его виситъ огниво и всѣ потребности для смазки и чистки оружія, почти исключительнаго занятія воинственныхъ Черногорцевъ. Одежда женщинъ не многимъ отличается отъ одежды мужчинъ. Женщины носятъ также гунины, но только безъ рукавовъ; рубахи ихъ

болѣшиты и нарядны; голова замужнихъ покрывается платкомъ, ниспадающимъ по плечамъ, а дѣвицъ—шапочкой, совершенно похожей на описанныя нами мужскія шапочки, съ тою разницею, что она, вся, изукрашена серебряными монетами, большею частію турецкаго чекана. Тѣ и другія носятъ серги, ожерелья, браслеты, все грубой и тяжелой работы; наконецъ широкій поясъ, весь покрытый камнями, сердоликами, халцедонами и ониксами, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ украшеній Черногорокъ; все ихъ оружіе состоитъ изъ узкаго, висячаго у пояса ножика, которому онѣ даютъ иногда кровавое употребленіе. Чтобы не уклоняться отъ истины, я долженъ также замѣтить, что косуля, рубаха, не составляетъ необходимой принадлежности одежды обитателей Черногоріи обоего пола и что бѣдные едва знакомы съ употребленіемъ ея.

Въ Черноевичѣ есть развалины укрѣпленій, воздвигнутыхъ героемъ страны, котораго имя носятъ и рѣка, и деревня, и эти развалины; есть монастырь, о двухъ кельяхъ, есть монахъ, ветхій стражъ этаго ветхаго зданія, въ которомъ находилъ я прибѣжище, но не защиту отъ дождя. Въ немъ проводилъ я только ночи; дни текли въ трудныхъ занятіяхъ, сопряженныхъ съ путешествіемъ, въ напряженіяхъ физическихъ и нерѣдко въ душевной истомѣ. Но изслѣдованія мои въ окрестностяхъ приходили къ концу, и я съ радостію спѣшилъ оставить монастырскую пору, тѣмъ болѣе, что предствовавшее путешествіе въ лодкѣ по рѣкѣ и озеру общало отдыхъ послѣ трудностей горныхъ переходовъ: такъ по-крайней-мѣрѣ думалъ я.

Не стану описывать пещеры, изъ которой выходитъ рѣка Черноевичъ, хотя эта пещера, своимъ великолѣпіемъ и блескомъ сталактитовъ, мало

уступаетъ знаменитой Гейдельбергской пещерѣ. Довольно, что она истомила меня своимъ безконечнымъ пространствомъ и извилистыми переходами. — Обращаюсь прямо къ своей флотиліи.

ГЛАВА V.

Плаваніе по рѣкѣ Иванъ-Бегово-Черноевичъ и озеру Скутари. Пребываніе въ нахій Церничкѣ.

11-го Іюня, нов. стил.

Худо намъ было. — Надолго останется для насъ памятнымъ случившееся приключеніе, а тогда — о, тогда оно было слишкомъ свѣжо, слишкомъ чувствительно, чтобы могло изгладиться внѣшними впечатлѣніями, и потому, удивительно ли, что плаваніе наше совершалось въ печальной тишинѣ, нарушаемой только плескомъ веселъ да восклицаніями гнѣва, которыя то и дѣло срывались съ устъ Черногорцевъ. Извилины рѣки Черноевичъ, горы, которыя забѣгали отовсюду и становились у насъ подъ носомъ, преграждая путь, наконецъ, палящее солнце, — все это пытало насъ страшными муками.

— Дьяволы! воскликнуло наконецъ нѣсколько голосовъ, и столько же выстрѣловъ раздалось по одному направленію.

— Что тамъ еще? спросилъ я.

— Жаблякъ!

— Такъ чему жъ вы обрадовались?

— Обрадовались! Пробормоталъ съ досадою одинъ изъ Черногорцевъ.

— Отсюда также легко достать его зубами какъ и пулей!

Такъ гребѣ ближе къ Жабляку! — воскликнулъ Черногорецъ, выведенный изъ терпѣнія.

— Держись далѣе, сказалъ я хладнокровно, но неменьше его раздосадованный.

Черногорецъ долженъ былъ притѣнить свой безсильный гнѣвъ, вскипавшій порою не внятнымъ ропотомъ. — Настало прежнее молчаніе. — Болѣзненное чувство тяготило всѣхъ насъ.

Такъ миновали мы небольшой островокъ, гдѣ некогда находилась турецкая таможня. Отсюда длинная цѣпь была перекинута на оба берега; и заслоняла путь людямъ не оплаченнымъ или неприязненнымъ. Прѣвали и Жупа остались влѣвъ; небольшой монастырь видѣлся довольно ясно по тому же направленію; теперь онъ пусть по прежнему; но осемь лѣтъ тому назадъ, послѣ долгаго запустѣнія, онъ огласился торжественною молитвою: въ немъ совершалось посвященіе нынѣшняго Владыки въ санъ архимандрита архіереемъ Турецкой Албаніи, который не рѣшился вѣхать внутрь Черногоріи.

Наконецъ, рѣка становилась все шире и слилась въ одну обширную равнину водъ — озеро Скутари! Вольно, весело стремился вдаль мой взоръ, утомленный до-того непрерывными преградами. Заходящее солнце разрисовывало фантастическими красками стекло водъ: то набрасывало на него дымчатую фату, то волновало топленнымъ золотомъ, то переливалось радугой, а тамъ, гдѣ зароняло свой минутный лучъ въ черныя пропасти горъ, — тамъ казалось оно всевидящимъ окомъ провидѣнія, заглядывающимъ, порою, въ грѣшную душу, и какъ таинственны были эти пропасти, непроницаемыя для

глаза смертнаго, и какъ чудесно противоположны
ясной безпредѣльности водъ! — Прохлада въяла
отрадой на душу; солнце все западало болѣе и
болѣе, тьма лажилась на равнинѣ озера шире и
шире; вдали турецкій корабль, плеща, парусился и,
тщетно напрягая грудь, чуть двигался. Скутари
видѣлся весь въ золотѣ, словно чертогъ русалокъ,
полу-погруженный въ водную пучину. Со сторо-
ны Черногоріи слышался благовѣсть къ вечерни, а
на минаретѣ Жабляка муэзинъ призывалъ своихъ
къ молитвѣ. Въ этомъ таинственномъ трепетаніи
водъ, въ этой благоговѣйной тишинѣ природы скры-
валась глубокая молитва. — О, какъ ты прекрасна
мать природа! Не хочу быть птицей, что бы носить-
ся въ поднебесьѣ: на крыльяхъ мысли я унесусь
далеко, далеко!

— Полно глядѣть сентябрь пѣне, сказалъ я,
ударивъ его по плечу; посмотри, какъ все весело и
прекрасно!

— Бога ми, льпо! — произнесъ онъ, не приподнимая
головы.

— Да перекрести хоть лобъ, окаянный! воскли-
кнулъ я, раздосадованный его невниманіемъ, слы-
шишь, колоколь сзываетъ православныхъ людей къ
вечернѣ! — Такъ. — Теперь, когда молитва сдѣлала
тебя добрее и веселѣе, скажи мнѣ, не турецкій ли
то корабль?

— Есть!

— А сколько на немъ пушекъ?

Попъ, осѣнивъ рукой глаза и пристально по-
глядѣвъ вдаль, обратился къ другимъ съ полу-во-
просомъ: — то не самый большой? и потомъ продол-
жалъ: на немъ четыре пушки!

— А что хочетъ дѣлать этотъ уродъ? Видишь, за-
шевелились на немъ люди!

— Дьяволъ! онъ завидѣлъ насъ и убирается назадъ.

— А развѣ намъ мало пути, и мы не разѣдемся на немъ?

— А развѣ мѣсяцъ идетъ на-встрѣчу солнцу, когда его завидить.

Бога ми и Св. Петра, есть! произнесъ другой, подкрѣпляя столь убѣдительную логику.

— Кудажъ поползла эта шутиха? спросилъ я, указывая на гальотъ самаго дурнаго устройства.

— Думаю, въ Жаблякъ!

— Бога ми, не! Наши пушки недопустятъ его далѣе этого мѣста, сказалъ переникъ.

— А гдѣ ваши пушки? спросилъ я съ изумленіемъ, оглядываясь кругомъ и не видя ничего похожаго на укрѣпленіе.

— На этой башнѣ! произнесъ онъ съ гордостью, указывая влѣво. — Дѣйствительно, на небольшомъ утесѣ, составляющимъ островъ Лисандръ и заслоняющимъ собою входъ въ устье Черноевичъ, выглядывало изъ-за груды камней сѣринькое, круглое зданіице, — какъ бы назвать его, чтобъ быть ближе къ истинѣ, — ну, да назовемъ башней; развѣ рѣдко случается, что вещи называются не принадлежащими имъ именами. Въ башнѣ было на ту пору пять человекъ гарнизона и двѣ пушки, небольшія, но очень красивыя и въ исправномъ состояніи, съ орломъ между цамфами. Думалиль эти орлы, носясь за побѣдоносными племенами Наполеона, свить гнѣздо свое, подобно обыкновеннымъ воронамъ, на голѣ утесъ Черногоріи. Но не такой ли утесъ скрылъ и путеводную звѣзду ихъ?

Подобныхъ башенокъ находится нѣсколько въ Черногоріи; всѣ онѣ расположены на границахъ турецкихъ и вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію,

какъ сторожевые пикеты. Въ случаѣ нападеній, которыя пограничныя Турки стараются дѣлать большею частію врасплохъ, Черногорцы запираются въ этихъ башняхъ, и не рѣдко, въ числѣ 50 (больше не можетъ помѣститься каждая изъ нихъ), отражаютъ непріятельскія силы, въ 20 разъ ихъ превосходящія числомъ, пока собравшіеся однородцы не подоспѣютъ къ нимъ на выручку. Только одна лисандровская башенка имѣетъ пушки; другія укрѣпленія снабжены старыми мортирами или другимъ нашедшимся оружіемъ большаго размѣра, которое, обыкновенно, послѣ двухъ трехъ выстрѣловъ дѣлается негоднымъ; но самая лучшая для нихъ оборона, это ружье, это грудь Черногорца, которому скажите: ступай защищать эту башню, чтобы только задержать непріятеля на пути, умри, не сдаваясь, какъ слѣдуетъ «истому» Черногорцу, и онъ колеблясь идетъ на смерть.

И такъ, этого рода укрѣпленіе Черногорцы противупоставили турецкой силѣ на Скутарскомъ озерѣ, состоявшей, прежде, изъ двухъ гальетовъ и двухъ малыхъ судовъ, на которыхъ находилось до десятка разнородныхъ орудій, но нынѣ, благодаря заботливости Турокъ, одинъ гальотъ сгнилъ.

Мы было уже забыли о Жаблякѣ, какъ вдругъ, раздавшійся съ его укрѣпленій выстрѣлъ напомнилъ о немъ: не ужели это отвѣтъ на выстрѣлы Черногорцевъ? Въ такомъ случаѣ бесполезная угроза, потому что ядра не могли долетать и на пол-пути до насъ. Впрочемъ, я обязанъ благодарностью Г. Гакиму, коменданту крѣпости, за этотъ выстрѣлъ: онъ навелъ моихъ спутниковъ на весьма занимательный разговоръ о взятіи Жабляка 20-ю Черногорцами.

Лѣтъ пять тому назадъ, одна изъ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ для Черногорцевъ турецкихъ крѣпо-

стей, Подгорица, и сосѣдственная съ нею нахія Кучи, утомленныя непрестанными непріятельскими дѣйствіями, основанными на взаимномъ опустошеніи и грабежѣ, заключили между собою союзъ, или, по здѣшнему, «хватили вѣру» на цѣлый мѣсяць. Въ припадкѣ великодушія, или можетъ быть уже храня злой умыселъ, Подгоричаняне распространили вліяніе мира на все одушевленное и неодушевленное. Это значило, что не только овцы и женщины, но лошади и мушны — послѣдніе съ оружіемъ и безъ оружія — могли свободно входить въ городъ и посѣщать зависящія отъ него племена; словомъ, это былъ миръ въ обширномъ смыслѣ слова. Большая часть Кучанъ еще не были отъ рожденія въ Подгорицѣ, несмотря на то, что нѣкоторые жили за два ружейныхъ выстрѣла отъ нея: мудрено ли, что всѣ спѣшили воспользоваться случаемъ побывать въ городѣ. Между сосѣдями завелись связи, кумовство христіанъ съ магометанами, столь уважаемое послѣдними, пиры, веселье. . . . Недолго, однако, пировали новые друзья. Черногорцы, вѣрные своему слову, какъ ружью, и не думали подозрѣвать измѣны; они были въ Подгорицѣ такъ же беззаботны, какъ у себя, въ Кучи, и дорого заплатили за свою довѣренность. Семнадцать человѣкъ изъ нихъ, безоружные и беззащитные, были схвачены, зарѣзаны и головы ихъ — трофеи измѣны — выставлены на стѣнахъ крѣпости. Такой постыдный поступокъ взволновалъ всю Черногорію и требовалъ особеннаго мщенія. Взять Подгорицу, снабженную сильнымъ гарнизономъ и пушками, хорошо укрѣпленную, — взять ее съ одними ружьями было не легко, тѣмъ болѣе, что Подгоричаняне ожидали возмездія и были на-сторожѣ. Рѣшили взять другую крѣпость — Жаблякъ.

Жаблякъ отстоитъ за три часа пути отъ Скутари,

мѣсто — пребыванія албанскаго визиря, и можетъ получать отъ него помощь во всякое время, сухимъ путемъ и озеромъ. Крѣпость его не изъ значительныхъ; она стоитъ на возвышеніи, имѣетъ, или, правильнѣе, имѣла въ то время четыре пушки и нѣсколько военныхъ запасовъ, но главнѣйшую оборону составляетъ рѣка Морача, обвивающая ее словно поясомъ; укрѣпленіе господствуетъ надъ окрестностью; что бы завладѣть городомъ, надобно было прежде сбить или захватить укрѣпленіе, но и это было сдѣлать не легко открытою силой, безъ артиллеріи. Прибѣгли къ хитрости: до 20 человекъ Черногорцевъ, подъ предводительствомъ Тома Давидовича и еще одного пѣпа, въ глухую ночь переплыли рукавъ Морачи, отдѣлявшій ихъ отъ Жабляка, тайкомъ и ползкомъ подкрались къ крѣпости, — и пробужденный на-утро городъ увидѣлъ враговъ надъ своею головой. Тщетно старались ихъ выгнать изъ крѣпости; они держались на мѣстѣ, пока не подоспѣли къ нимъ собравшіеся въ значительномъ числѣ Черногорцы; часть изъ нихъ пробила въ крѣпость, черезъ городъ, другая — заняла самый городъ; каждый домъ брали приступомъ; сражались толпами и поодиначкѣ. Это была сѣча между людьми, воспаленными взаимною враждой и мщеніемъ, растравленными жаждою крови, и не было пощады никому и ничему.

Два дня Черногорцы властвовали въ городѣ и въ крѣпость, на третій, по приказанію Владыки, оставили ихъ «какъ царскую собственность,» взявъ съ собою пушки и все, что могли увезти или унести и предавъ остальное огню и мечу.

Въ тотъ же день, къ вечеру, пришелъ въ Жаблякъ паша съ войскомъ изъ Скутари; онъ провелъ здѣсь два дня въ размышленіи, потомъ, потянувшись къ Под-

горицъ, вдоль черногорской границы, высматривая мѣсто, гдѣ бы могъ удобнѣе напасть на нея, прожилъ нѣсколько времени въ Подгорицѣ, и, ни на что не рѣшившись, возвратился наконецъ назадъ; возбудивъ негодованіе своихъ и насмѣшки Черногорцевъ.

Взятіе Жабляка было полезно для Черногоріи въ политическомъ отношеніи: оно вселило въ окрестныхъ турецкихъ подданныхъ страхъ и уваженіе къ Черногоріи и недовѣрчивость къ своему правительству; двѣ деревни, находившіяся по ту сторону рѣки Морачи, по имѣвшія свои земли по эту, были сожжены Черногорцами; жители ихъ должны были перейти на черногорскую сторону или лишиться своихъ земель. Между предстоявшею потерей съ одной стороны и сомнительной защитой съ другой, они присоединились къ Черногоріи и составляютъ одно изъ ея храбрѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ племенъ.

Прости Скутари! Небольшой прибой воды въ правой сторонѣ указывалъ намъ устье рѣки Ораховой, въ которую мы и завернули, но вскоре мелководіе ея заставило насъ оставить лодку и продолжать путь свой берегомъ — опять пѣшкомъ. Впрочемъ, на этотъ разъ, путь не былъ очень труденъ. Рѣка Орахова и сливающаяся съ нею рѣчка Церничка представляютъ равнины, сами-по-себѣ незначительныя, но, сравнительно съ гористымъ и безплоднымъ краемъ Черногоріи, роскошныя и цвѣтистыя, на которыхъ отрадно отдыхаетъ взоръ, утомленный однообразно-сѣроватымъ цвѣтомъ нагихъ, известковыхъ утесовъ. — Мы спустились въ Сотоници, гдѣ я намѣревался прожить нѣсколько времени, для изслѣдованія нахій Цернички и сопредѣльной съ нею нахій Рѣчки. На пути оставили мы Виръ-базаръ, или старый базаръ, мѣсто прежняго торговаго

турецкими подданными и Черногорцами, влѣвъ, возвышались развалины Безаса, или Беса, которыя должно отнести ко временамъ позднѣйшаго владычества древняго Рима. Минуя Болевичи, и уже гораздо послѣ заката солнца, достигли Сотоничей, гдѣ насъ ожидалъ гостепріимный попъ Михайль, изъ роду Пламенцевъ.

Время протекло обычной чередою: тѣже труды и заботы, таже борьба съ дикою природою, которой тайнъ допытывался я; тоже отдохновеніе въ кругу народа дикаго, но вмѣстѣ прекраснаго въ его первобытной простотѣ.

Особенно заняло меня изслѣдованіе и разложеніе воды ключа «Смердежъ.» Химическій составъ ея — сѣрноокислый натръ и сѣрноокислая магнезія; сѣрнистый водородный газъ издалека возвѣщаетъ о мѣсто-нахожденіи этого ключа и отстраняетъ отъ него все живущее.

Въ Сотоничахъ былъ я приглашенъ въ первый разъ на свадьбу. Обряды и пиршества, сопровождающіе свадьбу, во всѣхъ славянскихъ племенахъ похожи между собою, и различествуютъ только въ частности. — Какъ было, нѣкогда, у насъ, какъ водится еще и нынѣ, супружества въ Черногоріи заключаются родителями при помощи сватовъ, «сватовіе;» нерѣдко это случается еще тогда, когда дѣти ихъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и, не вѣдая о предстоящемъ имъ вѣчномъ союзѣ, растутъ вмѣстѣ; чаще же бываетъ, что женихъ и невѣста вовсе не знаютъ другъ друга и видятся впервые подъ вѣнцомъ. Власть мужа, какъ главы и защитника семейства, ненарушима: жена имѣетъ обязанности въ отношеніи къ нему, но лишена всѣхъ правъ. — Подобная жизнь, конечно, не цвѣтетъ восторгами любви и вообще тѣмъ, что мы привыкли называть супруже-

скимъ счастьемъ, за то устранена отъ всѣхъ семейныхъ междоусобій, домашнихъ тревогъ и бѣшеныхъ наслажденій. Правда, много страннаго для насъ представляетъ семейная жизнь въ Черногоріи. Въ первые годы послѣ брака, супруги всячески должны дичиться, убѣгать другъ друга, не смѣютъ говорить между собою, не смѣютъ изъявлять малѣйшей пріязни, не только нѣжности, одинъ другому: все это показало бы ихъ взаимную любовь — чувство слабое, свойственное женщинамъ, и слѣдовательно постыдное для мужчины, для Черногорца. Въ Бердѣ не существуетъ брачнаго ложа для супруговъ; какъ тать, въ ночную пору, прокрадывается мужъ къ своей женѣ, и стыдъ, и горе обоимъ, если кто изъ семейства увидитъ ихъ вмѣстѣ. Даже въ разговорахъ съ другими супругъ никогда не назоветъ по имени свою жену, если необходимость заставитъ говорить о ней, но замѣняетъ ея имя мѣстоимѣніемъ «она,» какъ бы стыдясь своей связи съ женщиной. Дѣтей своихъ долженъ онъ чуждаться, какъ плодъ этой связи, всегда для него унижительной.

По правиламъ греко-россійской церкви мужчины не могутъ вступать въ супружество ранѣе 14, а женщины 12 лѣтъ; по достиженіи опредѣленнаго возраста въ Черногоріи, оба пола спѣшатъ воспользо-ваться своими правами въ этомъ случаѣ, хотя должно замѣтить, что здѣсь страсти не такъ быстро развиваются, какъ вообще въ южныхъ краяхъ. Жена не приноситъ съ собою приданнаго въ домъ новой семьи, и не рѣдко она покупается, какъ между азійскими народами. Прежде плата за жену, этотъ христіанскій калымъ существовалъ во всей Сербіи и Черногоріи и былъ столь значителенъ, что бѣдные принуждены были отказываться отъ радостей супружеской жизни, но Георгій Черный опредѣлилъ за-

кономъ, что бы за жену не платили болѣе червонца. Въ Черногоріи родители никогда не согласятся выдать замужъ меньшую дочь ранѣе старшей, которую подобное предпочтеніе заклеяло бы вѣчнымъ позоромъ. Давши слово на бракъ дочери своей, не рѣдко находящейся еще въ колыбели, родители держутъ свое слово свято, не смотря на всѣ препятствія, которыя не рѣдко встрѣчаются впоследствии; нарушеніе же его влечетъ неизбѣжно вѣчное кровомщеніе.

Вступивши въ комнату, гдѣ раздавался свадебный пиръ, мы были немедленно усажены на почетномъ мѣстѣ, за столомъ, вокругъ котораго уже сидѣли всѣ учрежденные обрядами для свадебнаго дѣла чины, а именно: старый свать, первенецъ, кумъ, воевода, барьяктаръ, или знаменосецъ и дѣверь. Гости были въ нарядныхъ платьяхъ и богатыхъ оружіяхъ. Каждый изъ нихъ приносилъ въ даръ что нибудь, большею частію съѣстное, иногда живыхъ птицъ, и все принесенное располагалъ въ порядкѣ на столѣ, во-всеувидѣніе, что не рѣдко доставляло самыя смѣшныя сцены. — Одинъ изъ гостей принесъ пѣтуха, связаннаго по ногамъ и крыльямъ, и положилъ его передъ невестой; пѣтухъ, почувствовавъ себя на просторѣ, встрепенулся и оборвалъ путы, потомъ, поднявшись на ноги, еще разъ отряхнулся и громко прокричалъ къ общему смѣху присутствующихъ. Градомъ посыпались шутки и острые слова: — Видишь, какой голосистый и какой задорный, сказалъ старый свать, словно тотъ Италіянецъ, что въ Катаро солдатъ учить ходить. — На то и выбралъ изъ ученыхъ, отвѣчалъ принесшій пѣтуха. Всю ночь простоятъ у изголовья молодыхъ и не дасть имъ задремать. — Да гдѣ ты добылъ такого? говорилъ другой. — Вы-

мѣнялъ въ Спужъ за голову Турка, отвѣчалъ хозяинъ пѣтуха, начинавшій терять терпѣніе отъ повсемѣстныхъ насмѣшекъ и помававшій своимъ ружьемъ, котораго еще не успѣлъ поставить къ-сторонѣ. Между тѣмъ отецъ жениха дарилъ гостей, почетнѣйшихъ бѣлыми, холстинными платками, которые называются въ Малороссіи хустками, а здѣсь « марамми » другихъ — деньгами, не менѣе рубля ассигн. Гости ѣли и пили: цѣликомъ зажаренные бараны быстро исчезали и на ихъ мѣсто являлись другіе, для вновь приходившихъ. Но гораздо занимательнѣе сцены происходили внѣ дома: на площадкѣ, выстланной и кругомъ обнесенной каменными плитами, устроенной для просушки хлѣба, толпился народъ. Тутъ, нѣсколько мужчинъ и женщинъ, образовавъ кружокъ, танцевали коло, танецъ медленный и довольно скучный; одинъ изъ извѣстныхъ менестрелей пѣлъ старинную балладу, сопровождая напѣвъ свой однострунной балалайкой, и должно сознаться, что слушателей было гораздо болѣе, чѣмъ зрителей. На свадьбѣ, въ Черногоріи, все пируетъ, кромѣ бѣдной невѣсты, которая обречена на самую страдальческую роль со времени выхода изъ-подъ отчаго крова до заключенія брака. Втеченіи этого времени двое дружекъ, мужескаго пола, не покидаютъ ее ни на минуту: они мучители и благодѣтели ея; для нея припрятываютъ они тайкомъ, за обѣдомъ, нѣсколько лакомыхъ кусковъ, потому что здѣсь почитается величайшимъ безчестіемъ для невѣсты, если кто увидитъ, что она изволитъ кушать; бѣдная не смѣетъ сѣсть и, усталая, голодная, мучимая другими потребностями, она не имѣетъ покоя даже ночью; неотлучные ея дружки раздѣляютъ съ нею дѣвичье ложе! — Этотъ странный обрядъ ведетъ иногда, хотя очень рѣдко, къ пре-

ступленію. Правда, дружки большею частію избираются изъ родственниковъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ изъ молодыхъ и не женатыхъ; правда и то, что они почитаются родными братьями невесты во все время своей службы при ней, и преступленіе, совершенное ими, наказывается какъ бы оно было сдѣлано родными братьями; но къ чему эти искушенія природѣ человеческой, столь сильной въ своихъ началахъ, столь слабой въ послѣдствіяхъ.

Между тѣмъ, мои ученыя коллекціи росли и затрудняли наши переходы, а запасы для жизни матеріальной все болѣе оскудѣвали; надо было обновить послѣдніе и отправить въ Россію первыя. Это заставило меня идти прямо въ Катаро, какъ не ужасала мысль вторичнаго перехода изъ Катаро въ Цѣтинъ.

ГЛАВА VI.

Австрійская граница.

16/28 Іюня.

Отъ Глухой — до начали мы подыматься вверхъ, и едва достигли вершинъ кряжа, отдѣляющаго поморье, предстало намъ, во всей величавой красѣ своей, безпредѣльное и безмятежное, море Адріатическое. — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, на площадкѣ, едва имѣвшей около десятка квадратныхъ саженой, возвышалось правильное, каменное зданіе, и передъ нимъ училось нѣсколько человѣкъ солдатъ, во всей амуниціи. Какой переходъ! Въ лицѣ вахмистра, который стоялъ передо мною, вытянувшись въ струнку, съ руками, опущенными по швамъ, мнѣ представилась образованная Европа!

— Это наша земля, шепнулъ мнѣ сердарь Цернички, сурово указывая на площадку, гдѣ тѣснились австрійскіе солдаты, вдоль казармы, окруженной голыми утесами и стремнинами.

Есть о чемъ жалѣть, подумалъ я.

— Говорилъ я вамъ, что нѣмецкая казарма стоитъ на нашей землѣ, возразилъ опять сердарь, когда мы достигли до полу-склона горы: только отсюда начинаются австрійскія владѣнія; вотъ и крестъ, что пишется во всѣхъ бумагахъ, гдѣ рѣчь идетъ о нашихъ границахъ; его изсѣкъ Черноевичъ, когда размежовывалъ свои земли съ Венеціанскою Республикой; этотъ крестъ признала и Франція во время владычества своего въ Бокъ, признала и Австрія рубежомъ Черногоріи, да и какъ не согласиться въ его древности; поглядите на него: совсѣмъ расплылся на камнѣ. — Дѣйствительно, видно было, что время давно трудится надъ уничтоженіемъ этого свидѣтеля славныхъ дѣлъ Черноевича, но крестъ, глубоко изсѣченный на обломкѣ утеса, боролся съ временемъ и еще сохранилъ ясно свое изображеніе. Я, не колеблясь, изъяснилъ мнѣніе свое о старости этого креста, вовсе, однако, не касаясь вопроса, кѣмъ и для чего онъ былъ изсѣченъ, и никакъ не предполагалъ, чтобы это ничтожное обстоятельство могло быть искажено и подать поводъ къ какимъ либо выводамъ со стороны мѣстнаго австрійскаго начальства. Тѣмъ менѣе воображалъ я, чтобы эти мѣста, столь мирныя въ то время, могли черезъ нѣсколько дней огласиться кликами брани.

Вечеромъ достигли мы Кастель-Ластвы, и нашли здѣсь все довольство нѣмецкихъ поселянъ и гостепріимство Славянъ. Кастель-Ластва раскинута вдоль моря, между садами и нивами, въ мѣстоположеніи очаровательномъ. Отвсюду вѣяло нѣгой и величіемъ

адриатической природы. Вправъ, на голомъ утесъ, возвышались развалины древняго зданія, безъ которыхъ нѣтъ полноты италіанской картины; часть ихъ, переходящая на твердую землю, была обработана, по обычаю нѣмецкому, и занята казармами — нѣтъ, лазаретомъ: казармы Австрійцевъ помѣщаются, большею частію, въ новыхъ палацахъ еще недавнихъ патриціевъ. — Кастель-Ластва населенъ Славянами, племени Пастровичанъ, и принадлежитъ Катарскому Округу. Находясь между границами турецкой, нынѣшней австрійской и черногорской, Пастровичане изжили въкъ свой въ битвахъ; они славятся храбростію въ самой Черногоріи, и гордятся древностію своихъ правъ и знаменитостію племени. При всей своей малочисленности, нѣсколько разъ составляли они отдѣльную и независимую республику. Нѣкоторые роды сохраняютъ грамоты, въ которыхъ изложены ихъ привилегіи, будто бы дарованныя Александромъ Македонскимъ, и признанныя дѣйствительными Венеціанскою республикою; между ихъ древними привилегіями замѣчательна одна, которая даетъ имъ право, изъ 12 родовъ своихъ, избирать государя. Изъ числа новѣйшихъ важны слѣдующія: Пастровичане ежегодно избираютъ четырехъ судей, двухъ воеводъ, двѣнадцать «властей» и шесть старшинъ. Всѣ эти лица имѣли резиденціей островъ Св. Стефана, и оттуда управляли народомъ. Вообще республика Венеціанская не только утвердила привилегіи, которыми пользовались издревле Пастровичане, но привычкѣ или по праву, но, желая возблагодарить ихъ за разныя услуги, оказанныя въ битвахъ съ Турками, и, можетъ быть, страшась ихъ въ свою очередь, она еще распространила эти привилегіи, признала дворянство Пастровичанъ во всей силѣ и уравнила его съ дворянствомъ побѣдо-

носной и горделивой Венеціи. Число Пастровичанъ, знаймающихъ нѣсколько деревень, большею частію расположенныхъ вдоль моря, простирается до 3,000. Всѣ они православнаго греко-россійскаго исповѣданія. Наружнымъ видомъ и самою одеждою мало отличаются отъ Черногорцевъ, кромѣ развѣ того, что не носятъ опанковъ и до того презираютъ ихъ, что скорѣе станутъ ходить босыми, чѣмъ надѣнуть эту обыкновенную обувь Черногорцевъ, съ которыми большею частію живутъ во враждѣ.

Пастровичане сохранили нѣкоторыя свои права и обстаиваютъ ихъ съ упорствомъ; а потому находятся въ непрерывной борьбѣ съ мѣстнымъ австрійскимъ правительствомъ, усиливающимся подвести ихъ подъ общій уровень съ прочими подданными Имперіи.

Въ Кастель-Ластвѣ нашелъ я девяностолѣтняго старика, слабаго тѣломъ, но бодрого духомъ, сохранившаго всю свѣжесть памяти и еще искру прежняго пламени страстей: любопытно было слушать его, поучаться живой исторіи послѣдняго пятидесятилѣтія этого края и наблюдать, какъ воспламенялась полуутухшая искра жизни въ старца, какъ вскипалъ онъ вновь мятежемъ страстей; изъ больнаго, слабаго старика, становился онъ мужемъ бодрымъ, со сверкающими глазами и смѣло потрясающею рукой, которая дрожала и была холодна вначалѣ его рѣчи. Радованъ, имя старика, помнилъ то время, когда явился въ Черногорію Стефанъ Малый и, объявивъ себя Россійскимъ Императоромъ, Петромъ III, увлекъ за собою народъ и захватилъ бразды правленія; кажется, даже, Радованъ участвовалъ въ смѣлой экспедиціи неустрашимаго Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, который, явившись въ Черногорію съ 20 человекъ,

большею частию Иллирійскихъ Славянъ, именемъ Императрицы, Екатерины II, требовалъ отъ Черногорцевъ Лже-Петра и, съ горстью людей, грозилъ имъ местію изъ Цѣтинскаго монастыря.

— Какъ будто сего дня совершилось предо мною все, давно бывшее, говорилъ старикъ, а тому лѣтъ семьдесятъ! теперь не такъ: что дѣлалось вчера, я забываю сего-дня: видно, или память моя слабѣетъ, или дѣла-то теперешнія таковы, что отъ нихъ ни на памяти, ни на сердцѣ ничего не остается. Такъ вотъ, видите-ль, — продолжалъ онъ, — разъ, сидимъ мы всею семьєю и ужинаемъ: моему отцу было тогда за семьдесятъ, а мнѣ десятка полтора годовъ, я былъ старшій въ семьѣ и уже давно ходилъ съ ружьемъ; вотъ мы ужинаемъ, вдругъ, раздался стукъ въ двери: кого бы Богъ принесъ въ такую пору, сказалъ мой старикъ, а ночь была — зги не видно; не чета ли? — Нѣтъ, отецъ, чета не просится, а ломится въ двери, отвѣчалъ я; а вотъ, посмотрю, да впущу гостей, коли они хоть незваные, да желанные. Я отворилъ двери и двое незнакомыхъ людей, не дожидая приглашенія, вошли въ избу. Одинъ, по одеждѣ, и по рѣчи, и по складу лица, походилъ совсемъ на Черногорца, другой, только одною рѣчью, хотя не совсемъ для насъ понятной, нѣсколько приближался къ намъ; онъ безъ околичностей, стряхнулъ свой широкій охобень, окативъ насъ всѣхъ водой, и, молча, сѣлъ къ огню; товарищъ его повелъ бесѣду съ моимъ отцомъ. Я слушалъ, не переводя духъ, — такъ чудны были рѣчи его. — Изъ Анконы сюда прибыли мы въ рыбацкѣй лодкѣ, говорилъ онъ, Турки и Венеціане сторожили насъ, да проглядѣли, и мы пристали, безпрепятственно, у Спича, близъ самой границы вашей съ Турками и Бokoю (она была тогда подъ

Венеціанами), товарищи наши еще въ лодкѣ, стерегутъ пожитки; но Боже сохрани, если утро застанетъ ихъ въ лодкѣ, — ты понимаешь! Не станемъ терять времени. Ты христіанинъ, нашъ по крови и по вѣрѣ, дай намъ проводника, или проводи самъ до берега и укрой насъ потомъ, на время, здѣсь. — Отецъ мой задумался. — Сколько васъ всѣхъ, спросилъ онъ? Человѣкъ двадцать, большею частию Иллирійскіе Славяне. — А этотъ, кто? — Это нашъ начальникъ, Русскій, изъ знатнаго рода Князей Долгорукихъ; онъ сердаръ и воевода въ своемъ краю. — Русскій — знаю; у нихъ былъ Великій Царь, Петръ I. Отецъ мой видѣлъ его, когда былъ на Руси съ Владыкою Данииломъ; а теперь на Руси вѣдь нѣтъ Царя: Царь ея, Петръ III, теперь правитъ Черногоріей.

— На Руси есть Царь Великій, Екатерина Алексѣевна, сказалъ другой пришлецъ, языкомъ для насъ понятнымъ и гордо подымаясь съ мѣста, и правитъ Она Руссю, потому что Петръ III волею Божіею помре. А тотъ, что у васъ, не царь, а лжецъ и самозванецъ.

Я видѣлъ, какъ старикъ мой нахмурилъ брови, и думалъ, вотъ подымется буря, но отецъ вспомнилъ долгъ гостепріимства — и буря миновала. — Кто бы вы ни были, сказалъ онъ, за чѣмъ бы сюда не пришли, я дамъ вамъ проводника и пристанище; ни кто не скажетъ, чтобы христіанинъ выдалъ своихъ единовѣрцевъ Туркамъ или Венеціанамъ, а въ случаѣ нужды съумѣю защитить васъ и отъ своихъ, сказалъ онъ, сурово поглядывая на Русскаго Князя. Радованъ, ступай съ ними и не приходи безъ нихъ. Мы отправились. Славная пора, думалъ я, идти на чету и поглядывать на турецкое село, что было не вдалекѣ отъ насъ и гдѣ все спало

смертнымъ сномъ. — До разсвѣта достигли мы вонъ той бухты; тамъ человѣкъ съ-пятнадцать, притаясь и на-сторожѣ, ждали насъ. Князь что-то сказалъ одному молодцу, который, потомъ, былъ неотлучно при немъ, и мы отправились назадъ, въ горы.

Окончаніе экспедиціи Князя Долгорукаго извѣстно: онъ достигъ одной цѣли своего посольства, возбуждиль Черногорію къ общей войнѣ съ Турціей и тѣмъ отвлекъ лучшую часть ея войска, Босняковъ и Албанцевъ, отъ участія въ войнѣ съ Русскими, которая уже возгоралась въ то время, но не могъ выполнить другаго порученія Императрицы, изторгнуть изъ Черногоріи лже-Петра. Черногорцы остались вѣрными своей присягѣ.

Радованъ сообщилъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ о Стефанѣ Маломъ; вотъ одинъ изъ нихъ, рѣзко очерчивающій характеръ Черногорцевъ. Стефанъ былъ строгъ до крайности, но справедливъ; Черногорцы терпѣли его и чтили въ немъ Русскаго Царя, которому дали у себя пріютъ и власть. — Разъ, онъ вздумалъ испытать честность своего народа самымъ страннымъ образомъ: на распутѣ, между Цѣтиномъ и Катаромъ, наиболѣе посѣщаемомъ Черногорцами, положилъ онъ нѣсколько червонцевъ — и золото осталось нетронутымъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока онъ не взялъ его обратно.

Вездѣ, между Славянами греко-россійскаго исповѣданія, находилъ я самое радушное гостепріимство и самое искреннее участіе въ моей судьбѣ, проявлявшееся даже въ мелочахъ. — Въ Кастель-Ластвъ я хотѣлъ осмотрѣть развалины древняго зданія, которое въначало дикій утесъ, возвышавшійся надъ морскою пучиной, недалеко отъ берега; не безъ труда убѣдилъ я своего хозяина сопутствовать мнѣ: онъ боялся за меня, а не за себя; кое-какъ причалили

мы къ утесу, вокругъ котораго кипѣли волны, и лодка служила намъ первою ступенью къ цѣли, казавшейся вблизи еще неприступнѣе; утесъ былъ высокъ и обрывистъ, но мы кое-какъ вскарабкались на него и мое любопытство было вполнѣ вознаграждено: древнее зданіе Римлянъ, охраняемое своею неприступностію, сохранилось отъ вліянія рукъ людскихъ, и казалось самое время, которое, въ этомъ случаѣ, почти всегда работаетъ за одно съ человекомъ, пощадило его: не бойтесь, я не стану вамъ описывать древностей; знаю, что подобныхъ описаній ни кто не читаетъ; надо видѣть эти зданія, и по нимъ изучать исторію ихъ временъ и обитателей. Спуститься съ утеса было еще труднѣе, чѣмъ взойти на него, и я долженъ былъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ средству весьма невинному, употребляемому дѣтьми, не знающими назначенія ногъ; желая привести въ дѣйствіе свои руки, какъ важное вспомогательное орудіе, я опустился на-земь..... и такимъ образомъ хотѣлъ продолжать путь. — Что вы дѣлаете! закричалъ съ ужасомъ мой спутникъ, васъ видятъ съ берегу, и Богъ знаетъ, что подумаютъ. — А что подумаютъ? — Скажутъ, что вы — простите, если такъ выражусь — что вы трусили. — Нечего дѣлать, надобно было встать. Не безъ усиленнаго біенія сердца началъ я нисходить къ лодкѣ, и радъ былъ всякому встрѣчному терновнику, за который могъ вцѣпиться.

Изъ Кастель-Ластвы въ два часа достигъ я Будвы, моремъ, оставивъ влѣвъ островокъ Св. Стефана съ крѣпостцой и Майну, вдали, на твердой землѣ. — Въ четыре часа времени сдѣлалъ я переходъ изъ Будвы въ Катаро, по прекрасной дорогѣ, устроенной Французами, которая тянется вдоль взморья до Рагузы и далѣе. По этой дорогѣ можно было бы

разъѣзжать въ экипажъ, если бы во всей Бокъ былъ хотя одинъ экипажъ.

И въ этотъ разъ не зажился я въ Катаро. Нестерпимый жаръ вытѣснилъ меня отсюда, и я отправился въ Цѣтинъ.

ГЛАВА VII.

Историческое обозрѣніе Черногоріи.

Во время пребыванія своего въ Цѣтинъ, я занялся тщательнымъ осмотромъ здѣшняго архива и изученіемъ нѣкоторыхъ черногорскихъ лѣтописей. Указателемъ въ этомъ дѣлѣ служили мнѣ свѣденія, собранныя Г. Милаковичемъ. Передаю здѣсь историческій очеркъ Черногоріи.

Самобытность Черногоріи начинается еще при Сербскихъ владѣтельныхъ Князьяхъ. Черногорія, вмѣстѣ съ прилежащей къ ней Зетою, и подъ именемъ послѣдней, составляла округъ Сербіи, но правилась собственными своими князьями, изъ дому Бальсачъ, который состоялъ въ родственной связи съ Неманичами, удѣльными Князьями Сербіи. — Замѣчательно, что, втеченіи всего своего историческаго бытія, Черногорія не запятнала себя клятвопреступленіемъ. Когда Сербія признала царевубійцу Велкамина своимъ владѣтельнымъ Княземъ, Черногорія отпала отъ Сербіи совершенно, гнушась ея черною измѣной; но когда Сербы провозгласили Лазаря Гребляновича своимъ Княземъ, — Черногорцы опять соединились съ ними въ одну семью, охранивъ однако свои права и своихъ собственныхъ

Князей. Знаменитая битва на Косовомъ Полѣ рѣшила судьбу Сербіи: съ этой битвы, ознаменованной во всемірной исторіи смертію двухъ Царей, Амурата и Лазаря, и паденіемъ Сербіи, начинается историческая извѣстность Черногоріи.

Въ то время Зетой управлялъ Князь Баошъ, женатый на дочери несчастнаго Лазаря. Онъ спѣшилъ подать помощь своему тестю, но измѣна Вука Бранковича предупредила битву и паденіе Сербіи.— Баошъ долженъ былъ вернуться назадъ и думать о безопасности собственнаго своего удѣла. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался независимымъ владѣтелемъ, отказавшись признавать надъ собою власть Турецкаго Султана, и сохранилъ зерно свободы славянскихъ племенъ. — Ему наследовалъ сынъ его Стратимірь, прозванный Чернымъ, по цвѣту своего лица, извѣстный своимъ исполинскимъ ростомъ и храбростію, а также и тѣмъ, что передалъ прозваніе «Черный» своему потомству.— Стефанъ, сынъ и преемникъ Стратиміра, княжилъ въ первой половинѣ 15-го вѣка, въ годину славнаго Георгія Кастріота, прозваннаго Скандербергомъ, которому онъ помогалъ войскомъ, какъ сосѣдъ и союзникъ, противъ общаго врага христіанства. — Стефанъ передалъ старшему изъ трехъ сыновей своихъ, Ивану, правленіе Зетой и Черногоріей, а вмѣстѣ съ тѣмъ вражду Турецкой Имперіи, которую онъ нажилъ союзомъ своимъ съ Скандербергомъ. По завоеваніи Албаніи и Герцеговины, всѣ силы турецкія обратились на Черногорію; Иванъ Черноевичъ, безъ союзниковъ, безъ денегъ, боролся съ силами Имперіи; изнемогая въ неровномъ бою, онъ сдалъ бразды правленія брату своему, извѣстному подъ именемъ Арванита храбраго, и отправился искать помощи Западныхъ державъ. Но Западъ былъ слишкомъ занятъ своимъ дѣломъ,

и слово правды и вѣры не нашло въ немъ отголоска. Черноевичъ вернулся назадъ, и, съ твердымъ упованіемъ на Бога и на свой народъ, предпринялъ одинъ борьбу съ Имперіей. Онъ оставилъ Жаблякъ, находившійся въ сосѣдствѣ Турковъ и перенесъ резиденцію въ Цѣтинъ, вновь имъ воздвигнутый; сюда же перенесъ онъ митрополію, и занялся внутреннимъ устройствомъ края, укрѣпилъ, со стороны Турціи, рѣку Ободъ, извѣстную подъ именемъ Черноевичъ, воздвигнулъ въ горахъ нѣсколько укрѣпленій и сдѣлалъ общее воззваніе къ народу. Водушевленные примѣромъ Черногорцы съ восторгомъ откликнулись на его призывъ. На общемъ собраніи въ Цѣтинъ опредѣлили считать измѣнникомъ и уголовнымъ преступникомъ всякаго, кто не приметъ участія въ войнѣ съ Турціей, или уйдетъ съ поля битвы, а въ знакъ особеннаго къ нему презрѣнія одѣвать его въ женское платье и, съ прямою въ рукѣ, водить по селамъ Черногоріи, — наказаніе гораздо ужаснѣе смертной казни.

Сила турецкая отпрянула отъ твердынь Черногоріи, и Черноевичъ спокойно кончилъ вѣкъ, прославляемый и чтимый народомъ, который, и по нынѣ, съ восторгомъ вспоминаетъ о немъ и освящаетъ его именемъ все близкое своему сердцу; онъ оставилъ Черногорію спокойную и разширившую свои владѣнія до Лимы съ одной стороны и до моря съ другой, — предѣлы, до которыхъ она впоследствии никогда не доходила.

Отдаленные владѣтели искали союза Ивана Черноевича. Одна племянница его, дочь Арванита-храбраго была замужемъ за Радолемъ, владѣтельнымъ княземъ Волошскимъ, а другая, за Стефаномъ Бранковичемъ, сыномъ знаменитаго деспота Сербіи, Георга I. Венеціанская республика, которая по

праву владычицы Адриатики наследовала, послѣ паденія Сербіи, покровительство Катарской республики, искала дружбы Черноевича, чему свидѣлствуютъ многіе, заключенные между ними трактаты, между которыми особенно примѣчательны объ опредѣленіи границъ Черногоріи.

Георгій, старшій сынъ Ивана, принялъ бразды народнаго управленія. — Въ его время нѣсколько Черногорцевъ, сопутствовавшихъ его злополучному брату Стефану, прозванному Станоша, въ Константинополь, приняли тамъ магометанскую религію; покровительствуемые Турками, старавшимися подорвать христіанство въ Черногоріи, на которомъ преимущественно опиралась народная сила, эти отступники вѣры сдѣлали въ послѣдствіи много зла своему отечеству. — Георгій думалъ распространеніемъ церковныхъ книгъ воспламенить ревность къ православію. Онъ досталъ изъ Венеціи всѣ типографскіе принадлежности, и въ домѣ, построенномъ отцемъ его при рѣкѣ Черноевичѣ, началъ печатаніе книгъ. Его Октоихъ былъ отпечатанъ въ 1495 году, т. е. черезъ четыре года послѣ напечатанія первой Псалтыри въ Краковѣ.

Георгій Черноевичъ не имѣлъ сыновей. Достигнувъ глубокой старости и убѣждаемый безпрестанно своею женой, Маріей, изъ фамиліи венеціанскихъ дворянъ Моцениго, онъ рѣшился сложить съ себя бремя правленія и провести остатокъ дней на родинѣ своей жены. Прощаясь съ народомъ, онъ завѣщалъ ему свою волю въ слѣдующихъ словахъ: «Оставляю вамъ по себѣ митрополита Германа и преемниковъ его, митрополитовъ, пока самъ Богъ не сотворитъ для васъ чего лучшаго. Митрополитъ есть общій вашъ отецъ и архипастырь. Его домъ — общій домъ молитвы; кто будетъ болѣе заботиться о сча-

стіи вашемъ, какъ не общій вашъ духовный отецъ; вы, по духу, чада его, и овцы словеснаго стада Христова, о которомъ онъ, пастырь вашъ, станетъ пещись въ жизни сей и въ вѣчности. Прибѣгайте къ нему въ горь и радости; внимайте совѣтамъ его. Вручаю ему гербъ, который употребляли въ Бозѣ пачившіе Цари Сербскіе, предки мои, и я самъ!» Народъ рыдалъ, разставаясь со своимъ достойнымъ правителемъ, и провожалъ его, вмѣстѣ съ митрополитомъ, до Катара.

Митрополитъ Германъ принялъ по его завѣту бразды правленія. — Съ этихъ поръ начинается духовная власть въ Черногоріи.

При Германѣ и достойныхъ преемникахъ его митрополити и народа, Павль, Василіъ и Никодимъ, Турки часто покушались на независимость Черногоріи; они особенно дѣйствовали посредствомъ «потурчаниковъ» (Черногорцевъ, принявшихъ магометанскую религію), — но всѣ ихъ усилія уничтожались твердостью характера и неустрашимостью Святителей.

По смерти Никодима, Черногорія оставалась нѣсколько времени безъ пастыря, въ ожиданіи сербскаго патріарха, который долженъ былъ поставить митрополита. — Потурчаники воспользовались этимъ временемъ и ввели Турковъ въ укрѣпленіе Иванъ-Бегово, находящееся при р. Черноевичъ. Такимъ образомъ Турки завладѣли главнымъ рынкомъ Черногоріи. Послѣ Никодима, Черногоріею правили митрополиты Руфимъ Болевичъ, Пахомій Команъ, Мардарій Корпечанинъ, Руфимъ Велекрайскій, Василій Велекрайскій, Виссаріонъ Бойца и Савва Калугеричъ.

Виссаріонъ Бойца вспомоществовалъ Венеціанской республикѣ въ войнѣ противъ Турціи (1623), и дорого заплатилъ за это; оставленный Венеціанами въ

годину бѣдствія, онъ долженъ былъ принять на себя одного всѣ силы Сулеймана, Паши Скутарскаго, и былъ на голову разбитъ. Турки проникли до Цѣтина и сожгли его. Черногорія находилась на краю бѣдствія и тяжкихъ испытаній: села ея пылали, народъ гибнулъ въ неровной битвѣ, потурчаники сидѣли въ укрѣпленіи Черноевичъ, самовластно правили базаромъ, повсюду сѣяли раздоры и довершали народныя бѣдствія. Въ этомъ положеніи Черногорцы, съ общаго согласія, прибѣгнули къ Даніилу Петровичу Нѣгошу, и противъ его желанія, противъ воли, избрали его своимъ архипастыремъ и вождемъ. Даніиль рукоположенъ въ 1700 году отъ патріарха Арсенія Черноевича въ венгерскомъ городѣ Сечуѣ. Возвратившись въ Черногорію, онъ приступилъ къ дѣлу жестокому, но неизбѣжному для спасенія свободы и религіи Черногорскаго народа. Даніиль созвалъ главарей и описалъ имъ съ тѣмъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, которымъ онъ обладалъ, положеніе Черногоріи; указавъ на потурчаниковъ, какъ на главныхъ виновниковъ такого положенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на искупительную жертву самобытности края, онъ требовалъ, чтобы потурчаники во всей Черногоріи были истреблены до-одного; главари согласились и въ тайнѣ составили планъ всеобщаго истребленія. Въ назначенную ночь раздалась повсемѣстная въ Черногоріи тревога; христіане кинулись къ оружію, и кровь отпадшихъ братій ихъ полилась рѣкою. — Сицилійскія речи возобновились во всей ужасающей полнотѣ своей. — Едва нѣсколько челоуѣкъ успѣли искупить жизнь свою обращеніемъ въ христіанство; роды ихъ навсегда сохранили прежнія свои магометанскія фамиліи, какъ бы въ память потомству о своемъ несчастномъ,

нѣкогда, заблужденіи. Они и понынѣ существуютъ въ Черногоріи подъ именами Аліичей, Мухамедоновичей и проч.

Съ этой ужасной ночи въ Черногоріи не стало потурчаниковъ.

Владыка Даніилъ, стремившійся всѣми силами къ уничтоженію внутреннихъ раздоровъ, къ укрѣпленію связи и единства въ своемъ народѣ, направилъ его тревожную дѣятельность на сосѣдей. Начало его правленія ознаменовано частыми и успѣшными сшибками съ пограничными Турками. Одна изъ этихъ сшибокъ замѣчательна по своимъ небывалымъ послѣдствіямъ. Черногорцы захватили въ плѣнъ нѣсколько Турокъ, и на этотъ разъ, противъ обыкновенія, даровали имъ жизнь: рѣчь зашла даже о выкупѣ ихъ, тогда Черногорцы потребовали за cadaго плѣннаго по одной свиньѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что величина свиньи должна была согласоваться съ бѣльшею важностію и значительностію плѣнника: Турки принуждены были согласиться на этотъ постыдный для нихъ размѣнъ.

Со времени правленія Даніила начинаются первыя дружественныя сношенія Россійской Имперіи съ Черногоріею. Петръ Великій, приступивъ къ войнѣ съ Турецкою Имперіею, первый постигнулъ всю важность военной диверсіи со стороны Черногоріи. Посланные его съ различными предложеніями и словомъ дружбы, Милорадовичъ и Лукашевичъ, произвели всеобщій восторгъ въ Черногоріи, и безъ труда достигли цѣли своего посольства: Черногорцы, не медля, всѣми силами ударили на Албанію и Герцоговину и, торжествуя повсюду, отвлекли ихъ силы отъ участія въ войнѣ противъ Россіи. Несчастный мирный трактатъ при Прутѣ, въ 1711 году, ничего не упомянулъ о Черногоріи, и Султанъ,

не довольный этимъ поспѣшнымъ миромъ, обратилъ шестидесяти-тысячный корпусъ, находившійся при Прутѣ, на Черногорію, желая излить на нея всю месть свою.

Даніилъ рѣшился предупредить нападеніе турецкой силы. Ночью, врасплохъ, напалъ онъ на Сераскира, но Турки, вскорѣ оправившись отъ перваго замѣшательства и видя малочисленность непріятеля, рѣшились сопротивляться; тогда Даніилъ, условленными знаками, приказалъ предварительно скрытой имъ въ тылу непріятеля засадѣ ударить со своей стороны. — Турки смѣшались и бѣжали: при всеобщемъ безпорядкѣ они не попали на настоящій путь и зашли въ дремучій лѣсъ, гдѣ, окруженные отвсюду Черногорцами, «валились, какъ подкошенная трава,» говоритъ народная пѣснь, и самъ Сераскиръ едва спасъ бѣгствомъ жизнь, и отнесъ голову свою на плаху въ Константинополь. — Богатая добыча и 30 Турецкихъ знаменъ достались побѣдителямъ. Мѣсто, гдѣ происходила эта кровавая сѣча, съ тѣхъ поръ называется Царевъ Лазъ.

Даніилъ, славный во время успѣховъ и счастья, явился истинно великимъ въ годину народнаго бѣдствія. Турецкій 12000 корпусъ приближался къ границамъ Черногоріи. Визирь Думанъ - Паша, одинъ изъ опытнѣйшихъ полководцевъ того времени, предводительствовалъ имъ. Онъ началъ измѣной, заключивъ въ цѣпи явившихся къ нему, по приглашенію, главарей Черногоріи и потомъ вторгнулся въ ея предѣлы. — Шагъ за шагомъ оспаривали Черногорцы родную землю, но числительная сила, равнявшаяся всему народонаселенію Черногоріи, превозмогла; Думанъ-Паша прошелъ огнемъ и мечемъ всю землю отъ Зеты до поморья. Венеціанская республика, которой столько разъ вспо-

моществовала Черногорія, выдала скрывшихся въ Катаро Черногорцевъ! Думанъ-Паша достойно возблагодарилъ свою союзницу за этотъ върломный поступокъ: вмѣстѣ съ великимъ визиремъ, Али-Пашой, напалъ онъ на полу-островъ Морею, находившійся въ рукахъ Дожа, и покорилъ его Турецкой Имперіи.

Даніилъ не унывалъ. Поставленный противъ желанія въ правители Черногоріи, онъ не покинулъ ея среди всеобщаго бѣдствія, вполнѣ постигая свою отвѣтственность за нее передъ Богомъ и свѣтомъ. Первымъ стараніемъ Даніила было собрать разсѣянные по всюду остатки своего народа и соединить ихъ опять во-едино, среди своихъ неприступныхъ горъ; потомъ, поручивъ Черногорію архіерею Саввѣ, будущему своему преемнику, отправился, по желанію народа, въ Россію, просить ея помощи и покровительства.

Петръ I не оставилъ въ бѣдствіи Владыку Черногоріи и осыпалъ его своими милостями и щедротами. Монастырямъ и церквямъ послалъ онъ священные сосуды, архіерейскія и священническія одежды, пострадавшимъ Черногорцамъ 10,000 рублей, сверхъ того опредѣлилъ давать на содержаніе Цѣтинскаго монастыря по 500 рублей въ каждые три года. — Говорятъ, будто онъ также послалъ и порохъ, который во всякое время составляетъ главнѣйшее сокровище для Черногорцевъ, и особенно былъ необходимъ въ ту пору. —

Нападеніе на Черногорію двухъ братьевъ Ченгичей со всѣми силами Босніи и Герцоговины, потомъ Бекиръ-Паши въ 1727 г., наконецъ, въ 1732, Топанъ-Османъ-Паши, славнаго Беглеръ-Бей-Дженидъ Деве-ря Македоніи, Албаніи и Босніи, показываютъ всѣ усилія Турецкаго Правительства къ уничтоженію

народной независимости Черногоріи, но все они сокрушились неколебимой твердостью ея Владыки и неустрашимостью народа. Дѣла Черногорцевъ этого времени напоминаютъ подвиги Гомеровскихъ героевъ; онѣ воспѣты въ народныхъ пѣсняхъ — вотъ вся награда, вся ихъ слава!

Въ 1735 году скончался митрополитъ Даніиль, по справедливости называемый возстановителемъ народной независимости. Митрополитъ Савва наследовалъ ему; кроткій и тихій отъ природы, онъ занимался болѣе монастырскими дѣлами, чѣмъ народными, болѣе предавался молитвѣ, чѣмъ кровавой сѣчѣ. Въ его правленіе, однако, Черногорцы съ успѣхомъ отражали Турковъ.

Еще при жизни Саввы, и по его согласію, вступилъ въ управленіе народомъ митрополитъ Василій, его племянникъ. — Гроза сосѣднихъ Турковъ, слава своей родины, одинъ изъ прекраснѣйшихъ и образованныхъ людей своего времени, любимецъ Императрицы Елизаветы, онъ проводилъ жизнь свою между трудами и заботами народного правленія въ Черногоріи, почестями и шумомъ столичной придворной жизни въ Петербургѣ, гдѣ и скончался въ 1766 году.

Во время пребыванія его въ Россіи, бразды народного правленія оставались въ слабыхъ рукахъ его дяди, митрополита Саввы. Въ это время явился въ Черногоріи какой-то пришлецъ, съ таинственнымъ видомъ, съ горделивыми пріемами, прошелъ большую часть Черногоріи и остался въ Майнѣ, слугою у одного изъ частныхъ лицъ, промышляя, сверхъ того, ремесломъ странствующаго врача, какъ наиболѣе удобнымъ къ приведенію въ исполненіе тѣхъ честолюбивыхъ видовъ, которые замышлялъ. Вскорѣ онъ объявилъ за тайну своему господину, что онъ не

рабъ, по рожденію, но Русскій Царь, Петръ III! и нашель вѣрнаго содѣйствователя себѣ въ легко-вѣрномъ Майнцѣ, не имѣвшемъ понятія о тогдашнемъ состояніи Россійскаго Престола. Вѣсть эта быстро разнеслась по Черногоріи; принятая сначала насмѣшками, она впослѣдствіи нашла своихъ защитниковъ; тогда-то этотъ искатель приключеній, пришлецъ изъ Крайны, провозгласилъ себя все-народно Петромъ III, низверженнымъ Россійскимъ Императоромъ, и легковѣрный народъ, убѣжденный его увѣреніями, склоняемый надеждами и обѣщаніями, призналъ его своимъ правителемъ. — Присягнувъ однажды на вѣрность, Черногорцы не измѣнили ему, не выдали его русскимъ посланцамъ, не выдали Туркамъ, требовавшимъ съ оружіемъ въ рукахъ его низложенія, не уstraшились угрозъ Венеціанской республики и остались вѣрны своему властителю, не смотря на его деспотическое правленіе, къ которому они такъ не привыкли. Стефанъ Малый, — подъ этимъ именемъ былъ извѣстенъ самозванецъ, — сдѣлалъ однако много и добра Черногоріи; онъ укротилъ поплеменую войну, преслѣдуя ее ужасными наказаніями, распространилъ свои владѣнія, далъ имъ хотя устные законы, но запятналъ свое правленіе многими жестокими поступками, особенно заключеніемъ митрополита Саввы. Сверхъ того, въ его время Черногорія чрезвычайно пострадала отъ частыхъ нападеній Турковъ. Достигнувъ власти измѣной и преступленіемъ, Стефанъ кончилъ жизнь свою отъ измѣны, въ которой, впрочемъ, не причастенъ ни одинъ Черногорецъ; слуга его, Грекъ, отрубилъ ему сонному голову, и на вѣсь денегъ продалъ скутарскому пашѣ. Стефанъ Малый былъ тогда безъ власти и слѣпъ, но самое имя его было страшно Туркамъ.

Въ 1782 году митрополить Петръ Петровичъ принялъ правленіе Черногоріей. — Я уже описалъ его жизнь, славную подвигами духовнаго пастыря, правителя народа и военно-начальника; здѣсь я изложу только ходъ главнѣйшихъ произшествій въ Черногоріи во время его продолжительнаго управленія митрополіей и народомъ.

Въ 1785 году, въ бытность Владыки въ Петербургъ, Визирь Скутарскій Бушатлій вторгся въ предѣлы Черногоріи съ многочисленнымъ войскомъ, провель по ней мечемъ опустошенія и сжегъ монастырь Цѣтинскій; но это было послѣднее торжество Турокъ въ Черногоріи.

Во время возгорѣвшейся войны Турецкой Имперіи съ Россіей, Австрія, какъ союзница Императрицы Екатерины II, послала въ Черногорію Маіора Вукасовича съ отрядомъ въ 400 человекъ, съ деньгами и порохомъ, убѣждая всѣми средствами Черногорцевъ начать военныя дѣйствія со своей стороны. Мудрый Владыка отклонилъ сначала народъ отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Турецкой Имперіи. Но онъ не могъ и не хотѣлъ противиться всеобщему возстанію, когда прибылъ въ Черногорію съ тѣми же предложеніями и съ грамотами отъ Императрицы Всероссійской полковникъ Тутолминъ. Вукасовичъ дѣйствовалъ въ Черногоріи не съ большимъ благоразуміемъ, и тайно вышелъ оттуда вмѣстѣ со своимъ отрядомъ. Вскорѣ послѣ того былъ заключенъ и миръ между Россійскою и Турецкою Имперіями. Турки продолжали, по прежнему, питать непримиримую вражду къ Черногорцамъ. Кроме того, за содѣйствіе свое Бердянамъ, присоединившимся къ Черногоріи, они нажили себѣ самага злаго врага въ Визирѣ Албанскомъ, Кара-Махмутъ Бушатлій, въ то время уже отложившемся отъ Турецкаго Султана и независимомъ властителѣ всей Албаніи.

Митрополитъ Петръ, видя приготовленія Кара-Махмута къ военнымъ дѣйствіямъ и находясь безъ союзниковъ, безъ денегъ, а что всего важнѣе, безъ пороху, рѣшился заложить въ Вѣнѣ драгоцѣнную митру, подаренную Императрицей Елизаветой Митрополиту Василю, и, получивъ изъ Австріи порохъ и часть оружія, пошелъ на встрѣчу Кара-Махмуту. Оба войска встрѣтились близъ Мартыничей и, разбитый наголову, Кара-Махмутъ бѣжалъ.

Визирь, избалованный военнымъ счастьемъ, низложившій власть Турецкой Имперіи въ Албаніи, не могъ оставить безъ отмщенія своего постыднаго пораженія; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять явился на границахъ Черногоріи съ 40000 отборнаго войска, съ которымъ онъ могъ угрожать самому Стамбулу. Сначала Визирь имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но въ битвахъ въ окрестности Бусовника, онъ былъ разбитъ совершенно; отрядъ его уничтоженъ, и самъ онъ погибъ въ кровавой сѣчѣ, продолжавшейся около трехъ часовъ. Голова Кара - Махмута и теперь хранится въ церкви Цѣтинскаго монастыря, какъ трофей и какъ залогъ народной независимости. — Съ этой поры турецкія пограничныя начальства начали вести переговоры съ Черногоріей, какъ съ самобытнымъ владѣніемъ, хотя правительство турецкое и не признало актами ея независимости.

Сшибки Черногорцевъ съ Французами, завладѣвшими Катаромъ въ 1797, по уничтоженіи Венеціанской республики и потомъ съ Австрійцами, наслѣдовавшими Французамъ на Адриатикъ, принадлежатъ уже новѣйшей исторіи и я буду о нихъ вспоминать во время своего путешествія по Черногоріи.

ГЛАВА VIII.

Острогъ.

17/29 Июля.

11/26 Июля отправился я во вторую экспедицію, въ сѣверную часть Черногоріи.— Невыразимо тягостенъ переходъ отъ Цѣтина до Загараца; онъ не менѣе 50 верстъ; во время всего перехода кое-гдѣ можно сѣсть на коня, и то съ опасностію слетѣть вмѣстѣ съ нимъ въ стремнину или грянуться о камень. Какая сила могла опрокинуть эти торчащія вверхъ дномъ горы и въ такомъ поражающемъ безпорядкѣ набросать камень на камень?

Мы вышли изъ Цѣтина въ 5 часовъ утра и пришли въ Загарацъ въ 8 вечера; подумайте, что мы отдыхали только часъ на пути, не считая минутныхъ остановокъ, что зной доходилъ до 35°, по Реомюру, что наши сапоги были изорваны торчащими камнями, а платье повсюду выющимъ драчомъ, и вы можете постигнуть нашу радость, когда мы добрались до ночлега.

На пути встрѣчали много деревень, еще болѣе церквей: но что это за деревни и что за церкви? Гдѣ площадка, тамъ два три, иногда десятокъ домовъ, кое какъ сложенныхъ изъ камней и едва прикрытыхъ отъ дождя соломой, изрѣдка черепицей, жались къ утесу, отнимая, у него за даромъ полторы или двѣ стѣны; словомъ, они вполнѣ оправдывали свое сербское названіе «кучи» (*). — Церкви большею частію безъ священнослужителей и безъ церковныхъ утварей; впрочемъ, въ нихъ иногда совершается литургія, и какъ торжественна, какъ поражающа она здѣсь, въ

(*) Кучи, по Сербски означаетъ домъ.

устахъ священника, едва оставившаго свою соху, которою онъ въ потъ лица снискиваетъ хлѣбъ, или оружіе, которымъ защищаетъ права и свободу ввѣреннаго ему племени (священникъ здѣсь и воевода и сердарь); какъ, говорю, торжественна эта обѣдня передъ одинокою иконой Спасителя, въ маленькой, нерѣдко развалившейся церкви, сквозь стѣны которой видна и эта дикая, величественная природа и часто турецкая крѣпость, ежеминутно грозящая направить свои пушчонки туда, гдѣ толпа людей гуще.

Народъ здѣсь бѣденъ. Съ трудомъ выпрашиваетъ онъ насущное пропитаніе у клочка земли, доставшагося ему по-наслѣдству или по-праву войны, и эту землю онъ не имѣетъ ни охоты, ни досуга обрабатывать съ должнымъ раченіемъ. Ни даже досуга? скажете вы, но чтожъ онъ дѣлаетъ? Что дѣлаетъ! Богъ ему судья! впрочемъ, его нельзя винить въ лѣни. Здѣсь человѣкъ стоитъ неусыпно на стражѣ своей свободы; пограничный не рѣдко и ночью не покидаетъ своего оружія, а проснувшись каждый прежде всего берется за ружье, которое онъ начинаетъ носить съ 11 или 12 лѣтняго возраста; ружье съ бороной не свояки: что первое посѣетъ, того не возроститъ и время.

Здѣсь работаютъ однѣ женщины. Жалкія существа здѣсь женщины. Природа и человѣкъ унизили ихъ до чрезвычайности. Онъ небольшого роста, почти всегда нѣсколько сутуловаты отъ трудовъ и тяжелой ноши; длинные караваны ихъ тянутся ниткой въ базарные дни по пути въ Катаро и другія мѣста, между тѣмъ, какъ нерѣдко рядомъ съ ними идетъ Черногорецъ, съ однимъ ружьемъ за спиной, ятаганомъ и пистолетами за поясомъ; гордо и не глядя подаетъ онъ руку мимо-идущимъ женщи-

намъ, которую онъ лобызають съ благоговѣніемъ. Да, да, здѣсь женщина цѣлуетъ руку мужчины, а онъ не удостоиваетъ въ это время взглянуть на нее. Женщины черноволосы, черноглазы и смуглы: последнее — слѣдъ зноя и непогоды, для которой всегда открыто ихъ лице; обликъ лица южныхъ Славянокъ, но только одинъ обликъ: хорошенькихъ здѣсь мало; за то мужчины, — это племя атлетовъ! что за ростъ, и какъ сложены, какая величественная осанка, какой гордый, повелительный видъ! и эти приемы Черногорца, это искусство носить свое оружіе и свою щегольскую одежду, выказывающую мужественныя его формы, — все въ немъ поражаетъ Европейца, дитя болѣзней и нѣги. — Когда вы увидите Черногорца на стражѣ, гордо и неподвижно опершагося на свое длинное, красивое ружье, съ горящими, устремленными къ турецкой границѣ глазами, съ засученными по плечо рукавами косули, обнажающими его мощныя, мускулистыя руки, вы скажете: для него нѣтъ невозможнаго, и едва ли ошибетесь.

Монастырь Острожскій плѣнителенъ по своему положенію и былъ бы не приступенъ по природному укрѣпленію, если бы здѣсь искусство было заодно съ природой. Отъ подошвы горы ведетъ улитко-образная, кое-какъ мощеная плитнякомъ дорога къ «нижнему» монастырю, и оттуда къ «горному»; она, то вытягивается въ прямую, едва наклонную ленту, то вьется между обрывами и глыбами камней, изрѣдка стелется по зеленѣющей, горной равнинѣ; если вы имѣете сильную здоровую грудь, то взойдете отъ подошвы горы до нижняго монастыря въ полтора часа, и въ пол-часа оттуда въ верхній. — Здѣсь на 50 саж. возвышается совершенно отвѣсный известковый гребень; онъ тянется болѣе

100 сажень въ длину и — чудо — нигдѣ не прерывается; мѣстами, и особенно по краямъ, онъ составляетъ небольшія площадки; а выдавшіяся на вершинѣ глыбы имѣютъ видъ караульныхъ башенекъ; индѣ бока утеса ниспадаютъ осыпями, или представляютъ впадины и пещеры, изъ которыхъ инныя чрезвычайно обширны и остаются не извѣданными. Въ этой-то совершенно отвѣсной скалѣ устроенъ «горній» монастырь.

Для того ли явилась здѣсь природа такою чудодѣйственною, что бы укорить человѣка въ его бездѣйствию, или она создала, разрушила и возсоздала вновь эти твердыни, эти зеленѣющія долины, широкія рѣки, дивные водопады, подземныя, не проникаемая, недосыгаемая жилища, что бы показать человѣку всю тщету, всю ничтожность и суетность его затѣй. — Грустныя и сладостныя мысли навелъ на меня «горній» монастырь. Здѣсь, около 200 лѣтъ тому назадъ, человѣкъ, утомленный лѣтами и борьбою съ врагами, но сильный духомъ, нѣкогда могущественный архипастырь Галумскій и Скадрскій, изгнанникъ, познавшій всю тщету человѣческой власти и замѣнившій ее смиреніемъ, молитвою и трудомъ, здѣсь опочилъ Василій, котораго Черногорцы почитаютъ святымъ. И какъ достигъ онъ этой стремнины, и какъ могъ одними своими руками устроить это обиталище труда и тишины юдолюбной — преданіе темно. Догадки не смѣютъ коснуться святыни.

Около 45 лѣтъ тому, Турки опустошили Бѣлопавличы, провинцію, отпавшую отъ ихъ власти и присоединившуюся къ Черногоріи; они овладѣли нижнимъ монастыремъ и вершиною, такъ называемой, «строжской капицы» (шапки), господствующей надъ верхнимъ монастыремъ; но ихъ усилія расшиблись

о твердыни «горняго» монастыря: черныя пятна, унижавшія, словно бусами, лицевую сторону утеса, въ которомъ находится монастырь, свидѣтельству- ютъ лучше всѣхъ лѣтописей, что сюда былъ направ- ленъ весь пылъ картечнаго огня; съ благовѣніемъ рассказываютъ, какъ огромныя, отторгнутыя отъ своихъ мѣсторожденій усиліемъ тысячи человѣкъ и низвергнутыя внизъ глыбы пролетали надъ мо- настыремъ, незадѣвъ его. Оно впрочемъ и есте- ственно: описывая въ воздухѣ діагональ, онѣ не могли коснуться мѣстъ, находящихся во впадинѣ утеса; нужно было невѣжество Турковъ, что бы при- бѣгнуть къ подобнымъ мѣрамъ, и все это противъ нѣсколькихъ десятковъ людей. Тотъ, кто страшенъ былъ врагамъ при жизни, сдѣлался еще страшнѣе по смерти: нѣсколько человѣкъ рѣшились умереть или спасти жилище и тѣло Святопочившаго. Оду- шевленные величіемъ предмета, они отразили всѣ усилія Турковъ, и нога побѣдоноснаго мусульманина не коснулась святыни.

Церковь, въ которой почіетъ тѣло святопочивша- го Василія, бѣдна и тѣсна: едва 20 человѣкъ мо- жетъ помѣститься въ ней. Серебряныя плитки, съ изображеніемъ рукъ, ногъ и глазъ, висящія и сгру- женныя у гроба, — приношеніе излѣчившихся отъ разныхъ болѣзней заступничествомъ святопочивша- го, — единственная сокровищница монастыря; нѣ- сколько келій и водохранилище, служившее важ- нымъ пособіемъ для осажденныхъ, устроены тутъ же, въ передней части пещеры; далѣе, внутрь, непроницаемый мракъ; шагами десятью выше — еще двѣ келіи. Старикъ, лѣтъ семидесяти — единствен- ный обитатель верхняго монастыря и охранитель святыни; пять шаговъ помоста, устроеннаго на вы- давшейся закраинѣ пещеры, на которомъ можно

держаться, но не гулять, составляет единственное пространство, гдѣ онъ можетъ дышать вѣшнимъ воздухомъ. Словомъ, кругъ дѣйствія его очень тѣсенъ: это можно сказать въ смыслѣ буквальномъ, какъ и переносномъ. Не смотря на живописность положенія этого монастыря, я не могъ въ немъ остаться и, предоставивъ старику-сторожу и церковной ласточкѣ лѣпиться къ окраинамъ его, самъ поселился въ нижнемъ монастырѣ; тамъ больше простора для ногъ, если не для мысли, а послѣдняя, какъ не быстрокрыла, не удержала бы меня отъ паденія, скорѣе устремила бы къ этому невольному полету.

Здѣсь есть три четыре монаха и архимандритъ; всѣ они люди добрые, богоугодные; укрѣпивъ душевныя силы свои противъ врага незримаго, они упражняютъ физическія въ борьбѣ съ врагомъ болѣе видимымъ; вооруживъ свою душу молитвою и постомъ, не забываютъ и тѣла, навѣсивъ на него цѣлый арсеналъ оружія; и то надо сказать, что для нихъ послѣднее также нужно, какъ и первое; разумѣется, что и одежда ихъ болѣе удобна для чина воинскаго, нежели монашескаго, и мало отличается отъ одежды прочихъ Черногорцевъ. Ихъ слава и вліяніе пріобрѣтаются подвигами битвы не съ врагомъ нечистымъ, но чистымъ и правовѣрнымъ, съ врагомъ чаще видимымъ и еще болѣе чувствуемымъ.

Для повѣрки карты и для другихъ розысканій, я рѣшился предпринять трудное и опасное путешествіе на «капицу,» которая утопала въ облакахъ, какъ фантастическая мысль нынѣшнихъ поэтовъ. За то, какъ былъ вознагражденъ я за свой трудъ, достигнувъ вершины горы! передъ мною растилялись низменностями горы Босніи и Герцоговины; Никшичи, куда я такъ желалъ проникнуть, лежалъ какъ на ладонѣ, и право не стоилъ того, что бы его

видѣть: и между турецкими городами онъ былъ очень дуренъ; далѣе, къ Бокъ, красовалось Грахово, прославившееся тѣмъ, что въ послѣдніе пять лѣтъ оно нѣсколько разъ переходило изъ рукъ Турковъ въ руки Черногорцевъ и обратно, и что Граховяне, въ это время, не собрали ни одной жатвы. Какъ бы то нибыло, христіане и Славяне — они крѣпко держатся Черногоріи, и конечно не отста-нутъ отъ ея союза и свободы, какихъ бы это пожертвованій имъ не стоило. Не менѣе умѣютъ цѣ-нить и Черногорцы дружбу Граховянъ, и сильною рукою обстаиваютъ ихъ противъ Турковъ. Много крови пролито въ Граховѣ и за Граховѣ.

У ногъ моихъ ниспадалъ водопадъ, убогій массою воды, но, по своему высокому паденію, шумный и красивый; заключенный въ ущельѣ, которое обра-зовалъ себѣ въ скалѣ, онъ кипѣлъ внизу, и, едва вмѣщаясь въ тѣсномъ жерлѣ, казалось, стремился вверхъ. Надъ нами парилъ горный орелъ, кото-раго мы сполохнули съ его жилища. Острожскій монастырь казался едва примѣтной точкой; взоры наши стремились уловить край моря на западномъ горизонтѣ; на сѣверо-востокъ стоялъ Комъ, еще выше насъ, Комъ, манившій вѣчно мои взоры и не-допускавшій меня къ себѣ.

Прощай, прекрасный, зеленѣющій Острогъ! завтра я тебя покину, и вѣрно никогда болѣе не уви-жу! —

ГЛАВА IX.

На ждребаникъ

12/24 Июня.

Вечеръ былъ — какихъ бываетъ мало даже и здѣсь, въ странѣ прекрасныхъ вечеровъ.

Природа и душа за-одно впитывали радость благодатнаго воздуха: полная луна всходила изъ-за снѣжнаго хребта и облекала вершину его въ таинственный полусвѣтъ, между тѣмъ, какъ отклонъ горы былъ задернуть мракомъ. Давно не дышалъ я воздухомъ долинъ, и вотъ теперь передо мною развертывалась одна изъ роскошнѣйшихъ; орошаемая Зетою въ самой серединѣ, она обнималась по краямъ, у подошвы и скатовъ горъ, деревеньками и отдѣльными избами, словно на диво имъ. Поля ржи и кукурузы, или, правильнѣе, гряды, такъ малы онѣ были, колыхались волной матоваго золота; виноградникъ зеленою тафтой застилалъ не большія возвышенности; смоквы, черешни, мурвы и другія плодовые деревья сбѣгались въ купы, какъ бы желая пощеголатъ обиліемъ своихъ плодовъ; только роскошные орѣшники стояли порознь, одиноко; тѣнь и глушь не по-нихъ и собственная ихъ тѣнь достаточна для прикрытія корней. Едва скошенная трава разливала запахъ, не скошенная пестрѣла цвѣтами.

Мы взошли на одинъ изъ холмовъ, которыхъ насыпь принадлежала незапамятному народу и времени: «Этотъ камень положенъ въ память воеводѣ Виду, посвященному Турками» — сказалъ мнѣ переникъ, указывая на вершину холма, гдѣ возвышался камень безъ надписи и креста: его хранить народная память и

молитва одноплеменника. Можетъ быть, по формѣ этого камня, его ветхости и наконецъ по системѣ вѣроятностей, позднѣйшій археологъ прочтетъ на немъ тайну холма. Но какъ чудно, какъ таинственно для мысли слита здѣсь память двухъ героевъ, можетъ быть двухъ народовъ, раздѣленныхъ такимъ пространствомъ времени и понятій. Переникъ мой гордо окинулъ взоромъ окрестность, на которой еще торчали тамъ и сямъ развалины домовъ Турковъ, недавнихъ обитателей Бѣлопавличчи, и вросли въ землю огромные, прекрасно обдѣланные камни, — остатки жилища людей болѣе мощныхъ, болѣе образованныхъ, которые конечно переживутъ и нынѣшнихъ обладателей края. Вереницы навьюченныхъ ословъ тянулись отъ юга: «это изъ Спужа» продолжалъ переникъ, указывая на маковку горы, на которой чуть виднѣлось укрѣпленіе города; «мы дали ему миръ и заторговали съ нимъ дружно.» Надобно вамъ замѣтить, что это единственная изъ пограничныхъ турецкихъ крѣпостей (если ихъ можно называть крѣпостями), которая, въ настоящее время, находится въ мирѣ съ Черногоріей, и то на долгое? Частная ссора Спужанина съ Черногорцемъ, выстрѣлъ, потомъ убійство, кровомщеніе, сначала семейное, а тамъ родовое, общее, пока не притупятся ятаганы и не разстрѣляется порохъ.

Мимоиущіе всходили на холмъ, гдѣ мы расположились хозяевами, и вскорѣ онъ покрылся народомъ, любопытнымъ и жаднымъ общества; на верху сидѣли старѣйшины по лѣтамъ или званію, по-одаль молодые, и еще далѣе сиромыхи, т. е. бѣдные. Разговоръ переливался изъ устъ въ уста, какъ чрезъ перегонныя чаши; разумѣется, онъ чаще всего падалъ на Турковъ; остроты то и дѣло взлетали въ бесѣдѣ, сталкивались и лопались, рѣдко однако

задѣвая кого за - сердце. Время текло незамѣчая насъ и не замѣченное нами. Смерклось, а Черногорцы и не думали о снѣ, да и за чѣмъ измѣрять временемъ такъ рѣдко достающіяся намъ радости! Разложили огонекъ.

— Трипо, подопри носъ пушкой (*), а то, выстрѣлить—пороху незаслышишь; сказалъ одинъ острякъ, въ богатомъ вооруженіи, бѣдняку, опершемуся на свое старенькое, кое-какъ сколоченное ружье.

Бѣднякъ смолчалъ; и здѣсь, какъ у насъ, соль остроты взята на откупъ богатыми, и здѣсь люди не разоряются отъ этого откупа только потому, что торгуютъ на чужой счетъ. Другой отвѣчалъ за Трипо, зло намекая сопернику на не отомщеную смерть соплеменника.

— А ты прячешь свою пушку, чтобъ Подгоричанинъ (***) не увидѣлъ.

— Я покажу, когда встрѣчусь съ нимъ, отвѣчалъ тотъ холодно.

Къ чести Черногорцевъ должно замѣтить, что эта колкость не сорвала ни чьей улыбки; напротивъ, одинъ изъ нихъ, желая прервать возникавшую ссору, быстро вскочилъ и, поднявъ вверхъ всегда заряженное ружье, спустилъ курокъ, ружье осыпалось: «грошъ» (***), закричали отовсюду, и десятки выстрѣловъ раздались въ воздухъ.

— Тише, соколы, тише! нето въ Спужѣ всполохнутся куры на своихъ сѣдалкахъ.

— И отъ страха снесутся недоношенными яйцами, замѣтилъ другой.

(*) Пушка — ружье.

(**) Житель Турецкой крѣпости Подгорицы, соседственной нахъи Кучи.

(***) Обыкновенное черногорское присловье при осыпкѣ ружья.

— Глядите, чтобъ не чугунными, сказалъ лукаво третій.

— Небоимся, небоимся! закричало нѣсколько голосовъ, и этотъ порывъ хвастовства, столь рѣдко замѣчаемый въ Черногорцахъ, удивилъ бы меня, если бы онъ не происходилъ отъ чувства внутренняго убѣжденія въ своемъ превосходствѣ передъ Турками.

Уже разговоръ начиналъ опадать и сладость ночи погружала иныхъ въ задумчивость, другихъ въ дремоту, когда послышавшійся вдали звукъ гуслей пробудилъ всѣхъ и навелъ на любимую потѣху. Всѣ приступили съ просьбою къ одному изъ моихъ перениковъ, чтобы онъ спѣлъ, но Видо, убѣжденный въ своемъ достоинствѣ, долго упорствовалъ; поэтъ сказалъ бы: онъ хранилъ свои пѣсни только для себя; наконецъ, когда я присоединилъ свою просьбу къ общей, онъ сдался. — Принесли низенькую скамейку для пѣвца и гусли, родъ мало-россійской балалайки объ одной струнѣ. Кружекъ сдѣлался тѣснѣе. Пѣвецъ началъ. Его лицо, полное благородства, но холодное, вспыхнуло жизнію; смущеніе придало ему болѣе красоты; онъ пѣлъ, сопровождая напѣвъ гуслями, и все внимало, никто не шелохнулся, чубуки оставались еще въ сомкнутыхъ устахъ, но они не дымились, и давно остыли; на лицахъ слушателей можно было разгадывать смыслъ пѣсни, такъ сильно, такъ видимо отражались на нихъ порывы волнуемой страстію души. Въ собственномъ смыслѣ это была не пѣсня, но длинная, историческая баллада, о томъ, какъ герой Славянства, Милошъ Обиличъ но для чего рассказывать то, что васъ вовсе не займетъ, зачѣмъ предавать на терзаніе вашему невниманію, что было

выпрошено съ такимъ усиліемъ и выслушано съ такою жадностію.

Пѣвецъ кончилъ, а я все еще слушалъ, и не наслушался бы его во всю ночь.

Черногорскія пѣсни состоятъ большою частію изъ повѣствованій историческихъ событій; онѣ длинны, единообразны по напѣву, занимательны по содержанію. — Исторія здѣшняго края начертана въ пѣсняхъ, сохранена въ землѣ и на землѣ. Много вѣковъ, много народовъ протекло надъ развалинами, покрывающими этотъ край; многіе воздвигли ихъ изъ праха, но еще чаще низвергали въ прахъ; каждый вѣкъ наложилъ на нихъ печать свою, и каждый народъ свою руку. Я приведу въ примѣръ Наждребаникъ, монастырь, въ которомъ я поселился и съ котораго по порядку, заведенному записными туристами, слѣдовало бы начать, но я путешественникъ «не по превосходству.» — Монастырь состоитъ изъ одной избы, недавно построенной и церкви: послѣдняя примѣчательна своею древностію. Она первоначально сооружена св. Стефаномъ, королемъ Сербскимъ: это можно доказать фактами, сохранившимися въ Морачскомъ монастырѣ; основаніе, двери и многія украшенія сохранились отъ времени, остальное было разрушено и уничтожено войнами, постоянно опустошавшими край со временъ сербскихъ королей до настоящаго дня; огромные размѣры и тщательность отдѣлки нѣкоторыхъ камней, особенно дверей, изумятъ пришельца; еще болѣе изумится онъ, найдя въ недавней, безыскусственной придѣлкѣ къ церкви нѣкоторые, прекрасно обработанные куски, вставленные безъ разбора, куда-ни-попало. — Пока не прошло и десятковъ лѣтъ отъ поновленія церкви, разгадка этому легка; вотъ она: въ двухъ верстахъ отсюда находятся развалины зданія,

прекраснаго и величественнаго по своимъ остаткамъ. Было ль это идольское капище, святой ли храмъ временъ Константина и Елены или укрѣпленіе? предоставляю изслѣдовать археологамъ, но совѣтую торопиться, потому что гораздо большая часть зданія уже разобрана окрестными жителями для домашнихъ подѣлокъ; смѣю однако завѣрить, что оставшіеся камни не содержатъ никакихъ письменъ, по крайней мѣрѣ понятныхъ мнѣ; правда, на одной плитѣ есть какая-то каракулька, произшедшая, по моему, отъ ея паденія; на западной стѣнѣ то же есть нѣчто, ввидѣ впадины, во многихъ камняхъ находятся пробойны, которыя, по крайнему моему разумѣнію, служили для металлической скрѣпи зданія, но этого достаточно для опытнаго археолога; по этому, какъ по писанному, расскажетъ онъ былую повѣсть края, который такъ занимаетъ насъ. Ради неба, спѣшите сюда, почтенный археологъ, спѣшите въ Діоклею: обильная жатва вамъ представится здѣсь.

Изъ этихъ-то камней обновлена нынѣшняя церковь. Они были слишкомъ огромны; туземцы не могли умудриться доставить ихъ сюда цѣликомъ, а потому дробили, какъ попало, и тѣ куски, которые пощадила случай, красуются и нынѣ въ безыскусственной пристройкѣ зданія. Кто поручится, что и сохранившіеся остатки временъ Св. Стефана, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ (другіе очень просты и еще болѣе усиливаютъ данные къ моему заключенію), не взяты изъ описанныхъ мною развалинъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ Сиге и обозначенныхъ мною на картѣ.

Ступивши въ колею древностей, я поведу васъ по ней далѣе. — Оставивъ за собою острогскія горы, мы вступили въ зетскую долину и тяжелое пу-

тешествіе пѣшкомъ перемѣнили на болѣе удобное — верхомъ; вскорѣ взѣхали мы на мощеную дорогу; она шириною въ сажень, и состоитъ изъ большихъ, каменныхъ плитъ, плотно сложенныхъ между собою и съ гладкою поверхностію; мѣстами она разрушена, вѣроятно весеннимъ разливомъ Зеты, но большею частию сохранилась совершенно. Слѣдуя по ней до самаго Наждребаника, мы перѣехали два моста: Аджикъ и Викій: первый ведетъ черезъ рѣчку Сусницу, второй — черезъ небольшой, безымянный протокъ, названный мною, на своей картѣ, Викіемъ. Особенно первый мостъ легокъ и красивой формы. Онъ состоитъ изъ высокой (до 10 саж.) арки, смѣло перекинутой съ одного берега на другой, выгнутой посерединѣ; ворота арки выложены въ-узоръ гладко обѣшчаннымъ камнемъ; мостъ почти нисколько не поврежденъ, вѣроятно потому, что полая вода Сусницы не можетъ досягать его значительной высоты. Обращаясь къ археологамъ съ вопросомъ, кому принадлежитъ постройка этихъ дорогъ и мостовъ? Какъ данныя къ разрѣшенію вопроса, я присоединю, что они ведутъ черезъ Спужъ и Подгорицу, извѣстную: въ отдаленной древности, что окрестности усыяны развалинами временъ владычества Римлянъ, Турковъ и Сербскихъ королей, что здѣсь находятъ монеты царей языческаго Рима, Константина и Елены (всего болѣе), Св. Стефана, Короля Сербскаго и турецкіе пары, находятъ. Но еще успѣю утомить васъ древностями, достигнувъ Дуки, Діоклеи, или Діоклитіаны. Теперь обращаюсь въ послѣдній разъ къ Наждребанику.

Обстоятельство обновленія здѣшней церкви стѣитъ быть рассказаннымъ тѣмъ болѣе, что оно рѣзко характеризуетъ челоувѣчество, надъ которымъ проведенъ общій уровень страха смерти и забвенія прошлаго,

каково бы оно ни было. Около двадцати лѣтъ тому, чума опустошала здѣшній край. Народъ въ бѣдѣ прибѣгнулъ къ Богу, и вотъ, кому-то во снѣ предсталъ Архангелъ Михаилъ, во всей красѣ своей, и трубнымъ голосомъ произнесъ: «Обновите остатки церкви, основанной св. Стефаномъ въ Наждребаникѣ, и чума остановитъ бичъ свой, иначе, всѣ погибнете!» Этотъ сонъ, разумѣется, переданъ былъ міру, и церковь, въ короткое время, воздвиглась изъ праха; не доставало только церковныхъ утварей и нѣкоторыхъ украшеній внутри, не достаетъ ихъ и теперь. — Исчезла чума, а съ нею и ревность къ сооруженію храма. Прошла бѣда, и нѣтъ помину о благодарности.

Въ этомъ, такъ называемомъ монастырѣ есть одинъ монахъ, явившійся, будто бы, съ Афонской Горы. И кто его посвятилъ въ монахи, и кто поселилъ здѣсь — никому неизвѣстно, но онъ кое-какъ умѣетъ читать, почему же ему не быть «калужеромъ?» Изрѣдка, когда ему вздумается, онъ читаетъ въ церкви обѣдню; для этого обыкновенно занимаетъ нѣкоторыя церковныя утвари у сосѣдственныхъ монастырей; безъ другихъ церковныхъ принадлежностей кое-какъ обходится.

ГЛАВА X.

Мартыничи.

14/26 Іюня.

Мы своротили въ Мартыничи, что бы посѣтить по́па Ивана. — Въ дверяхъ насъ встрѣтила его невьстка, довольно болтливая, довольно пригожая; впрочемъ, я такъ давно не видалъ женщинъ (я уже замѣтилъ, что женщинъ считаютъ здѣсь вещью), что

еслибы, въ это время, явилась въ чистомъ передникѣ кievская вѣдьма, и та могла бы вскружить мнѣ голову. Попъ Иванъ принялъ насъ радушно: ракіи, вина, варенухи — разливное море. Я, кажется, не сказалъ вамъ, что это за лицо, Попъ Иванъ? это потому, что я не люблю выставлать на свѣтъ людей, еще живущихъ; но подпа Ивана, — другое дѣло! люди, подобные ему, достойны памяти, хотя одного поколѣнія. Сенаторъ, сердаръ, капитанъ отъ гвардіи и попъ Бѣлонавличи, князь Иванъ Родоничъ, онъ же Княжевичъ, пользуется любовью и уваженіемъ всего народа; онъ заслужилъ то и другое своею отчаянною храбростію, частицею ума, которою ссудилъ его Богъ и особеннымъ умѣньемъ привлекать къ себѣ другихъ. Его сынъ, оба брата и пять родныхъ племянниковъ погибли въ битвахъ, что придадо ему еще болѣе блеска въ странѣ, гдѣ падшій въ войнѣ, оставляя по себѣ долгую и славную память, прикрываетъ ею свою семью, какъ адамантовымъ щитомъ, и вотъ одна изъ причинъ, почему онъ идетъ на вѣрную смерть, какъ на веселый пиръ, — последнее разумѣйте въ буквальномъ смыслѣ. Попъ Иванъ былъ въ 350 сшибкахъ, всегда впереди, и рука провидѣнія выводила его всегда невредимымъ отъ пули и ятагана: это напоминаетъ нашего славнаго Милорадовича. Какой конецъ будетъ жизни подпа Ивана, уже 80лѣтняго, но бодрого и свѣжаго старика, которому, конечно, еще предстоитъ десятокъ другой кровавыхъ сѣчь. Болѣе по любви ко мнѣ, чѣмъ по какой либо обязанности, онъ сопровождалъ насъ во время продолжительнаго путешествія по всей Бѣлонавличи, Пипери и части Кучи; для подпа Ивана вездѣ были настежь двери, и можетъ быть отъ многихъ бѣдъ спасло меня его сообщество. Домъ Родонича отличается отъ другихъ своею огромностію и плот-

ностію, если можно такъ выразиться; его не пробиваетъ дождь, вѣтеръ не хозяйничаетъ въ немъ, какъ дома, и зимній хододъ не выживаетъ грѣться на солнце, но, подобно другимъ домамъ, онъ состоитъ изъ одной комнаты вверху, гдѣ помѣщается все семейство, сарая внизу, занятаго домашнимъ скотомъ. Въ домъ распоряжались двѣ невѣстки попа. — Во время продолжительныхъ и постоянныхъ отлучекъ его изъ дому, онъ остаются однѣ съ маленькими дѣтьми, подъ охраною грознаго имени своего тестя; и то надобно сказать, что если женщина здѣсь вещь, то вещь не прикосновенная, священная. Во время самой ожесточенной вражды и битвы двухъ племенъ, женщины ходятъ между ними безопасны и не вредимы: никогда рука грабителя, никогда слово соблазна не коснется ихъ.

Село Мартыничѣ знаменито храбростію не только во всей Черногоріи, но и въ пограничной Турціи; оно въ полу-часъ разстоянія отъ Спужа и въ двухъ часахъ отъ Подгорицы. Стоя на стражѣ Черногоріи, оно всегда первое, всегда съ обычной отвагою принимало на себя натискъ Турковъ и Турки всего чаще нападали съ этой стороны, пользуясь обширною зетскою равниною, на которой они соединяли свои войска и гдѣ имѣли возможность употреблять въ дѣло конницу, столь страшную для Черногорцевъ. Эта равнина, соединяя Спужъ съ Подгорицей, примыкаетъ одною стороною къ Мартыничамъ. Какъ прекрасна и роскошна она! Какъ живописно это волнуемое златомъ плесо пшеницы! Какъ отрадна для глаза зелень винограда! но, горе! здѣсь земледѣлецъ, оросивъ потомъ свою ниву, долженъ оросить ее кровью, чтобы собрать плоды трудовъ своихъ.

Нынѣ Мартыничѣ простерли свои нажиты до самаго Спужа, и безбоязненно работаютъ подъ выстрѣ-

лами крѣпости, всегда вооруженные съ ногъ до головы, всегда готовые лечь за мертво на своей нивѣ.

Увлекаясь воспоминаніемъ былого, я возвращусь нѣсколько назадъ. Когда мы приближались къ Мартыничамъ, одинъ изъ перениковъ, указывая мнѣ на близъ-лежавшій камень, сказалъ: — здѣсь убить братъ пѣпа Ивана; я обратился съ вопросомъ къ Родоничу: «есть,» отвѣчалъ онъ хладнокровно. — Здѣсь сынъ его, продолжалъ переникъ; «есть,» отвѣчалъ тѣмъ же голосомъ попъ. — Здѣсь — три племянника его, одинъ за другимъ, и переникъ тайкомъ подстрекалъ меня поразспросить пѣпа. — Мое любопытство и безъ того было задѣто за-живое; я зналъ, что здѣсь совершилась страшная битва съ Кара-Махмутомъ, грезю Турціи, мечтавшимъ однимъ махомъ стереть съ лица земли Черногорію и нашедшимъ въ ней, въ послѣдствіи, смерть свою; я приступилъ съ вопросами къ пѣпу Ивану: кому лучше, какъ не ему, одному изъ главныхъ дѣйствующихъ этой битвы, извѣстны всѣ ея подробности? но онъ началъ рассказъ свой лѣниво и не охотно.

То моя «куча,» сказалъ онъ, указывая на домъ, выдвинувшійся впередъ на цѣлый ружейный выстрѣлъ отъ села; Турки съ перваго размаха всегда кидаются на нея, часто жгутъ, да не рѣдко обжигаютъ усы; случалось имъ сбивать пушками крышу, случалось разбивать объ стѣну лбы; и въ тотъ разъ, когда Кара-Махмутъ былъ съ ними, они начали съ моей кучи, и расшиблись объ нее; кинулись въ ту сторону, гдѣ вонъ башня стоитъ, и оттуда погнали нашихъ; слышишь ли, Черногорцевъ собралось только 4000, а съ Кара-Махмутомъ было 20000. Самъ папа, во всю битву, сидѣлъ у церкви, что внизу: тамъ былъ онъ и раненъ, а все еще сидѣлъ и не выпускалъ чубука изъ устъ, такой лютой! На горѣ стоялъ

нашъ святопочившій Владыка, лицомъ къ лицу противъ паши, только съ пятью-десятью старшинами; онъ ни на шагъ не подавался назадъ, и всякій разъ, когда гнали нашихъ, возвращалъ ихъ, больше грозою, чѣмъ милостью; и то сказать, гдѣ услышишь тихое слово въ пылу битвы; а какъ свиснетъ пуля, такъ невольно послушаешься.

Попъ мало-по-малу воспламенялся. — Жарко было. Кучи еще были за-одно съ Турками, да и Пипери не крѣпко держались насъ; мы столько же боялись своихъ, сколько и враговъ. Три раза Турки занимали деревню, были на пистолетный выстрѣлъ отъ Владыки, и всякой разъ мы сбрасывали ихъ внизъ; тутъ въ послѣдній разъ закипѣла сѣча; наши и Турки смѣшались, не узнавали своихъ, рѣзались ятаганами, некогда было вынуть и ятагана, душили одинъ другаго, били камнями; иному, въ этотъ день, удалось отрѣзать до шести турецкихъ головъ. Вотъ здѣсь палъ братъ мой, а здѣсь Петро: онъ было вцѣпился зубами въ шею Турку, чтобъ перегрызть ее, и открутить голову, да пуля подоспѣла къ Петру, прямо въ високъ; мы выручили его голову отъ Турковъ; здѣсь погибъ попъ Михаилъ, а здѣсь Жюро Пиперь: подъ нимъ было пять Турковъ. На этомъ самомъ мѣстѣ Савва Петровичъ отрѣзалъ агъ, Мустафъ Алиеву, голову. Видно святопочившему Василию угодно было показать чудо. Вотъ какъ это было: въ пылу сѣчи Савва очутился въ самой толпѣ Турковъ; платье его было почти такое же, какъ у другихъ турецкихъ Славянъ, лицомъ онъ также отъ нихъ не отличался; да, впрочемъ, у всѣхъ насъ не было видно лица; такъ мудрено ли, что его никто не узналъ, и онъ на-выборъ сшибалъ Турковъ ружьемъ или пистолетомъ; Савва уже отрѣзалъ восемь головъ, какъ вдругъ встрѣтился съ агою, и они ста-

ли другъ противъ друга, какъ заколдованные.—Ты, сказалъ Савва, Мустафа Алиевъ, что поклялся насъ привести живаго, или принести голову моего брата, Владыки Петра.—Я! отвѣчалъ онъ; а ты ли Савва Петровичъ? — Я. — Послѣ рассказывалъ Савва, что пистолетъ его былъ заряженъ, но ему никакъ не пришло на мысль выстрѣлить въ агу: онъ стоялъ словно передъ змѣемъ, въ пасть котораго, говорятъ, сама валится добыча. — Что бы пояснить эту сцену, списанную мною почти буквально со словъ попа, должно замѣтить, что ага былъ Голіафъ Албаніи; его огромный ростъ, звѣрская наружность и отчаянная храбрость наводили невольный ужасъ на тѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ въ битвѣ; прибавьте къ этому, что онъ уже досчитывалъ девятый десятокъ отрѣзанныхъ имъ христіанскихъ головъ, и вы можете вообразить изумленіе, если не ужасъ, Саввы, такъ незапно очутившагося передъ нимъ. Турецкій Голіафъ спѣшилъ воспользоваться минутой самозабвенія своего врага, котораго онъ зналъ, слѣдовательно не могъ презирать; онъ схватилъ его за грудь и, поднимъ высоко на воздухъ, хотѣлъ ринуть о камень, но Савва уже опомнился; онъ вцѣпился ему въ шею, и руки его, казалось, приросли къ врагу; тогда ага хотѣлъ употребить другую уловку, стараясь подвернуть подъ себя врага и раздавить своимъ коленомъ; напругши силы, онъ готовъ былъ привести въ дѣйствіе свой замысль, какъ вдругъ нога его, упиравшаяся о камень, облитый кровью, скользнула: ага повалился, выпустивъ изъ рукъ жертву; Савва кинулся къ нему на грудь и упираясь въ нея ногою, приставилъ ятаганъ къ шеѣ.—Признаешь ли себя побѣжденнымъ, спросилъ Савва.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, не ты, дьяволъ свалилъ меня, — и съ этимъ словомъ голова его скатилась съ плечъ (Турки выручили ее).

Кара — Махмутъ, слѣдившій зоркимъ взоромъ все происходившее, самъ показалъ примѣръ къ бѣгству, и побѣжало все. — Пиперцы, гнавшіеся за непріателемъ первые, увидѣли Савву, отягченнаго турецкимъ оружіемъ, приняли его за Турка и, ограбивъ, хотѣли было отрубить голову, какъ пришли Катунцы и Бѣлоповличы; герою нужно было только высказать голосъ, и между-усобная сѣча готова была вспыхнуть, но во время прибывшій Владыка успѣлъ успокоить своихъ мятежныхъ сподвижниковъ.

Попъ Иванъ умолкъ; я старался разгадать недосказанныя имъ событія, пополнить промежутки произшествій; я глядѣлъ туда, гдѣ сидѣлъ, окруженный толпою рабовъ, безмолвный и безстрастный паша. Безстрастный! Не ужели чубукъ не стылъ въ устахъ его, неужели безстрастіе на лицѣ было отблескомъ души его? О, нѣтъ, я не повѣрю! — И могли онъ, презиравшій силу Имперіи, равнодушно глядѣть въ лицо побѣдителю, котораго мечталъ, такъ легко ниспровергнуть.

— Но ты мнѣ ничего не говорилъ о непріятельской конницѣ, которую съ пользою можно было бы употребить здѣсь въ дѣло, спросилъ я попа. — «Она была, и разбѣжалась было, да подломила ноги; видишь, поле, отъ самаго Спужа, изрыто ямами.»

Дѣйствительно, я увидѣлъ небольшія, круглыя, до $\frac{1}{2}$ аршина глубиною ямы, которыми была покрыта окрестность; это обыкновенная предосторожность, принимаемая Черногорцами противъ непріятельской конницы; ея натискъ для нихъ опасенъ, потому что они не знаютъ другаго холоднаго оружія, кромѣ своихъ ятагановъ, употребляемыхъ ими только въ крайнихъ случаяхъ, большею частію въ дѣлѣ одинъ-на-одинъ или для отрѣзыванія непріятельскихъ головъ.

ГЛАВА XI.

Монастырь Чилія; Діоклея и Златица.

18/30 Іюня.

Мы шли по взгорью, у подошвы котораго стлалась зетская долина, со своими крѣпостями по краямъ: Спужемъ и Подгорицею. — Чилія выдавалась нѣсколько въ турецкую землю, между двумя укрѣпленными городами. Это старый монастырь, одинъ изъ наилучше сохранившихся, послѣ Острога и Морачскаго монастыря, съ нѣсколькими келіями, съ хорошою церковью, съ однимъ монахомъ, суровымъ стражемъ святыни церковной и двумя служками. Неприступность положенія и храбрость сосѣдей, Мартыничанъ, спасла монастырь отъ разрушенія Турковъ, которыми нѣсколько разъ онъ былъ осаждаемъ.

Въ Чиліѣ ожидало насъ обычное гостепріимство. Мнѣ отвели келію, какая была лучше во всемъ монастырѣ, нашли кровать, два стула, а вмѣсто стола были нагромождены одинъ на другой ящики; сверхъ ихъ, въ хромомъ подсвѣчникѣ, стояла свѣча. — Что въ этихъ ящикахъ? спросилъ я. — Патроны, отвѣчалъ очень равнодушно монахъ, сощипывая пальцами нагаръ свѣчи; со дня-на-день ждемъ Турковъ изъ Подгорицы, такъ припасли имъ угощеніе.

Между тѣмъ толпа росла въ Чиліѣ. Отрядъ, для сопровождаенія насъ въ Златицу, безпрестанно увеличивался по распоряженію, сдѣланному Владыкой и мѣстными властями. Являлись и женщины съ припасами своимъ мужьямъ и братьямъ. Я долго любовался прекрасною группою, рисовавшеюся передъ моими окнами. Мой переникъ Петръ, Черногорецъ, высокаго роста и прекрасной паружности, стоялъ

облагодившись на длинное ружье свое; возлѣ него была женщина, какихъ я не видалъ въ Черногоріи; это была брюнетка, съ пылающими, черными глазами, чертами лица рѣзкими, поражающими Европейца; она обвивала своими руками стройный станъ переника, и силилась губами своими достать его чела: такъ гибкая, виноградная лоза обвиваетъ порось орѣшника, и силится своими роскошными гроздьями достгнуть до главы его. Эта женщина — сестра Петра, а сестрамъ позволяется нѣкоторая нѣжность къ своимъ братьямъ. — Я уже, кажется, имѣлъ случай замѣтить, что самая чистая нравственность и безукоризненное поведеніе женщинъ господствуетъ въ Черногоріи.

Златица была цѣлю всего моего путешествія и отчасти прибытія въ Черногорію; я былъ за три часа пути отъ нея, но старшины Черногорскіе, страшась за мою безопасность, противились моей поѣздкѣ на Златицу, особенно попъ Иванъ, убѣждая вернуться въ Цѣтинъ или въ Мартыничи, и ожидать времени, болѣе благопріятнаго. — А когда будетъ это благопріятное время? — «Богъ знаетъ? Но почему жъ ему не быть?» — Нѣтъ! отвѣчалъ я подпу, этакъ мнѣ придется ждать до сѣдыхъ волосъ, и все таки недождаться. «А что жъ вамъ за неволя ѣхать на Златицу?» — Приказъ, побратиме, приказъ. Надобно непременно ѣхать, и я поѣду завтра же. Распорядись, какъ слѣдуетъ. «И я поѣду съ вами». — Нѣтъ, ни ты, ни кто изъ твоихъ родственниковъ не поѣдетъ, потому что вы должны нетолько въ Подгорицѣ, но и въ Кучи по нѣсколько головъ.

Златица лежитъ по лѣвую, или турецкую сторону Морачи. — Турки говорятъ, что она принадлежитъ имъ, и сѣютъ тамъ пшеницу, Черногорцы утверждаютъ, что Златица составляетъ издревле ихъ достояніе,

и пожинають пшеницу подь непріятельскими выстрѣлами. Златица только въ верстѣ отъ Подгорицы, одной изъ самыхъ сильныхъ пограничныхъ крѣпостей со стороны Черногоріи. Съ сѣверной стороны къ ней примыкають Кучи, вновь присоединившаяся къ Черногоріи провинція, въ которой много магометанъ и много недоброжелателей Черногоріи и которой все населеніе враждовало съ Мартыничами, съ южной — тянутся турецкія владѣнія.

Никто не зналъ въ какомъ положеніи былъ перевозъ черезъ Морачу. Съ того времени, какъ Турки и Черногорцы общими силами разрушили чудесный мостъ ея, перевозъ черезъ Морачу былъ предоставленъ произволу, который не очень о немъ заботился; запастись лодками намъ было неоткуда, и такъ мы отправились на удачу. Во всякомъ случаѣ я могъ осмотрѣть развалины Діоклеи, находившіяся по-сю сторону Морачи, о которыхъ такъ много мнѣ говорили.

Мы вышли. — Монахъ, закутавшійся съ ногъ до головы, что бы не быть признаннымъ встрѣчными, (за нимъ много грѣховъ было) ѣхалъ на лошади, впереди, вожатымъ. Черногорцы, въ совершенной тишинѣ, съ ружьями на-готовѣ, шли за мною.

Достигнувъ Діоклеи, мы находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Подгорицы, но прикрывались отъ нея высокою грядою горъ, и отдѣлялись Морачею. Между тѣмъ, какъ я занялся своими работами въ Діоклеѣ и ея окрестностяхъ, часть Черногорцевъ разбрелась за отысканіемъ переправы черезъ Морачу.

Не смотря на близость Подгорицы, я не думалъ ни о Туркахъ, ни о нападеніи: передо мною, во всемъ величій вѣковъ давно-минувшихъ, лежали развалины одного изъ обширнѣйшихъ городовъ, который, говорятъ, Діоклитіанъ хотѣлъ сдѣлать постоянною своею

столицею. Я впервые видѣлъ развалины древнихъ Римлянъ, и конечно самая величественная изъ всѣхъ, которымъ въ послѣдствіи удивлялся въ Италіи. Забытый, до сихъ поръ еще никѣмъ изъ путешественниковъ не посѣщенный, охраняемый взаимною враждою двухъ сосѣдственныхъ народовъ, Діоклитіановъ градъ сохранился отъ союзаго дѣйствія людей и времени, и былъ пощаженъ, по возможности, послѣднимъ. Стѣны его почти вполнѣ сохранились: онѣ идутъ отъ южнаго отклона горы до рѣки Морачи, образуя, вмѣстѣ съ нею, продолговатый четвероугольникъ. Городъ переходилъ за стѣны и даже за рѣку Морачу, гдѣ, особенно въ окрестностяхъ Златицы, разбросаны повсюду колоны и перестили, повсюду видны остатки древнихъ зданій. Толщина стѣнъ столь значительна, что на разрѣзъ ихъ можно проѣхать парой лошадей въ экипажѣ. Непонятно назначеніе пустотъ, находящихся внутри стѣнъ; онѣ имѣютъ видъ отлогихъ корытъ, не состоятъ въ связи между собою и не могутъ служить водоемами; хотя вѣрно имѣли сообщеніе съ внутреннею стороною города. Если бы онѣ находились въ строеніяхъ временъ, не столь отдаленныхъ, мы подумали бы, что онѣ предназначались для храненія пороха.

Черногорцы указали мнѣ зданіе, извѣстное у нихъ подъ именемъ Царскаго дворца; оно дѣйствительно великолѣпно по своимъ огромнымъ колонамъ и портикамъ, но уже носитъ на себѣ слѣды упадка вкуса; зданіе это до того сохранилось, что передняя его комната, съ углубленіемъ въ видъ ниши, могла бы быть съ небольшими усиліями приведена въ порядочное жилище.

«Вотъ здѣсь, возлѣ Царскихъ палатъ, сказалъ монахъ, говорятъ, есть подземныя храмины: до нихъ доходили, да видно недобрые духи ихъ зорко

стерегутъ: никакъ не могли проникнуть въ храмины. Съ трудомъ убѣдилъ я суевѣрныхъ Черногорцевъ начать работы въ томъ мѣстѣ, гдѣ указывалъ монахъ; время было дорого; каждую минуту мы могли быть прерваны въ своихъ розысканіяхъ; работа шла быстро, и въ скоромъ времени достигли до груды камней; разобравъ ихъ, мы открыли мраморную доску: продольныя края ея исчезали въ стѣнахъ открытаго нами пространства; поверхность украшалась изображеніями людей, въ разныхъ положеніяхъ, съ трезубцемъ, иногда съ другимъ орудіемъ въ рукахъ, животныхъ, особенно же рыбъ и пѣтуха; во многихъ мѣстахъ видны были иззубрины, слѣды тщетныхъ усилій приподнять или разбить эту доску; мы присоединили къ нимъ свои, и также безуспѣшно: это вполне убѣдило Черногорцевъ, что подземный духъ избралъ своимъ жилищемъ храмину, находившуюся подъ доской (звукъ ясно показывалъ, что тамъ была пустота.) Между тѣмъ, любопытство влекло меня къ другимъ памятникамъ, которые я спѣшилъ передать бумагѣ; особенно поразилъ меня красотою своихъ изображеній и мрамора одинъ надгробный камень, на которомъ еще сохранились слова: *Avia filia pos 1DDD* и другой, со словами болѣе сглаженными — *Ven... aug Sacrum f.. basilla.* — Всего успѣшнѣе былъ сборъ разныхъ монетъ: въ короткое время я добылъ до сорока штукъ, изъ числа которыхъ большая часть принадлежала времени Константина и Елены, другія — вѣку Діоклітіана. Сосѣдственные Черногорцы иногда отправляются сюда за монетами и всегда возвращаются съ добычею, если только не наткнутся на партію Турковъ; не рѣдко попадаются золотыя монеты. Какъ будто Діоклея была незапно покинута своими обитателями!

Между тѣмъ, Черногорцы пришли ко мнѣ съ извѣстіемъ, что они нашли на Морачѣ только одну небольшую лодку, и та кругомъ течетъ, словно решето. Тѣмъ хуже, подумалъ я, а перетѣзжать все таки надо.

Мы приблизились къ Морачѣ и были немедленно открыты: два Албанца, сторожившіе овецъ и коровъ по ту сторону рѣки, близъ Златицы, мигомъ скупили ихъ и потомъ одинъ понесся въ Подгорицу, другой погналъ, какъ могъ скорѣе, свои стада. «Имъ надобно часа три времени, чтобы собрать столько народу, сколько унасъ, а безъ того не прійдутъ сюда; они навѣрное предполагаютъ засаду за горою, и никакъ не догадаются, за чѣмъ мы пришли сюда.» — И такъ, мы могли расплатъ тремя часами времени, а можетъ быть и болѣе.

Лодка едва могла вмѣщать двоихъ человѣкъ, и двое изъ самыхъ отчаянныхъ Черногорцевъ кинулись въ нея. Не смотря на всѣ усилія пловцовъ, лодка наполнилась водою, прежде чѣмъ коснулась противнаго берега, но Черногорцы спасли себя и лодку; они кое-какъ законоплатили ее травою, и одинъ изъ нихъ возвратился къ намъ. Такимъ образомъ, въ короткое время, я очутился съ двадцатью Черногорцами на противу - положномъ берегу Морачи и, оставивъ прочихъ, переправляющихся черезъ рѣку, самъ пошелъ къ Златицѣ, находящейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Морачи.

Первый взглядъ на окрестность убѣдилъ меня въ прежнемъ предположеніи, въ невозможности мѣстонахожденія здѣсь золотосодержащихъ розсыпей, бывшихъ предметомъ моей поѣздки на Златицу. Кругомъ господствовалъ юрскій известнякъ, а на мѣстѣ вонючій известнякъ; однако заложили нѣсколько шурфовъ, и всѣ они остановились на плотномъ во-

нючемъ известнякъ, не перерѣзавъ даже ни одной розсыпи. Я замѣтилъ сопровождавшему меня монаху неосновательность общаго мнѣнія Черногорцевъ, будто бы это мѣсто называется Златицей, потому, что въ почвѣ его находится золото. «Такъ думаютъ только Катуняне, сказалъ мнѣ монахъ, голосомъ чловека, разрѣшающаго совершенно вопросъ, по нашему, оно называется Златицей совсѣмъ по другой причинѣ.» А по чему, спросилъ я? «Шелъ когда-то Савва преподобный черезъ это мѣсто, куда собрались мы теперь, и видитъ ниву, волнующуюся колосистой пшеницей, какъ вскипяченнымъ золотомъ; преподобный приблизился: нива удобрена до возможности трудолюбивымъ хозяиномъ; тогда Савва обратился къ нему и сказалъ: домъ твой будетъ всегда избыточенъ, какъ полная чаша, а мѣсто это будетъ твоей Златицей.»

Оставляя Черногорцевъ при общемъ ихъ мнѣніи, я выскажу теперь свое предположеніе о происхожденіи слова Златица. Надобно прежде замѣтить, что названіе Златицы и Сребреницы довольно обще въ далматійскомъ приморьѣ, гдѣ нѣтъ и слѣдовъ мѣсторожденія этихъ металловъ. На Златицѣ черногорской находили, и теперь находятъ древнія монеты; здѣсь отрыли, разъ, горшки, чрезвычайно огнепостоянные, находили какія-то странныя, по словамъ Черногорцевъ, орудія, и я видѣлъ самъ нѣкотораго рода сплавъ, совершенно подобный шлакамъ: почему не предположить, что здѣсь былъ монетный дворъ Діоклеи, или что наконецъ мѣсто это названо Златицею по обилію монетъ, которыя находятъ здѣсь.

Монахъ рассчиталъ вѣрно время: едва пробыли мы на мѣстѣ нѣсколько часовъ, какъ сторожевые прибѣжали сказать, что въ Подгорицѣ замѣтно чрезвычайное волненіе и что пѣшіе и конные показываются

за стѣнами ея. Первою моею мыслию было обратиться въ Кучи, но я вспомнилъ, что большая часть людей, находившихся въ моемъ отрядѣ, враждовала съ Кучанами и что сами мы не могли ожидать добраго приѣма отъ магометанъ и католиковъ, хотя подданныхъ Владыки; а потому мы отправились прежнимъ путемъ. — Заклучу тѣмъ, что вся поѣздка наша на Златицу обошлась намъ въ нѣсколько выстрѣловъ, размѣнянныхъ съ Турками.

Мы возвратились въ Чилію поздно ночью, и застали подна Ивана въ сильномъ безпокойствѣ о нашей участи.

На другой день, рано утромъ, когда я готовился покинуть край, который встревожилъ однимъ своимъ присутствіемъ, вдругъ раздался громкій шумъ на монастырскомъ дворѣ, и вскорѣ за тѣмъ вторгся ко мнѣ въ комнату незнакомый челоуѣкъ, въ странномъ нарядѣ, безъ усовъ и съ бакенбардами; что явно доказывало его чуждое Черногоріи происхожденіе; вслѣдъ за нимъ хотѣлъ было ворваться одинъ изъ перениковъ, но, удержанный моимъ присутствіемъ, остался у дверей, и, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что бы ему позволено было объясниться; не менѣе желали этого и всѣ, бывшіе въ комнатѣ. Незнакомецъ первый началъ говорить, по-италіански, римскимъ нарѣчіемъ. Напрасно заставлялъ я его объясниться по-сербски, что бы удовлетворить любопытство всѣхъ присутствовавшихъ: онъ едва зналъ нѣсколько словъ на этомъ языкѣ, которыя страхъ, конечно, выбилъ у него изъ головы на ту пору.

Вотъ въ чемъ дѣло: незнакомецъ былъ католическій священникъ, посланный въ Кучи для обращенія тамошнихъ жителей въ католическую религію. — Я уже сказалъ, что населеніе Кучи состоитъ

изъ магометанъ, христіанъ греко-россійскаго исповѣданія и нѣсколькихъ человѣкъ, обращенныхъ усиліями скутарскихъ миссіонеровъ къ католическому исповѣданію. — Священникъ, прибывшій въ Кучи, въ скоромъ времени убѣдился, что его никто не понимаетъ, ни онъ никого не понимаетъ. Католики глядѣли на него равнодушно, а другіе подозрительно, какъ на лазутчика. Долго, однако, его спасало именно незнаніе туземнаго языка и, такъ сказать космополитическій образъ жизни. Магометане и христіане равно не знали какому исповѣданію принадлежитъ онъ, и только издали наблюдали за нимъ; но когда онъ явно обнаружилъ свои намѣренія, когда рѣшился во всеуслышаніе проповѣдовать слово Божіе, то немедленно возбудилъ противъ себя всеобщее негодованіе и былъ изгнанъ изъ Кучи; опасаясь дальнѣйшихъ послѣдствій, онъ бѣжалъ ко мнѣ, сопровождаемый однимъ изъ преданныхъ себѣ католиковъ, который, пользуясь вліяніемъ на народъ, охранялъ его отъ всѣхъ бѣдъ на пути. Близъ Златицы подвергался онъ другой опасности. Подгоричаняне, преслѣдовавшіе насъ, наткнулись на него нечаянно, и, видя въ немъ чужестранца, сочли его за нашего спутника; Кучанинъ тайкомъ увелъ его въ сосѣдственный домъ, рассчитывая на гостепріимство соотечественника: каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ себя въ домъ злѣйшаго врага, давно преслѣдовавшаго его съ смертію на-готовѣ, каково было его удивленіе, когда этотъ заклятый врагъ, вѣрный законамъ гостепріимства, далъ ему и спутнику его убѣжище и средство къ бѣгству, напутствуя увѣреніями, что мщеніе не замедлитъ настигнуть въ открытомъ полѣ и при обстоятельствахъ, болѣе благопріятныхъ! Бѣдный священникъ, достигшій наконецъ Чили, гдѣ я

находился, считалъ себя въ совершенной безопасности, какъ вдругъ, встрѣтился, лицомъ къ лицу, съ переникомъ, который былъ родомъ изъ Кучи, приходился, какимъ-то образомъ, ему врагомъ и угрожалъ мщеніемъ. Подумаешь, что здѣсь только и есть враги да друзья.

Покровительствуемый Черногорцами, я доставилъ всѣ средства священнику для его безопаснаго путешествія въ Скутари, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить своихъ собратьевъ.

Изъ Чилии отправились мы въ Цѣтинъ, черезъ Загарачъ. Останавливались всегда въ открытомъ полѣ. Разъ, на пути, не помню близъ какой то деревушки, расположились мы обѣдать, т. е. жарить и есть барана. Но я не могъ ѣсть, усталость преодолевала меня, полдневное солнце жгло. Прилегши подъ деревомъ, которое на-счастье тутъ случилось, я силился уснуть, — напрасно: хотя я лежалъ неподвижно, закрывъ глаза, однако взволнованная кровь не давала мнѣ покою. Черногорцы мои спали крѣпко. Вдругъ, слышу голоса близъ себя. «Смотри, какъ онъ спокойно спитъ, и не думаетъ, что его могутъ убить!» — Жена, ты говоришь, какъ дура, ктобъ могъ его убить подъ охраной всей Черногоріи. — «Вѣдь всякіе люди есть, а всѣ знаютъ, что у него много денегъ.» И все-таки не найдется челоуѣка въ Черногоріи, ктобъ поднялъ на него руку; развѣ» Разговаривавшіе, какъ видно прохожіе, удалились, и я не слыхалъ продолженія ихъ разговора.

ГЛАВА XIII.

Поединки и кровомщеніе.

Часто поражалъ меня старикъ, дряхлый, но все еще стройный, безъ рубахи, едва прикрытый рубищемъ, но гордаго, повелительнаго вида, безъ пристанища, но снискивавшій вездѣ кровь и гостепріимство. Въ Черногоріи, какъ и въ Европѣ, бѣдность не порокъ, но хуже порока: это я зналъ, и тѣмъ болѣе удивлялся старику, пока не разгадалась мнѣ тайна. «Это славный юнакъ (*), Янко: онъ отрубилъ 12 турецкихъ головъ», — сказалъ съ уваженіемъ Видо, и тутъ же рассказалъ мнѣ о его поединкѣ съ другимъ юнакомъ.

Надобно было васъ предупредить, что здѣсь поединки бываютъ чаще, нежели гдѣ-либо; хотя они преслѣдуются нынѣшнимъ Владыкой со всею строгостію, и убійца на поединкѣ карается смертною казнію, однако старый обычай, пустившій глубоко свои корни, все еще имѣетъ силу. Здѣсь, болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, кипятъ страсти и, переполнивъ бранный сосудъ чловѣка, слятся вырваться наружу; Черногорецъ не ждетъ пока опадетъ пѣна ихъ, пока правый судъ разберетъ дѣло; узда закона для него нова и деретъ челюсти вмѣсто того, чтобы удерживать только усиленный порывъ. Поединки бываютъ одинъ противъ одного и племя противъ племени, при свидѣтеляхъ и безъ нихъ. Предметы ссоры — всего чаще жещнины и оскорбленное честолубіе, иногда кража коровы или козы. Именно послѣднее было поводомъ поединка нашего юнака, Янко, съ другимъ, по имени Трипо, а потому неудивительно, что поединокъ былъ на-

*) Юнакъ — удалецъ, богатырь.

смерть, какъ водится между юнаками, безъ свидѣтелей: совѣсть каждого была ему судьей и, какъ увидимъ, судьей самымъ строгимъ. Поединокъ, столь необыкновенный по лицамъ состязающимся, немогъ остаться тайною, и толпа, всегда жадная подобнаго рода зрѣлищъ, собралась близъ мѣста ратованія и притаилась за взгорьемъ. Враги пришли, сошлись, кое-о-чемъ потолковали, пошутили, выжили ракии, зарядили свои длинныя ружья и разошлись; ихъ хладнокровіе, слѣдствіе совершеннаго равнодушія къ жизни и смерти, было слишкомъ натурально, — это отличительная черта черногорскихъ поединковъ отъ нашихъ. — ихъ шутки, какъ и лица, не вытягивались въ «два аршина съ половиною», и звѣно мірскихъ привязанностей и радостей не тянуло назадъ отъ барьера. Поединщики стали на условленномъ разстояніи; вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ — и только одинъ: ружье Трипо дало осѣчку. Пуля расшибла ему локоть лѣвой руки, поддерживавшей ружье, и застѣла въ лѣвомъ боку: онъ упалъ безъ чувствъ, откинувъ далеко отъ себя ружье, но вскорѣ, усиліями товарища, былъ возвращенъ на мигъ къ жизни, и этимъ предсмертнымъ мигомъ успѣвши воспользоваться Янко; не смотря на то, что по закону черногорскихъ поединковъ, осѣчка, въ такомъ случаѣ, почитается правымъ судомъ Божиимъ, онъ велѣлъ Трипу стрѣлять въ себя. «Немогу придвинуть ружья, не могу удержать его», произнесъ тотъ, умирающимъ голосомъ. Янко подалъ ему ружье, посадилъ на землю; но руки Трипа склонялись долу, тѣло валилось; Янко приподнялъ его правое колено, уперъ на него ружье и, склонивъ его колеблющуюся голову къ прикладу, сказалъ: «я нехочу, чтобъ такой юнакъ отошелъ на тотъ свѣтъ не отомщеннымъ, а кто за

тебя здѣсь отомстить: у тебя ни брата, ни друга, круглый сиротина,» и сталъ въ двухъ шагахъ противъ ружейнаго дула. Раздался выстрѣлъ, и благородный соперникъ зашатался. Стыдно падать юнаку: крѣпко упершись одною рукой о камень, другою о свое ружье, онъ удержался на ногахъ, и въ этомъ положеніи, какъ наиболѣе приличномъ герою, казалось рѣшился ожидать смерти; ни одинъ стонъ, ни одно болѣзненное движеніе не обнаружили его мученія. Пришедшая толпа нашла Трипо уже мертвымъ; Янко былъ безъ чувствъ, но искусство здѣшнихъ доморощенныхъ врачей изцѣлило его рану, не смотря на всю опасность ея: это была двадцать первая (*).

Кстати, здѣсь я расскажу вамъ поединокъ цѣлаго племени противъ другаго: это было не такъ давно. — Одна женщина, отданная въ замужство въ другое племя, наскучивъ грубымъ обращеніемъ мужа, бросила его и убѣжала къ своимъ братьямъ; она рассказала имъ во всей подробности прежнюю, горькую жизнь свою и намѣреніе не возвращаться болѣе къ мужу; но вмѣстѣ съ тѣмъ заклинала не мстить ему; напрасно, — братья затруднялись только въ томъ, кому изъ нихъ нанести ударъ: каждый добивался этой чести, и кончили тѣмъ, что отправились всѣ трое; ихъ родственники и друзья не хотѣли ихъ отпустить однихъ, къ нимъ присоединились другіе, на случай отмщенія или мира, и вотъ все племя поднялось противъ другаго племени. О мирѣ съ Черногорцемъ нечего и говорить, пока у него заряжены оба пистолета и ружье; это значить толковать голодному о воздержности, когда передъ нимъ стоитъ сытный

(*) Разсказанное мною произшествіе свидѣлствуется многими очевидцами и не подлежитъ никакому сомнѣнію.

объѣдъ. Раздались выстрѣлы, сначала рѣдко, потомъ чаще, то удаляясь, то приближаясь, смотря по движенію толпы. Крики заглушали выстрѣлы: «Эй! соколы, соколы! — Видо, Петро, юнакъ! юнакъ! на право, на лѣво, впередъ вторилось по всюду. — Дрались большею частію въ разсыпную, то набѣгая, то убѣгая, заманивая въ средину удалцевъ, и отрѣзывая ихъ отъ остальной толпы, то скрываясь за камнями, то показываясь не ждано на вершинѣ, словомъ, употребляли все хитрости своихъ сшибокъ, пока ожесточеніе не овладѣло ими, тогда они столпились; некогда было думать заряжать ружья или пистолеты, — схватились за ятаганы. Старѣйшины увидѣли, что слишкомъ уже много крови пролито для одной женщины, и съ обѣихъ сторонъ подняли шапки на длинныхъ ружьяхъ своихъ, знаменіе перемирія, буря стихла и враги разошлись на приличное разстояніе.

Но это было только начало. Слѣдовало изложеніе предмета, для котораго собрались спорящіяся стороны: надобно было рѣшить, кто правъ — мужъ или жена? и въ первомъ случаѣ принудить мужа взять обратно жену и поступать съ нею «какъ слѣдуетъ.» Начались споры и доказательства, кричали пуще, чѣмъ при дракѣ, молодые горячились, главари выслушивали терпѣливо сужденія каждаго, иногда нѣсколькихъ вдругъ, и почесывали затылки, какъ будто тамъ именно былъ у нихъ наибольшой запасъ ума; сердаръ того племени откуда была жена, причина раздора, готовился уже произнести приговоръ, какъ вдругъ, въ противоположной сторонѣ раздалось слово «ложь.» Послѣдній черноморскій сѣромахъ не стерпитъ брани, и слово ложъ въ этомъ случаѣ было тоже, что и выстрѣлъ. Битва закипѣла сильнѣе прежняго; отважнѣйшіе схватились

въ рукопашную борьбу; тѣснили, давили другъ друга, бились камнями, бились чѣмъ ни попало; на крикъ, на выстрѣлы сбѣжались люди другихъ племенъ: не успѣвъ примирить враждующихъ, они пристали къ нимъ, то подкрѣпляя собою слабѣйшую сторону, то, вмѣстѣ съ нею, уступая силѣ. Наконецъ, главарь, улучивъ минуту, когда обѣ стороны, утомленные и разрозненные, тѣснили слабые другъ друга, крикомъ и выставленными шапками успѣли остановить кровопролитіе; сосчитали убитыхъ: со стороны супруга было десять, — раненные нейдутъ въ счетъ, — со стороны оскорбленной жены четыре. Эта сторона, повторенными нѣсколько разъ выстрѣлами, провозгласила побѣду; побѣжденный остался, какъ водится, виноватымъ; уцѣлѣвшій мужъ долженъ былъ взять обратно жену и обязаться клятвою жить съ нею въ миръ и согласіи. Враждующія стороны примирились и разошлись.

Вотъ еще одинъ поединокъ, который совершенно выходитъ изъ круга нашихъ понятій: онъ случился въ одномъ изъ смежныхъ Черногоріи племенъ. — Два соперника, разлученные втеченіи двадцати лѣтъ обстоятельствами и людьми, наконецъ сошлись; потребовали по 25 человекъ и стали на выстрѣлъ, каждый метою двадцати пяти ружей: дружно раздались два залпа, почти въ одно время. Какъ ни привычны были туземцы къ подобной метѣ, однако рука, видно, не у одного дрогнула, потому что оба соперника были изранены, но еще живы: надобно было прибѣгнуть къ ятаганамъ, что бы кончить остальное.

Здѣсь же мѣсто рассказать объ ужасномъ кровопролитіи, совершившемся, правда, не въ Черногоріи, но на ея границахъ и въ ея духѣ. — Конечно не всѣмъ извѣстно, что Мирдить одно изъ сильнѣйшихъ независимыхъ племенъ въ Турціи, занимаетъ

значительный участокъ земли въ верхней Албаніи и можетъ выставить до 10,000 оруженосцевъ, что стремнины и утесы составляютъ его вѣрный оплотъ, а мѣткое ружье и страсть къ независимости надежную охрану противъ всѣхъ покушеній паши, что оно примыкаетъ къ границамъ Черногорцевъ и слѣдственно находится во вѣгдашней съ нимъ враждѣ, питаемой неугасимымъ кровомщеніемъ, враждѣ, которую разность вѣроисповѣданія облакаетъ въ совершенную законность. Должно замѣтить, что племя Мирдитъ имѣетъ претензію на католическое вѣроисповѣданіе.

Дидо, достойный правитель этого племени, умеръ, оставивъ своего единственнаго сына преемникомъ власти; родной братъ Дидо убилъ наследника, что бы, въ свою очередь, сдѣлаться законнымъ правителемъ; мать убитаго отмстила смерть сына, умертвивъ своими руками убійцу; сынъ послѣдне-убитаго не могъ тѣмъ же отплатить убійцѣ, потому что обычаи края, которые сильнѣе всякаго закона, запрещаютъ совершать мщеніе надъ женщинами; онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что убилъ ея брата, Вико; сынъ Вико застрѣлилъ убійцу возлѣ самаго трупа своего отца, еще не остывшаго, еще сохранившаго выраженіе угрозы и мщенія, послѣдняго, и, можетъ, единственнаго чувства, съ которымъ онъ отошелъ отъ земли, и палъ мертвый на трупъ отца отъ руки одного изъ родственниковъ убитаго имъ. Мщеніе не замедлило: опять явилась жена Дидо, и убійца палъ отъ ея руки — другая очистительная жертва, которую она принесла своему роду..... Отъ всего племени остался двухлѣтній младенецъ и эта ужасная женщина. Совершивъ второе убійство, она явилась въ Скутари, не для оправданія, чего такъ добивались турецкія пра-

вительственныя лица, желая показать свое вліяніе на дѣла Мирдита, но, казалось, для того, чтобы пощеголять своимъ подвигомъ. Это была женщина лѣтъ 45, небольшого роста, съ выдавшимися скулами на лицѣ, съ выраженіемъ угрозы въ ярко блещущемъ взорѣ и съ несмѣнною улыбкой презрѣнія на губахъ, нѣкогда прекрасныхъ. Всѣ ея движенія были быстры и такъ сказать судорожны; ея рѣчь, ея поступъ обнаруживали въ ней первическое сложеніе и кипящую страстями кровь.

ГЛАВА XIV.

Станевичъ.

¹/₁₂ Іюля.

Монастырь Станевичъ составляетъ народное чудо. Это самое большое зданіе въ Черногоріи. Долгое время служило оно резиденціей святопочившаго Петра; въ то время на его высокихъ стѣнахъ красовались длинныя пушки, отнятыя у Французовъ и столько разъ отразившіе приступъ прежнихъ своихъ властителей. Слѣды окрестныхъ бойницъ едва примѣтны, но монастырскія стѣны, испещренныя картечью, незыблемы. Станевичъ лежитъ на границѣ Черногоріи и Боко-ди-Катаро; онъ гордится тѣмъ, что выдержалъ нѣсколько приступовъ французскихъ войскъ, въ годину ихъ побѣдъ и властвованія повсюду, и небылъ взятъ; но въ Станевичъ былъ тогда преставившійся Владыка Петръ, а на Адриатическомъ морѣ его знаменитый другъ и совоитель Сенявинъ, всегда готовый къ нему на-помощь!.... Владыкѣ наскучило, наконецъ, его вѣчное осадное положеніе, и онъ перенесъ свою резиденцію и митрополию въ Цѣтинъ. Потомъ настало время мира, радостное для всѣхъ, но

тяжкое для Черногорцевъ по своимъ послѣдствіямъ: оставляемъ грустное воспоминаніе о немъ!

Мы постучали въ калитку: отвѣта небыло; въ монастырь было темно и тихо, какъ въ могилѣ. Бокѣзецъ мой, отъ котораго не скрылась нора въ окрестномъ краю, подошелъ къ одному изъ множества оконъ и тихо произнесъ: «Дьяче, Русскій! Вслѣдъ за-тѣмъ калитка отперлась до половины, и монахъ робко просилъ насъ войти въ монастырскую обитель. Калитка вновь заперлась, и мы остались въ темнотѣ.

Полная луна глядѣлась въ окно и освѣщала лабиринтъ комнатъ, съ ихъ узкими переходами, лѣсенками наверхъ и внизъ, пристройками, перегородами, тайниками, какъ въ нашихъ древнихъ монастыряхъ. Вездѣ отдавалось сыростью давняго запустѣнія и видимымъ разрушеніемъ. Половицы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, провалились, и сквозь щели виднѣлись подвалы, гдѣ луна, играя и скользя, открывала страшное ихъ назначеніе. Таинственный путеводитель стоялъ противъ меня и съ умиленіемъ глядѣлъ мнѣ въ глаза: это былъ старикъ, почтеннаго вида, съ открытымъ, лоснящимся челомъ; на лицѣ его время, война и бѣдствія наложили много морщинъ и рубцовъ, а на бородѣ убѣлили волосы; несмотря, однако, на лѣта, онъ былъ строенъ и крѣпокъ; черные глаза сверкали въ немъ тѣмъ огнемъ, который такъ ярокъ въ глазахъ южныхъ Славянъ и обличаетъ ихъ мужественную душу и кипящія страсти. У порога стояли двое Черногорцевъ, безпечно облокотившись на свои длиныя ружья.

— Ахъ, мой сердечной, родной мой! чѣмъ же угощу тебя, говорилъ старикъ, прижимая свою руку къ сердцу. Въ такую годину ты пришелъ, что я и огня не смѣю подать; принимаю тебя, словно недруга: а кто ближе моей душѣ!

Я успокоилъ старика, сказавъ, что зашелъ къ нему только на четверть часа, нѣсколько отдохнуть, оставить у него обоихъ Черногорцевъ и взять его проводникомъ до Будвы, и что всѣ мы будемъ довольны хлѣбомъ и водою, въ чемъ онъ намъ вѣрно не откажетъ.

Кажется, я не сказалъ еще, кто былъ нашъ путеводитель, старикъ, съ которымъ я велъ бесѣду? Этотъ единственный жилецъ и стражъ оставленнаго монастыря былъ долго, долго діакономъ при усопшемъ Владыкѣ, участвовалъ въ его славныхъ походахъ и при совершеніи торжественной литургіи, раздѣлялъ его минуты славы и годы труда и горя..... Онъ сохранилъ званіе діакона и теперь, и, казалось, жилъ болѣе прошедшимъ чѣмъ будущимъ: настоящаго для него не существовало; изъ былаго же онъ забылъ только одно, именно, что родился Бокезцемъ: его имя — Иванъ Зейцъ. Между тѣмъ, какъ мой слуга суетился и хлопоталъ въ кухнѣ, діаконъ, съ короткостію друга, взялъ меня подъ руку и съ довѣренностію старца, — старецъ — дитя, повѣрялъ мнѣ свою душу: не разъ замѣчалъ я, какъ рука его трепетала у моего сердца.

«Въ то время, говорилъ онъ, когда жизнь Владыки была запродана его врагами съ придачею почестей, когда тайные наемщики сторожили ее повсюду съ ножомъ и ядомъ, митрополитъ удалился въ эти двѣ комнаты. Угловая, въ которую, какъ видишь, нѣтъ другаго хода, какъ только черезъ эту комнату, служила кухней, а эта — опочивальной и кабинетомъ; подъ его надзоромъ готовили здѣсь скудную трапезу. На этой самой кровати опочивалъ онъ, а здѣсь, у порога, спалъ я, и не разъ, среди ночи, былъ пробуждаемъ недобрыми людьми или фальшивой тревогой. — Но пойдемъ далѣе: тамъ воспоминанія будутъ

ближе твоему сердцу. Эти комнаты занималъ бригадиръ Сеньковскій, лицо, довѣренное Государя Императора, добрый совѣтникъ Владыки въ смутное время нашей войны съ Французами!.... Царство ему небесное! былъ онъ человекъ добрый и пріимчивый. Святопочившій не разъ повѣрялъ ему сердце въ минуты откровенія и не каялся въ томъ. Здѣсь жилъ сынишка Сеньковского, а рядомъ съ нимъ племянникъ Владыкинъ, Григорій Савичъ: онъ былъ тогда ребенкомъ.

Мы сошли въ подвалъ, довольно глубокій и полуобрушившійся, гдѣ пахло могилой и трупомъ. Это темница, сказалъ онъ и поникъ головой? Грустію сжалось сердце мое; я вспомнилъ о судьбѣ Дол., секретаря покойнаго Владыки, одного изъ ученѣйшихъ людей своего времени, одареннаго душою сильной, но переполненной кипящими страстями..... «Онъ истлѣлъ здѣсь, сказалъ діаконъ, какъ бы отвѣчая на мои мысли и, вѣроятно, увлеченный потокомъ своихъ собственныхъ воспоминаній! Я любилъ Д.; зналъ, что и Владыка не остылъ къ нему, и посѣщалъ его изъ года-въ-годъ. Какъ мудръ и терпѣливъ онъ былъ въ своемъ лютомъ несчастіи, съ какою кротостію смирялся передъ волей провидѣнія. Помню, разъ пришелъ я къ нему,— Д. былъ спокоинъ и говорливъ по-прежнему, только я замѣтилъ, что онъ былъ слишкомъ слабъ; тутъ заглянулъ я въ крушку, что обыкновенно стояла съ водою, — суха; я за тюремщикомъ — виноватъ, сказалъ онъ, забылъ сего дня принести воды. — А вчера? — И вчера то же.— А хлѣба?— И хлѣба также..... А онъ, мой сердечный, о томъ ни словечка, ниже малѣйшаго ропота! — Виновенъ ли онъ? спросилъ я, въ порывѣ чувствъ. — Старикъ устремилъ глаза вверхъ и, какъ бы вызывая небесное правосудіе,

тихо произнесъ: «Видить Богъ!» Но зачѣмъ его мучили? «Говорятъ, такъ требовала политика! Онъ былъ измѣнникомъ Черногоріи, прибавилъ онъ съ усиленіемъ и желая придать рѣчи своей грозный голосъ.» — Былъ ли онъ измѣнникомъ? Могъ ли существовать заговоръ такъ-сказать подъ глазами Владыки? «Мы люди темные, отвѣчалъ діаконъ.

Было далеко за полночь, когда мы оставили Станевичъ. — Луна скрылась и путь становился всё хуже, по мѣрѣ того, какъ мы опускались къ Будвѣ. Раза два я обрывался съ утесистыхъ камней, но рука діакона, еще крѣпкая и сильная, удерживала меня. Море, гладкое и величественное и надъ нимъ зубчатая стѣна Будвы, — все это нѣсколько разъ было передъ нашими глазами, но вдругъ тропа опускалась въ пропасть и уходила отъ насъ всторону..... Надежда смѣнялась отчаяніемъ.

Едва спустились мы въ долину, и насъ обдало невыносимымъ жаромъ; изнеможенные, мы припали къ землѣ, но тщетно просили у нея прохлады; роса рѣдко спадаетъ лѣтомъ въ эти раскаленные зноемъ долины; наконецъ, къ разсвѣту, дотащились мы до воротъ крѣпости. Да, Гизò правъ: *jamais la nature humaine n'a manqué à ce, que les circonstance ont exigé d'elle; plus on lui demande, plus elle donne; sa richesse croit avec sa dépanse.*».....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

ГЛАВА XV.

ТРЕТІЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Бьлопавличі, Катунь на Поликвиць.

5/13 Августа.

Частыя путешествія и дѣятельность до того измучили меня, что, признаюсь, я не безъ нѣкоторой досады слушалъ, когда Владыка выхвалялъ мнѣ красоты сѣверныхъ своихъ провинцій, Морачи, которыя онъ, впрочемъ, зналъ только по слухамъ. Видимо было его желаніе, что бы я осмотрѣлъ ихъ, а потому, скрѣпя сердце, я рѣшился предупредить его волю, и вызвался самъ на это путешествіе, котораго не предпринималъ еще ни одинъ Владыка, ни даже кто либо изъ Цѣтинянъ, не говорю уже о чужеземцахъ. Къ тому же Комъ такъ сильно манилъ меня къ себѣ.

1/13 Августа оставили мы Цѣтинъ. Тѣмъ же мучительнымъ путемъ, которымъ уже шли (черезъ Загарачъ), достигли мы до Мартыничей. Здѣсь опять свернули нѣсколько съ дороги, что бы посѣтить моего добраго побратима, нѣпа Ивана: старикъ былъ радъ отъ души; онъ порывался сопутствовать мнѣ въ этой тяжелой экспедиціи, но, щадя его старыя лѣта, я почти силою удержалъ его дома, и каялся послѣ.

Вы смѣтаете моей связи съ попомъ Иваномъ, человекомъ безъ всякаго образованія, котораго страсти ограничиваются одною войною, а желанія — чаркой ракіи, котораго честолюбіе измѣряется числомъ отрѣзанныхъ головъ. Движенія сердца непояснимы: Князь попъ Иванъ Княжевичъ заставилъ себя любить, — этого достаточно!

Отъ Мартыничей мы поднимались долго и высоко, по тропѣ, изрытой протокомъ Лютъ. Стѣсненный вы-

сокими, отвѣсными стѣнами утесовъ, онъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, никогда не освѣщается солнцемъ; дикія деревья, торчащія изъ разщелинъ камней, увеличиваютъ прохладу; лѣтомъ здѣсь отдыхъ и отрада измученному зноемъ путнику; но за то, какъ ужасенъ этотъ протокъ зимой и весной: со всеразрушающею силою летитъ онъ стремглавъ съ утеса и сокрушаетъ все на пути своемъ.

Поднявшись на вершину горы, мы не спускались болѣе внизъ и обширными горными долинами достигли Поликвицы. Какой прекрасный край! Картина совершенно въ новомъ родѣ: узоръ яркъ и пестръ, онъ напомнилъ мнѣ живо тотъ, по которому расположены татарскіе улусы на Алтаѣ; тѣ же шалаши, толпа полу-нагихъ ребятишекъ, толпа женщинъ, тѣмъ собакъ той же самой породы, какъ у Татаръ, и этотъ шумъ, и эти огоньки, мелькающіе далеко за-полночь, стада овецъ, звонъ колокольчиковъ: все на прекрасной горной долинь, мѣстами еще покрытой снѣгомъ, окружено трущобой, прикрито облачнымъ небомъ, наконецъ эта прохлада днемъ и холодъ ночью, все живо, съ малѣйшими подробностями и отбѣнками напомнило мнѣ тотъ самый улусъ, который былъ нѣкогда моимъ жилищемъ. Какъ здѣсь хорошо! какая утѣшительная прохлада послѣ того мучительнаго зноя, которымъ мы задыхались поутру, какой покой для истомленнаго тѣла и для души послѣ тревогъ битвы, послѣ волненій и опасностей, еще недавно и такъ тѣсно окружавшихъ насъ.

Многіе шалаши были пусты и я занялъ одинъ изъ нихъ, точь-въ-точь такой, въ какомъ я провелъ полъ-года на другомъ концѣ материка; также двѣ сошки съ перекладиной, къ которой сходились всѣ боковыя жерди, служили основаніемъ шалаша, а древесныя вѣтви — кровлей, также, опрокинутый

вашгерть исправлялъ должность стола, а разложенный по срединѣ шалаша огонекъ былъ мнѣ отрадой и канвой, на которой стлались затѣйливые образы моего воображенія. — Опять, опять воспоминаніе увлекло меня въ давно-прошедшее, къ которому всегда стремится душа: не потому ли, что возвратить его нельзя?

Но прежде всего надобно было объяснить вамъ, что такое катуны? Это лѣтнее пастбище; каждый, въ Берди, имѣетъ свой катуны на высокихъ горныхъ долинахъ, гдѣ укрывается на лѣто весь скотъ отъ зноя и, пуще, отъ набѣга сосѣднихъ Турковъ; здѣсь оберегаютъ его такъ называемые «пастыри»: какъ красивы они, въ своей живописной одеждѣ, съ бѣлыми чалмами по-верхъ красныхъ фесокъ, расположенные по вершинамъ горъ, откуда зоркимъ глазъ слѣдятъ малѣйшее движеніе непріятеля. Опершись на длинное свое ружье, они, словно духи бурь, фантастически рисуются на сумрачномъ горизонтѣ. И дѣйствительно, духи они, только не бурь, физическихъ, духи брани и разрушенія. Въ катуны собираются на лѣто всѣ женщины для приготовленія сыра и масла, всѣ собаки для защиты стада отъ другихъ, не менѣе страшныхъ враговъ, медвѣдей и волковъ, всѣ дѣти для увеличенія шума и нестроты.

Съ вершины одной изъ Поликвицъ открывается вся цѣпь горъ, идущая черезъ Морачу, съверныя оконечности Бѣлопавлича, черезъ Пипери и вдоль Кучи; на ней размѣщены катуны этихъ округовъ; высоко надъ грядою поднимаются Прикорница, Луковица и нѣсколько другихъ горныхъ главарей, а надъ всѣми ими Комъ, царь горъ; къ нему-то стремились давно мои мечты, къ нему стремились пламенные желанія всѣхъ путешествовавшихъ въ Албаніи, Босніи и въ Герцеговинѣ, но никто изъ нихъ не достигъ

этого тайника природы, загражденного людьми, также какъ и природой; весьма, весьма не многіе изъ Черногорцевъ всходили на его вершину: они приносили оттуда страшныя, чудныя вѣсти, будто съ того свѣта и отбивали охоту у суевѣрныхъ отваживаться на подобный подвигъ. Дѣйствительно, чуденъ онъ, этотъ Комъ! Какъ заманчиво сіялъ онъ передо мною своею снѣжною верхушкой, словно бриліантовой маковкой. Я далъ себѣ обѣщаніе достигнуть ея во что бы нистало. На Поликвицѣ мы пробыли два дня; надолго бы я остался здѣсь, если бы мои обязанности не понуждали меня далѣе.

ГЛАВА XVI.

Р о в ц ы.

³/₁₇ Августа.

Опять надобно было переправляться черезъ Морачу: мостъ черногорскаго устройства, только короче нежели мостъ въ Маркахъ и нѣсколько шире: именно, въ бревно длины и въ три ширины: за то его надобно было переходить, а не переползать. — И теперь морозная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при воспоминаніи, какъ скрипѣлъ и шевелился онъ подъ моею пятой, и голова кружится, отъ оглушающаго шума Морачи. Къ одному я никакъ не могу привыкнуть въ Черногоріи, — къ этимъ живо-трепещущимъ мостамъ, можетъ потому, что, къ счастью, они рѣдко встрѣчаются. А Черногорецъ, навьюченный своею тяжестью, иногда влача за собою барана, который упирается и бодаетъ, идетъ также ловко и небрежно, какъ бы по гладѣ.

Вблизи моста, гдѣ рѣка Морача образуетъ глубь, подѣ утесомъ, далеко выдавшимся и совершенно нависшимъ надѣ нею, говорятъ, живетъ, въ самомъ омутѣ, человекъ и нерѣдко выплываетъ на поверхность воды; проводникъ нашъ видѣлъ, какъ этотъ житель пучины бросился въ нее съ ужаснаго утеса и скрылся; другіе слышали его голосъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это не человекъ, а змій, иные, — что это духъ или дьяволъ. — Я держусь послѣдняго мнѣнія, потому что мѣсто чрезвычайно удобно и привольно для временной квартиры дьявола, особенно, если онъ романическаго расположенія и плѣняется красотами природы.

Это еще что такое? воскликнулъ я невольно, указывая на нѣчто живое, движущееся, висящее между небомъ и быстриною рѣки. — «Ни-что,» отвѣчалъ равнодушно одинъ изъ Черногорцевъ, — какъ «ни-что!» воскликнулъ я, подходя ближе къ рѣкѣ и пораженный пуще прежняго: вѣдь это человекъ.

«Долазить на ту банду», переходитъ на ту сторону, отвѣчалъ онъ, зѣвая во весь ротъ. Подлинно «долазить», подумалъ я, только этого «лазанія» не доставало мнѣ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, стѣсненная крутыми берегами, собрала воды свои въ русло, болѣе узкое, и тѣмъ быстрее, тѣмъ сердитее мчала ихъ, въ томъ мѣстѣ были перекинуты съ одного берега на другой двѣ жерди, въ два бревна длиною, поддерживаемыя на серединѣ рѣки двумя высокими стойками, кое-какъ скрѣпленными вверху, еще хуже укрѣпленными внизу, въ водѣ, между валунами камней. — Бревна были *au naturel*, въ ихъ корѣ, съ выдавшимися выпуклостями и неровностями, а потому, во многихъ мѣстахъ расходились, одно возвышалось надъ другимъ, представляя такимъ образомъ ломаную

линію. О перилахъ не было и помину. По этому-то фантастическому мосту переходилъ, — нѣтъ, не переходилъ, я не умѣю опредѣлить этаго движеніе человѣческаго тѣла, — переползалъ человѣкъ, осѣдлавъ верхомъ обѣ перекладины и замѣнивъ для своего движенія ноги руками. — Скорѣе переправлюсь я черезъ рѣку верхомъ на дьяволъ, воскликнулъ я, и, за неимѣніемъ на ту пору въ наличности чорта, уже закинулъ ногу черезъ перекладину, повинувась необходимости. Добрый мой спутникъ снабдилъ меня пужными наставленіями, отправляя въ это, новаго рода, путешествіе: «Не гляди внизъ, говорилъ онъ, не-то закружится голова и найдетъ одурь,» у насъ на оборотъ, подумалъ я, одурь находить на тѣхъ, которые глядятъ очень высоко. — «Не оборачивайся назадъ, не гляди по сторонамъ, не гляди никуда, — зарябитъ въ глазахъ.» Что жъ, зажмуриться, что-ли? спросилъ я его. «О, сохрани Боже, воскликнулъ онъ, испугавшись самой мысли, назовутъ трусомъ; надобно глядѣть весело, но ничего не видѣть, ничего не слышать, ни о чемъ не думать.» Болѣе всего совѣтовалъ онъ мнѣ крѣпко держаться за перекладины и не ползти, потому что, въ такомъ случаѣ, притягивая свое тѣло къ точкѣ опоры рукъ, съ тѣмъ вмѣстѣ тянешь къ себѣ перекладины и легко можешь ихъ сдвинуть, но должно только опираться обѣ нихъ и, приподымаясь нѣсколько, такъ сказать перескакивать все впередъ и впередъ. «Есть,» произнесъ я, скрѣпивъ сердце, и, благословясь внутренно, отправился въ путь скачкомъ — ползкомъ. Дорогой я имѣлъ довольно времени, чтобы разсуждать о порядкѣ возникающихъ искусствъ, между которыми этотъ мостъ должно было поставить въ самой головѣ; но было не до разсужденій. — Я однако начиналъ привыкать къ своему положенію, какъ вдругъ, взглянувъ нечаянно впередъ, остолбенѣлъ и остался

не движимъ. Одно изъ двухъ бревенъ слѣдующей половины моста вышло изъ своего гнѣзда и тѣмъ концомъ, который былъ обращенъ ко мнѣ и, слѣдовательно, находился на самой серединѣ Морачи, едва касалось подставокъ, едва задѣвало ихъ половиной своей оконечности; казалось, малѣйшее движеніе низвергнетъ его въ безду. По какому-то инстинкту я обернулся назадъ: воздушное пространство, около пяти саженой за мною и передо мною, отдѣляло меня отъ земли; потомъ взглянулъ нечаянно внизъ: бездна была подо мною, волны кипѣли и рвались изъ ущелья съ оглушающимъ шумомъ, брызги долетали до меня; я обратилъ взоръ свой къ небу — тщетная надежда. Голова закружилась, сердце сжалось, я пошатнулся и едва не потерялъ равновѣсія; но это было одинъ мигъ. Разсудокъ взялъ власть свою. Легко было убѣдиться въ физической невозможности вернуться назадъ: для этого нужно было сдѣлать надъ бездною сальто-мортале, на который у меня не было ни искусства, ни охоты; другая, вспавшая мнѣ мысль была всполсти внизъ по стойкѣ, на которую опирался мостъ; но если бы я и достигъ рѣки, то какъ удержаться на стремнинѣ, катящей валуны камней на пути своемъ. Я оставилъ и эту мысль, и, неколеблясь болѣе ни минуты, отправился впередъ, не касаясь руками къ полуниспадающей перекладинѣ, и если задѣвалъ ее ногою, то только для того, чтобы прижать къ другой. — Тщетное усиліе; она колебалась подо мной при каждомъ движеніи и тѣломое, опираясь всею тяжестью на одну зыбкую перекладину, съ трудомъ сохраняло равновѣсіе. Обѣтованный берегъ былъ, однако, близокъ; измученный безпрестаннымъ усиліемъ и желаніемъ достигнуть земли, я забылъ благоразуміе и рѣшился соскочить на берегъ съ моста; упершись объ него всею силою, я занесъ одну ногу въ воздухъ, — вдругъ, зыбкая пе-

рекладина полетѣла въ стремнину. но я уже стоялъ на землѣ, я уже дышалъ свободно.

ГЛАВА XVII.

Морачскій монастырь.

6/18 Августа.

Округъ Морачи отличается совершенно особеннымъ характеромъ, какъ въ-отношеніи физическомъ, такъ и по своему политическому положенію. Онъ покрытъ горами, болѣе возвышенными, нежели остальная часть Черногоріи, но эти горы не представляютъ нагаго, разрушеннаго скелета природы, какъ въ Катунской нахѣ, застланы зеленью и увѣнчаны лѣсами огромныхъ размѣровъ; никогда не видалъ я такихъ громадныхъ елей и буковъ, какъ въ Морачи; здѣшнія черешневые деревья толще и выше нашихъ сѣверныхъ березъ. Почва тучна повсюду; климатъ прелестный; Черногорецъ другихъ нахѣ съ завистью говоритъ объ изобиліи водъ Марачи. Дикихъ звѣрей и рыбы множество. Но, при всемъ томъ, Морача, отрѣзанная отъ остальной Черногоріи своими громадными горами, окруженная съ другихъ сторонъ Турками и находящаяся съ ними въ вѣчной войнѣ, — дика и бѣдна въ высшей степени. Для Морачанина нѣтъ сбыта его скудныхъ произведеній; здѣсь нѣтъ базара; въ сосѣдственные турецкіе города для него запертъ входъ, Катаро очень далекъ; одинъ Спужъ, отстоящій за два дня пѣшаго пути отсюда, находящійся во временномъ мирѣ съ Черногоріей, иногда посѣщается морачскими женщинами, пригоняющими сюда свои стада; но Спужъ также не богатъ; сбытъ въ немъ труденъ, и какимъ случай-

носямъ онъ подверженъ! Не рѣдко Морачанинъ, пригнавшій въ Спужъ стада свои, застаётъ его въ разрывѣ съ Черногоріей и теряетъ свое единственное достояніе. Въ Морачѣ почти невидны денегъ въ оборотъ; мѣна составляетъ и теперь основаніе торговли, а добыча, взятая въ битвахъ, едва ли не единственный ея предметъ. Правда, этой добычи вдоволь, потому что не проходитъ недѣли, чтобы Морачане не дрались въ какомъ нибудь краю своихъ или турецкихъ владѣній, но побѣда иногда, хотя очень рѣдко, измѣняетъ имъ, и награбленное добро грабежомъ исчезаетъ. — Купцы не заходятъ сюда ни для покупки ни для продажи; сколько запомнятъ старики, я былъ единственный иностранецъ, проникнувшій въ Морачу, и потому, чудно ли, что народъ собирался смотрѣть на меня, какъ на диво; ни одинъ Владыка не посѣщалъ этотъ край. Не странно ли: источники Нила видѣли путешественниковъ чуждыхъ и дальныхъ имъ странъ, а Морача, уголокъ Европы, остается для нея *terra incognita* и не возбуждаетъ ничьего любопытства: на самыхъ картахъ она не существуетъ. А между тѣмъ въ Морачѣ считается до 1200 оруженосцевъ, и какихъ! каждый изъ нихъ считаетъ за собою пять шесть иныя двадцать турецкихъ головъ. Здѣсь сила и важность края измѣряется числомъ и храбростію оруженосцевъ; прочіе люди нейдутъ въ счетъ.

Морача, подобно другимъ нахіямъ Черногоріи, имѣетъ свой подвигъ славы, свою громкую побѣду, которой вполне можетъ гордиться. — Что за народъ!... его исторія — гомеровская поэма! Я только расскажу вамъ, и то въ нѣсколькихъ словахъ, присоединеніе Морачи къ Черногоріи.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, святопочившій Владыка прислалъ «поздравъ и книгу» воеводамъ, гла-

варямъ и народу Морачи: онъ приглашалъ ихъ присоединиться къ своей паствѣ, къ своему народу, коснулся ихъ религіи, пощекоталъ честолюбіе укоромъ данниковъ турецкихъ, польстилъ свободою, которую Черногорецъ не отдастъ за царствіе небесное. Этого было достаточно. Морачане всполохнулись; не мысля о послѣдствіяхъ, безъ всякой надежды на постороннюю помощь, даже безъ запаса пороха, они объявили себя не зависимыми отъ Турковъ. Должно было ожидать, что Турки не легко откажутся отъ своего владычества надъ ними и не снесутъ терпѣливо оскорбленія, нанесеннаго горстію рѣевъ; такъ и случилось: они ударили отвсюду на Морачу, съ твердымъ намѣреніемъ покорить или уничтожить народъ. Морачане не оставляли ружья: днемъ они отражали враговъ, въ десять разъ сильнѣе ихъ; ночью нападали на нихъ. Стѣсняемые отвсюду, они укрывались въ недоступныхъ пещерахъ; посаженные и тамъ, терпѣли по нѣскольку дней голодь и жажду; иногда имъ удавалось находить другой выходъ въ пещеръ, и тогда, едва ускользнувъ отъ смерти, вдругъ падали, словно съ неба на Турковъ. Сами женщины участвовали въ битвахъ; въ семействахъ, гдѣ было четыре пять мущинъ, едва оставался одинъ; но вскорѣ Морачане испытали бѣду, ужаснѣе всѣхъ бѣдъ въ военное время, — недостатокъ пороху, и въ то же время услышали о приближеніи Дели-паши Ибрагима съ 12 т. войска.... Положеніе было ужасное. Они послали въ Бѣлопавличи и Пипери (округи Черногоріи) просить помощи войскомъ; между тѣмъ женщины ихъ начали умудряться дѣлать порохъ и достигли этого искусства, хотя въ посредственной степени; должно сказать, что никогда порохъ не былъ такъ кстати, какъ въ ту пору, потому что Дели-паша пришелъ ранѣе, чѣмъ

его ожидали и когда еще не подоспѣли на помощь Пиперяне и Бѣлопавличи, но Морачане не уныли: въ числѣ 1000 человекъ, встрѣтили Турковъ смѣло и послѣ кровопролитной сѣчи, продолжавшейся цѣлый день, разбили и прогнали ихъ. Это было 17-го Сентября, 1820 года, день славный въ памяти Морачанъ! Въ этотъ день они отрѣзали 1700 турецкихъ головъ и усталые, замѣтилъ мнѣ съ прискорбіемъ рассказчикъ, они оставили много головъ не отрубленныхъ. Предоставляю читателю вообразить монастырскія стѣны, украшенныя этою нитью головъ, выставленныхъ на показъ; въ глазахъ Морачанъ онѣ были милѣе нити бурмицкаго жемчугу.

Не прошло нѣсколько времени, какъ на вершинахъ горъ, отдѣляющихъ Морачу отъ Калашина, явился новый паша съ 7000 войска, чтобы отомстить поражение Дели-паши: о покореніи уже не было слова. Морачане собрались; уже они разбили не большой отрядъ Калашинцевъ, дерзнувшихъ заглянуть въ ихъ горы, какъ черезъ чуръ осторожный паша оставилъ мѣсто своего укрѣпленнаго лагеря и удалился со всемъ войскомъ внутрь Босніи.

Съ тѣхъ поръ свобода и независимость Морачанъ упрочилась; правда, и теперь они ведутъ непрерывную войну съ Турками, но это, бѣльшею частію, съ отдѣльными сосѣдственными племенами, а не съ такъ называемымъ царскимъ войскомъ. Въ силу этихъ войнъ, Морачане перешли изъ отражающихъ въ нападающихъ; далеко отгѣснили отъ себя Турковъ и сдѣлались ужасомъ сосѣдей.

Монастырь показался передъ нами незапно и неожиданно, когда мы были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. На утесистомъ берегу Морачи возвышалась церковь, древняя, славянской архитектуры, предметъ благоговѣйнаго удивленія всей Черногоріи,

предметъ ужаса враговъ креста, мѣсто чудесъ и славы Господней, единственный остатокъ отъ града Стефана, короля сербскаго, который онъ соорудилъ, въ которомъ жилъ и померъ. Непостижимо: два три обсыченныхъ камня, — вотъ все что осталось отъ великолѣпнаго дворца, отъ всего города, 600 лѣтъ тому построеннаго, а Діоклея стоитъ какъ полу-живая! — Местъ Турковъ разразилась вполнѣ и въ нѣсколько пріемовъ надъ морачскимъ монастыремъ; всякій разъ своего разрушительнаго набѣга, они силились срыть церковь, и всякій разъ, объятые ужасомъ, гонимые не зримою силою, удалялись; такъ, покинутая всѣми святыня, какъ бы въ укоръ христіанамъ, спасала сама себя. — Преданіе ознаменовало легендою одинъ утесъ, почти отвѣсный и высокій, откуда, во-время-оно, пораженные чудомъ, одинъ за однимъ низверглись 10,000 Турковъ и нашли вѣрную смерть въ быстринахъ Морачи. Утесъ этотъ называется «святымъ.»

Переники мои сдѣлали залпъ ружей, и вскорѣ изъ монастырскихъ стѣнъ привѣтствовали насъ также; вслѣдъ за тѣмъ раздался залпъ всторонѣ: это всѣхъ смутило, и мы уже начали высматривать позицію для обороны или нападенія, какъ отвѣтные выстрѣлы изъ монастыря успокоили насъ: значило — свои и кто нибудь изъ почетныхъ! У самыхъ монастырскихъ воротъ, мы встрѣтились съ человѣкомъ, покрытымъ кровью и потомъ, съ отрубленною человѣческою головою у сѣдла. Одна борода отличала его отъ другихъ Черногорцевъ. Онъ лихо соскочилъ съ коня (въ Морачѣ можно встрѣтить лошадей), радушно привѣтствовалъ насъ, и, радуясь искренно нежданымъ гостямъ, приглашалъ насъ въ монастырь. это былъ отецъ Игумень.

Послѣ обычныхъ лобзаній и рѣчей, я спросилъ

вновь-прибывшаго, откуда онъ возвращается? «Съ битвы», отвѣчалъ онъ мимоходомъ, приглашая меня въ келію и переставляя въ ней стулья.

— Жарко было? спросилъ я также беззаботно.

«Ни-что! Двѣ недѣли стояли одни противъ другихъ и никакого толку. — Головъ съ десятокъ, да тысячу барановъ!

— Гдѣ бились?

«По полю разгульному, по волѣ юнашеской, во славу Св. Петра и господаря, сказалъ онъ смѣясь, и потомъ прибавилъ, — гдѣ больше, какъ не близъ проклятаго Калашина.

Игуменъ Димитрій, человекъ лѣтъ 35, открытой фizioноміи, пріятнаго нрава, честный, справедливый, гостепріимный истинно по славянски; своимъ юнашествомъ пріобрѣлъ онъ славу и всеобщее уваженіе. Онъ былъ простымъ дякомъ при своемъ предмѣстникѣ, и, не смотря на низкій родъ, за свою отличную храбрость постриженъ въ игумены, — званіе чрезвычайно уважаемое въ Черногоріи. Отецъ Димитрій не слишкомъ грамотенъ, не дальнаго ума, за то, гдѣ больше опасность, гдѣ жарче бой, онъ вѣрно тамъ. — Такъ древле пастыри духовные водили на битву войска для защиты правъ и свободы народной; такъ было и у насъ, въ незабвенномъ 1812 году: кто шелъ тогда, съ крестомъ въ рукѣ, передъ толпою народнаго ополченія? Силенъ Богъ Славянъ! Силенъ народъ его, силенъ безпредѣльною преданностью вѣрѣ, силенъ духомъ и крѣпостью, силенъ силою того, кто для него солнце на небѣ, краса и гордость на землѣ, кто для него второе провидѣніе!

Напрасно отецъ игуменъ и весь его причетъ суетились, чтобы сколько нибудь убрать комнату, отъ груды турецкихъ барабановъ, сѣделъ, нагаекъ, обломковъ зеркалъ, сапоговъ, чалмъ, колокольчиковъ, вся-

кого оружья, всякаго тряпья, всякой дряни, которая была навалена въ такомъ возмутительномъ безпорядкѣ, что сколько не старались сгрудить ее по угламъ, она то и дѣло разсыпалась и катилась съ шумомъ и звономъ въ разныя стороны, какъ-бы насмѣхаясь надъ человѣческимъ усиліемъ; особенно оказались въ этомъ случаѣ не послушными маленькій турецкій барабанъ и одинъ черепъ турецкой головы; они то и дѣло выбивали разныя трели, толкаясь другъ объ друга, и эта голова, своею суетливостью и толкотней, конечно хотѣла вознаградить флегму предшествовавшей жизни. Наконецъ, отецъ игумень, утомленный новаго рода борьбой, оставилъ все въ покоѣ, и это все улеглось какъ попало, словно разбредшіеся мертвецы, застигнутые въ-расплохъ крикомъ пѣтуха: черепъ, какъ тутъ, очутился у ногъ моихъ, но я отбросилъ его отъ себя далеко, въ сосѣдство колокольчиковъ и другихъ вещей. Изъ числа одушевленныхъ тварей моей кельи особенно отличались числомъ и величиною мыши, которыхъ главная квартира была въ бочкѣ, тутъ же стоявшей съ яблоками и грушами и осы, вившіяся цѣлымъ роємъ возлѣ другой бочки съ медомъ; сверчки, мухи, пауки и другія, меньшаго размѣра насѣкомыя дополняли населеніе моей комнаты; по ночамъ являлись двѣ кошки и поднимали такую возню съ крысами, что со стороны можно было подумать, что у меня шабашъ кіевскихъ вѣдьмъ.

— Какая лѣпота (*)! сказалъ однажды переникъ Блажо, осматривая мою комнату. — Калужеръ (**) богатый человѣкъ: онъ и сего-дня давалъ намъ ракіи!

Этотъ Блажо чрезвычайно забавлялъ меня своими

(*) Какое великолѣпіе.

(**) Монахъ.

наивными разсказами; онъ былъ лѣтъ около 20 и уже пріобрелъ нѣкоторую извѣстность своею храбростію, но обо всемъ, что не касалось войны, имѣлъ самыя дѣтскія понятія. — Ему-то, какъ родному своему племяннику, попъ Иванъ поручилъ особенно попеченіе обо мнѣ, и Блажо сильно гордился этимъ. Пользуясь родствомъ со мною (вся фамилія одного побратима становится въ той же степени родней другаго), онъ приходилъ безвозбранно въ мою комнату, мѣшалъ моимъ занятіямъ, перерывалъ мои вещи, дѣлая самыя нелѣпыя замѣчанія на ихъ значеніе, и все это я ему прощалъ, какъ своему «стрицу» (*).

ГЛАВА XVII.

Тамъ же, четыре дня спустя.

Морачскій монастырь основанъ въ 6760 году, по сотвореніи міра, какъ свидѣтельствуешь сохранившаяся грамота, подписанная основателемъ монастыря, «Стефаномъ Урошемъ, по милости Божіей Крадемъ и съ Богомъ Самодержицемъ Сербскимъ.» — Церковь сохранила свои стѣны, прочно сложенные изъ тесанаго известковаго туфа; только мраморныя колонны у входа и у дверей, раздѣляющихъ церковь на двое, нѣсколько пострадали: блестящая полировка ихъ вѣроятно возбуждала жадность Турковъ. Не такъ было во внутренности храма: отъ великолѣпія временъ сербскихъ королей остался только гробъ короля Стефана, не движимъ и не раскрытъ, не смотря на всѣ усилія магометанъ и христіанъ; первые ду-

(*) Племяннику.

мали найти въ немъ сокрытыя сокровища, вторые нетлѣнное тѣло; страшною грозою и пламенемъ были отражаемы поклонники луны; не удалось и христіанамъ достигнуть своей цѣли. Гробница — полированного мрамора; на ней нѣтъ ни изображенія, ни надписи: послѣдняя, вѣроятно, была на особенной металлической доскѣ. Церковныя двери, долго скрываемыя въ одной изъ пещеръ, теперь находятся въ церкви, на прежнемъ мѣстѣ и въ прежней красѣ; онѣ покрыты разными узорчатыми изображеніями, чрезвычайно искусно сдѣланными въ-мозаикъ, изъ чернаго дерева и слоновой кости. Еще нѣсколько живописныхъ изображеній въ лѣвомъ притворѣ алтаря и надпись надъ дверями, — и вотъ все, что сохранилось отъ временъ построенія церкви; свинцовой кровли, служившей нѣкогда удивленіемъ, нѣтъ и въ-помятъ, а замѣняетъ ее деревянная, довольно красиво сложенная изъ коротенькихъ угольниковъ бука. 300 лѣтъ тому назадъ, эта церковь была обновлена и расписана внутри, во всѣ стѣны, изображеніями святыхъ и чудесъ ихъ; эта живопись осталась и по нынѣ; она далеко безискусственнѣй той, которая сохранилась отъ временъ Стефана и своей простотой можетъ сравниться только съ господствующею нынѣ въ Черногоріи и въ нашемъ Суздаль. Церковь имѣетъ видъ греческаго креста; части ея соразмѣрны; куполъ величественъ.

Калужеръ всюду сопутствовалъ мнѣ; онъ поражалъ меня довольно точными и подробными разсказами многихъ событій сербской исторіи. Зная, что ни одна печатная книга не заходила сюда, я изъяснилъ свое удивленіе его учености. Мнѣ разсказывалъ покойный архимандритъ, отвѣчалъ онъ, а откуда архимандритъ почерпнулъ эту мудрость? — Откуда? Видишь, всюду писанныя книги: ихъ бу-

детъ добрыхъ три выюка ослиныхъ и только однихъ церковныхъ; мірскихъ было еще больше. — Гдѣ жъ онъ? прервалъ я, съ возрастающимъ любопытствомъ. — Архимандритъ сказалъ — не подобаетъ мірскимъ книгамъ храниться въ храмъ Господнемъ и перенесъ ихъ въ свой домъ. — Ну? — Домъ сгорѣлъ, а съ нимъ и книги.

Увы!.... И какъ равнодушно, какъ холодно рассказывалъ онъ о потерѣ этой, можетъ быть, исторической сокровищницы. — Были сваковакія (всякія) книги, говорилъ онъ, и про царей, и про съромаховъ разныхъ, а пуще всего про Сербію, да про Султана, да про бѣлаго Царя.

Я перебралъ по книгѣ, по листку, все писаное, хранившееся въ церкви; дѣйствительно, книги были большею частію церковныя или духовныя, нѣкоторыя восходили къ отдаленному времени и писаны на кожѣ, другія на пергаментѣ; только двѣ книги свѣтскаго содержанія; одна заключала въ себѣ безпорядочное собраніе историческихъ отрывковъ о нѣкоторыхъ народахъ и великихъ людяхъ древности: здѣсь были такъ сказать вклеены безъ всякаго разбора повѣствованія «о славномъ Римѣ, о Великомъ Александрѣ, о Ноевомъ потопѣ, о Периклѣ и Аристотелѣ» — и проч.; другая, — судя по письму и слогу, новѣе; ее должно отнести ко временамъ послѣднихъ королей сербскихъ: содержаніе ея довольно замысловато: это путешествіе нѣкоего Ефрема въ Вифліемъ, исполненное приключеній и вымысловъ баснословныхъ.

Между клочками бумагъ, я нашолъ, довольно хорошо сохранившуюся грамоту на построеніе храма, подписанную рукой самого Стефана: это узкій свитокъ, длиною аршина въ два, подобный нашимъ старымъ свиткамъ, обозначающій со всею

подробностию земли, урочища, рыбныя ловли и разныя привилегіи, дарованныя храму. Грамота нѣкоторымъ образомъ указываетъ на обширность владѣній сербскихъ королей во время Стефана и важность Морачскаго монастыря. Это одинъ изъ фактовъ, доказывающихъ законность нынѣшнихъ владѣній (не исключая и Грахова) Черногоріи; Черногоріи, которая, послѣ паденія королей сербскихъ, одна сохранила въ себѣ ея независимость, ея народность, ея гербъ, а вслѣдствіи этаго, права самобытности, которыя древнѣе и законнѣе правъ многихъ существующихъ державъ.

Множество найденныхъ мною турецкихъ фирмановъ и разныхъ писемъ остались не разобранными и не поясненными; судя по нѣкоторымъ, находящимся на нихъ замѣткамъ по-сербски, иные утверждаютъ неприкосновенность правъ духовенства и церквей.

Газеты недавняго времени провозгласили во всеуслышаніе и со всею подробностію истины, что нѣкто, званіемъ монахъ, родомъ Сербъ, нашелъ въ Морачскомъ монастырѣ, въ раскрытомъ имъ гробѣ, множество историческихъ, чрезвычайно любопытныхъ свитковъ и книгъ, которые поясняютъ древнюю исторію Славянскихъ народовъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ возвѣстили, что все это пухъ. Здѣсь было мѣсто открыть истину этого событія, и я рассказалъ его отцу игумену со всею газетною подробностію: онъ слушалъ, не сводя съ меня глазъ, съ вниманіемъ и любопытствомъ дикаго, слушающаго вѣсти европейскаго міра; для игумена казалось непостижимымъ, что люди знаютъ о существованіи Морачскаго монастыря, между тѣмъ, какъ со временъ королей Сербіи никто не посѣщалъ его, кромѣ развѣ странствующаго, неграмотнаго монаха, да турецкаго сбор-

щика податей, являвшагося, нѣкогда, въ урочное время за гарачемъ (податью). Игуменъ наконецъ выразумѣлъ меня и пояснилъ это обстоятельство. Дѣйствительно, около года тому назадъ, заходилъ сюда одинъ монахъ, какъ водится ѣлъ, пилъ, платилъ за гостепріимство разказами всякихъ небылицъ, которыя слушаются съ такою жадностію въ глуши и наконецъ, по истеченіи двухъ недѣль, ушелъ тайно изъ монастыря, похитивъ изъ сундука беремя книгъ. Съ этими книгами онъ явился въ Сербіи; а отецъ игуменъ очень былъ радъ, что опросталась часть сундука, куда онъ поспѣшилъ сложить кое-что изъ своего добра. Онъ впрочемъ увѣрялъ, и я вполне вѣрю, что это книги были церковныя — псалтырь, евангеліе и проч. — Гробъ же Стефана, единственный въ церкви, стоитъ по прежнему не прикосновенъ. Неговоря о сверхъестественной силѣ, охраняющей его, нужны десятки людей, чтобы сдвинуть съ мѣста тяжелую крышу гробницы.

Геологическія мои розысканія открыли близъ Морачскаго монастыря старинныя копи, въ которыхъ видны были признаки мѣдной зелени; это даетъ поводъ предполагать здѣсь добычу и обработку мѣдныхъ рудъ временъ отдаленныхъ, тѣмъ болѣе, что изобиліе лѣсу и воды въ сосѣдствѣ копей представляетъ всѣ средства для горно-заводскаго дѣла (см. геологическое описаніе).

ГЛАВА XIX.

К о м ъ.

14/26 Августа.

Въ Васовичахъ мы узнали, что комскіе пастыри ведутъ постоянную войну, или, правильнѣе, взаимное опустошеніе и грабежи съ Климентами, соседственными съ ними племенами, Славянами по происхожденію, магометанами по религіи, подданными Турціи, что они, вмѣстѣ со своими катунями, прогнаты далеко съ вершинъ Кома, что, наконецъ, не проходитъ двухъ дней и особенно ночей сряду, что бы Клименты не нападали на комскіе станы: это не поколебало, однако, нашу рѣшимость, мы даже не дождались подкрѣпленія своему небольшому отряду и, переночевавъ въ Васовичахъ, отправились къ цѣли своего путешествія. Подымаясь по крутой, почти отвѣсной тропѣ до самой ночи, мы шли по узкому гребню; на пол-пути между Васовичами и Комомъ видѣли съ лѣвой стороны Калашинъ, съ правой Клименты: съ той и другой могли ждать нападенія, и тогда наше положеніе было бы довольно опасно, потому что на узкомъ хребтѣ нельзя было проходить иначе, какъ гусемъ, одинъ за другимъ, или, много, по два рядомъ, нельзя было ускорить шага. Наши люди безпрестанно забѣгали по сторонамъ для развѣдокъ, мелькали надъ пропастями, въ которыя страшно было взглянуть и надъ которыми можетъ проскользнуть только Черногорецъ. Такъ шли мы до крайняго, со стороны комской высоты, катуня, гдѣ рѣшились провести ночь, не смотря на то, что здѣсь подтвердилось на мѣстѣ все слышанное нами въ Васовичахъ.

Ночь. Какая ночь! Едва мгла начала опускаться долу, всѣ стада были укрыты близъ балагановъ и

въ катунѣ настала тишина, будто бы онъ незапно опустѣлъ или превратился въ кладбище: сравненіе тѣмъ болѣе близкое, что эти закоптѣлые отъ дыма шалаши были точно могилы. Огонекъ по-всюду угасъ; мы должны были потушить и свой, хотя холодъ пробивалъ насъ до костей: мы уже находились въ области снѣга. За то вершины горъ ожили самою шумною жизнью. Пастыри, размѣстившись на нихъ, составили цѣпь вокругъ всего катуня, въ довольно дальнемъ отъ него разстояніи; перебѣгая съ одной вершины на другую и забѣгая далеко въ горы, они наполняли воздухъ такими пронзительными криками, которыхъ вѣрно не удастся мнѣ услышать въ другой разъ до страшнаго суда; подстрекаемые ими сотни собакъ были и заливались лаемъ всю ночь неумолчно: этотъ шумъ, вторясь эхомъ и звучно отдаваясь въ горахъ, могъ скорѣе пробудить мертваго, чѣмъ усыпить живаго, и то сказать, что было не до сна: изъ насъ едва ли кто задремалъ въ эту ночь, не смотря на усталость предшествовавшаго дня. Уже передъ зарей, когда сонъ начиналъ ломить самыхъ бдительныхъ, когда крики пастырей становились не такъ громки и часты, вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ десятокъ другихъ, и настала совершенная тишина. Въ одно мгновеніе каждый изъ насъ, съ ружьемъ въ рукѣ, стоялъ на своемъ мѣстѣ въ балаганѣ, кое какъ укрѣпленномъ плетнемъ и кучами хвороста, въ которомъ запутался бы въ потемкахъ самъ Кара-Махмутъ, совершенство удалства и ловкости между Черногорцами. Такъ прождали мы до утра, когда пришли намъ объяснить причину тревоги: небольшая чета прокралась было мимо сторожеваго пастыря, но въ темнотѣ сбилась съ пути и наткнулась на другаго: отсюда перестрѣлка; чета убѣжала, унеся съ собою одного ра-

ненаго изъ своихъ; не возможно было преслѣдовать ее въ темнотѣ, тѣмъ болѣе, что это могло быть только ложное нападеніе и гдѣ нибудь могла скрываться засада: обыкновенная военная хитрость туземцевъ.

Еще заря не свила тумановъ съ покатостей горъ и красовалась только на вершинахъ, а мы были уже на пути. И вотъ, я наконецъ на высотѣ Кома (*), у цѣли давнишнихъ своихъ желаній! Какъ легко здѣсь дышать: я вѣрно, въ эту пору, выше всѣхъ на землѣ. . . . Но я не затѣмъ только пришелъ сюда, чтобы спугнуть горнаго орла и омыться въ тучахъ поднебесныхъ, а потому отправляю васъ къ своему геологическому обозрѣнію края. Но грустно растаться съ Комомъ, котораго я наконецъ съ такими усиліями достигнулъ, съ Комомъ, этою путеводною звѣздою окрестности болѣе чѣмъ на 100 верстѣ въ радіусѣ отъ него. Нѣтъ, я останусь здѣсь; я буду ждать чуда! Чудеса на каждомъ шагу въ Черногоріи, такъ какъ имъ не быть здѣсь. . . . и чудо совершилось.

На противоположной главѣ Кома, двуглаваго, подобно орлу славянскому, взвился изъ-за камня дымокъ: — Что бы это было? спросилъ я Черногорца; кажется нашихъ въ той сторонѣ нѣтъ, да и огонь имъ запрещено раскладывать: не накликать же на себя бѣду. «Нѣтъ, то не наши, да и не чужіе, отвѣчалъ мнѣ Черногорецъ значительно.» Такъ чьи же? «Тамъ уже давно поселился вилла (**),

(*) Высоту Кома, по моему барометрическому вычисленію, можно полагать въ 10.000 футовъ отъ горизонта моря.

(**) Это родъ пери; въ него твердо вѣрують многія славянскія племена и Черногорцы особенно.

и видно хочетъ показать, что радъ нашему приходу.»
А, понимаю!—Вдругъ раздался ужасный крикъ; о, да вы не знаете, что такое крикъ Черногорца въ горахъ! Если здѣсь существуетъ какое либо искусство, то это, конечно, вести рѣчь между собою на дальнемъ другъ отъ друга растояніи. Раздѣленные стремнинами и утесами, черезъ которые даже и Черногорцамъ трудно перейти, они переговариваются между собою на растояніи чрезвычайно дальнемъ; прикладывая ладонь ко рту съ той стороны, откуда вѣтеръ, чтобы не относилъ звука ихъ словъ и произнося почти слово за словомъ, что бы эхо не могло измѣнить смыслъ рѣчи, они говорятъ и эхо отъ горы до ущелья передаетъ ихъ слова не рѣдко громче, чѣмъ онѣ были произнесены вначалѣ, но это такой звукъ, отъ котораго, невольно содрогнешься: его-то мы и слышали такъ незапно, занятые тихою бесѣдою о нашемъ добромъ духѣ; вслѣдъ за тѣмъ показался на вершинѣ чело-вѣкъ. Онъ шелъ прямо къ намъ, возвыщенный раздавшимся крикомъ, съ ружьемъ за плечами, безъ опасенія и безъ угрозъ. Пошли обычныя привѣтствія. Удивленія встрѣчи небыло, потому что Черногорцы, какъ всѣ Азіатцы, ничему не удивляются или, лучше сказать, никогда не выказываютъ своего удивленія: имъ все обычно. Пришлецъ самъ вѣдѣлъ виллу и сообщилъ намъ много любопытнаго о немъ. — Ты конечно за тѣмъ сюда и пришелъ, спросилъ я, чтобы увидѣть его и утѣшить въ юдольной жизни. «Не совсѣмъ такъ, сказалъ онъ таинственно, поглядывая на окружающихъ: надобно намъ поговорить на-единѣ. — Ба, да неужели же ты меня искалъ здѣсь, на вершинѣ Кома. «Кого нужно для добраго дѣла, того не ищешь: Богъ самъ посылаетъ.» Ага! Мы остались одни; пришлецъ показалъ мнѣ

свертокъ бумаги: письмо; гляжу: гербъ европейскій, о, гербъ слишкомъ извѣстный. Письмо не ко мнѣ, сказалъ я, возвращая его; оно къ Васовичанамъ и уже распечатано; ты не вѣрный посланецъ. «Вѣрный!» отвѣчалъ онъ и перекрестился крестомъ нашимъ. — Чего ты отъ меня желаешь? «Прочитайте письмо.» Я читалъ и дивился! Одинъ европейскій авантюристъ, ссылаясь на права своего княжества, вымѣнянаго имъ за собаку у туземцевъ, требовалъ, чтобы одно изъ окрестныхъ племенъ отдалось ему въ удѣлъ — только! — общая ему за то и честь, и славу, и покровительство своей державы и Богъ знаетъ что..... Но, Богъ съ нимъ! Оставимъ его. Видно честолюбію тѣсно становится въ Европѣ и оно двинулось на Комъ! А, право, жаль! оно осквернитъ собою край неба и вѣрно сгонитъ съ Кома бѣднаго вилау, въ котораго такъ твердо вѣрують окрестные жители.

ГЛАВА XX.

Общее обозрѣніе Черногоріи.

Теперь, проживши болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ Черногоріи и обозрѣвши ее во всѣхъ направленіяхъ, я могу съ нѣкоторою увѣренностію измѣнить существующій доселѣ на географическихъ картахъ видъ ея и тѣ несправедливыя о ней понятія, которыя распространены въ Европѣ.

Черногорія окружена съ трехъ сторонъ турецкими владѣніями въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ сѣверо-запада: Герцеговиной, частию Босніи, Зетой и Албаніей, а съ четвертой, юго-западной, австрійскою провинціей Боко-ди-Катаро, или австрійскою Албаніей. Такимъ образомъ, загражденная съ моря отъ всякаго свободнаго истока изъ горъ своихъ, Черногорія находится въ совершенномъ отчужденіи отъ Европы, заключена сама въ себѣ, существуетъ одними своими средствами, одними своими ограниченными произведеніями, почти безъ торговли, и если нуждается въ чемъ, то это только въ порохъ. За то, если это совершенное отчужденіе Черногоріи устранило ее отъ западнаго образованія, искусствъ, то тѣмъ не менѣе и отъ западныхъ заблужденій, разслабленія духа и тѣла: болѣзни сифилическія здѣсь не извѣстны. Черногорія бѣдна. Всѣ ея произведенія ограничиваются самымъ не значительнымъ количествомъ хлѣба, кукурузы особенно, частию винограда, изъ котораго они выдѣлываютъ для себя вино и рыбнымъ промысломъ въ озерѣ Скутари. Ловъ рыбы, извѣстной на италіанскихъ берегахъ подъ именемъ скоранцы, производится въ пользу Владыки; наконецъ скотоводство составляетъ главнѣйшую отрасль промышленности Черногоріи; оно доставляетъ имъ необходимыя потребности жизни и возможность добывать, за избытокъ его произведеній, соль въ Катаръ, нѣкоторыя принадлежности оружія на границахъ Турціи и порохъ, гдѣ только можно добыть его. Пыньшняя Черногорія, однако, во времена владычества Рима, процвѣтала торговлею: ясно видны остатки пути, который велъ изъ восточныхъ провинцій, изъ самаго Константинополя можетъ быть, къ Адріатикъ, перерѣзывая сѣверную часть Черногоріи, по долинь Морачи къ Никши-

чамъ и черезъ Грахово къ морю. Между тѣмъ, водная система обтекаетъ продольную часть Черногоріи, съ восточной стороны: рѣка Морача и Черноевичъ, особенно первая, при не значительномъ ея теченіи, представляетъ удобную линію сообщенія съ озеромъ Скутари, а изъ него, черезъ рѣку Боляну, съ Адриатическимъ моремъ. Но этотъ путь возбраненъ для Черногоріи. Не смотря на сосѣдство Адриатическаго моря, оно недоступно для нея, чѣмъ для какой-либо изъ европейскихъ державъ. Черногорцамъ суждено глядѣть на море, и не наглядѣться, вѣчно желать его, и, едва достигнувъ обѣтованныхъ береговъ, видѣть, какъ море бѣжитъ отъ нихъ!

Все богатство Черногорца въ себѣ и на себѣ: въ груди своей хранитъ онъ залогъ независимости, сокровище, за которое онъ не пожалеетъ царства небеснаго; на себѣ — все свое богатство, состоящее въ оружіи, цѣнность котораго иногда простирается до 1000 рублей. Онъ дерется большею частію на границахъ своего племени, такъ сказать на порогъ своей избы, передъ глазами семьи, съ которою тѣсно связанъ, если не чувствомъ нѣжной страсти, то собственною славой, а слава стоитъ у него прежде всего: малѣйшее оскорбленіе врага семьи Черногорца покрываетъ его неизгладимымъ стыдомъ.

Черногорія дѣлится на собственную Черногорію и Бердь (Брдъ), впоследствии къ ней присоединившуюся. Собственная Черногорія, равно какъ и Бердь, подраздѣляется на четыре нахіи, или округа; прилагаю здѣсь небольшую табличку народонаселенія и силы всей Черногоріи.

Наименованіе округовъ.	Съ котораго года долж-но ихъ почитать неза-висимыми, то есть присоединенными къ Черногоріи.	Племена, ихъ состав-ляющія.	Населеніе Нахій.	Число оруже-носцевъ.
НАХІИ:				
I. Катунская.	Съ 1700.	а.) Цѣтинъ, в.) Нѣгуши, с.) Чекличи, д.) Бѣлице, е.) Цуце, f.) Озриники, g.) Кома-ни, h.) Загараць и i.) Пѣшивци.	30,000	5,500
II. Рѣчка.	Со времени Вла-дыки Даніила Петровича.	а.) Грачани, в.) Любо-тинъ, с.) Цеклинъ, d.) Добрско-село, e.) Косіери.	13,000	2,500
III. Лышанская.	Вскорѣ послѣ то-го присоеди-лась къ Катун-ской Нахії.	а.) Дражовина, в.) Гри-даць, с.) Буронъ.	11,000	2,000
IV. Церничка.	Съ 1796 года, по присоединеніи къ Катунской Нахії.	а.) Болѣвичи, в.) Ли-мяни, с.) Гл уходо, d.) Берчеле, e.) Дупило, f.) Сомоники, г.) Подгоръ.	20,000	3,500
БЕРДЬ.				
V. Бѣлопавли-чи.	Около 1792 г. присоеди- лась къ Чер- ногоріи.	а.) Петушиновичи, в.) Павковичи. с.) Вра-жегирицы.	15,000	2,750
VI. Пипери.		а.) Цернци, в.) Стіена, с.) Чурковичъ.	8,000	1,500
VII. Морача.		а.) Верхняя Морача, в.) Нижняя Морача, с.) Ровцы.	8,000	1,500
VIII. Кучи.	Съ 1831 года.	а.) Дрекаловичи, в.) Бритопажники, с.) Васоевичи d.) Ора-хово и e.) Затребичъ.	15,000	2,750
			122,000	22,500

ГЛАВА ХХІ.

Боко-ди-Катаро.

Нѣсколько разъ былъ я въ Катаръ, живалъ въ немъ по недѣль, собиралъ о немъ всевозможныя свѣденія и принимался за перо, чтобы, по общанію, по необходимости, поговорить о немъ, какъ о сосѣдѣ добромъ или зломъ Черногоріи, смотря по обстоятельствамъ, которой судьбу онъ часто раздѣлялъ, съ которою связанъ одноплеменствомъ большей части своихъ жителей, географическимъ положеніемъ, единственнымъ мѣстомъ торговли черногорской; съ которою нерѣдко соединенъ взаимною дружбою, чаще раздѣленъ непріязнію, — но всякій разъ перо падало изъ рукъ, предметъ ускользалъ отъ мысли: сердце не лежало къ нему. Теперь только, покидая Катаро, я рѣшился выполнить обещаніе, данное вначалѣ.

Провинція Боко-ди-Катаро лежитъ вдоль юго-западной границы Черногоріи; южною частію примыкаетъ къ турецкимъ владѣніямъ, а на сѣверѣ отдѣляется отъ Рагузы узкою полосою земли, нѣкогда добровольно уступленною Рагузскою Республикой Турецкой Имперіи, во время владычества Венеціанъ въ Боко-ди-Катаро, для того единственно, чтобы не быть въ-сосѣдствѣ съ этой властолюбивой царицею Адріатики: таковы были отношенія христіанскихъ державъ между собою: эти взаимныя отношенія всего болѣе способствовали распространенію магометанской власти въ Европѣ. — На западѣ провинція Катаро обхватываетъ своими тѣсными объятіями заливъ Боко-ди-Катаро, одинъ изъ превосходнѣйшихъ въ мірѣ, который можетъ пріютить флотъ всей Европы, на которомъ еще недавно рѣялъ флагъ Венеціи

и сшибались корабли російско-англійскіе съ французскими; но который теперь пусть и уныль, и какъ бы съ грустнымъ самоотверженіемъ лелѣетъ на мощныхъ раменахъ своихъ бѣдныя купеческія суда.

Провинція Боко-ди-Катаро, извѣстная болѣе подъ именемъ Австрійской Албаніи, имѣетъ 33.405 жителей. За исключеніемъ не значительнаго числа Италіянцевъ, всѣ они славянскаго происхожденія; 25.555 человекъ православнаго исповѣданія, остальные 9.850 римско-католическаго. Говорятъ — Поморяне италіянскимъ языкомъ, венеціанскаго нарѣчія, а жители внутренней земли славянскимъ языкомъ, сербскаго нарѣчія, отличающимся отъ языка Черногорцевъ только болѣею примѣсю словъ италіянскихъ и нѣмецкихъ. Пишутъ — католики латинскими буквами, а прочіе — славянскими. Провинція раздѣлена на три округа: Катаро, Ново и Будву, (пре-торіи), которые подраздѣляются на общины и племена, управляются окружными капитанами, а общества старшинами, князьями и барьяктарами, которые, по заведенному обычаю, избираются каждые три года. Боко-ди-Катаро составляетъ часть Далмаціи и находится въ непосредственной зависимости отъ ея губернатора. Управленіе ея несовсѣмъ подведено подъ общій уровень австрійскихъ положеній: нѣкоторые туземные законы и обычаи имѣютъ полную силу и измѣняя австрійское законоположеніе вводятъ большую запутанность въ управленіи и совершенно уничтожаютъ единство и союзъ между мѣстнымъ правительствомъ и народомъ. — Непріязнь жителей двухъ различныхъ исповѣданій между собою очень замѣтна: она осталась отъ старыхъ временъ и вкоренилась особенно при венеціанскомъ управленіи, которое тѣснило и угнетало всѣхъ греко-россійскаго исповѣданія.

Климатъ Боко-ди-Катаро жаркій, но здоровый; вредный широко, залетающій съ африканскихъ береговъ, здѣсь нѣсколько умягченъ чрезвычайно гористымъ положеніемъ края, снѣгъ падаетъ очень рѣдко. Здѣсь растутъ со всею роскошью южныхъ странъ произведенія Азіи и даже Африки. Есть пальмы! Но люди и прозябанія оспариваютъ другъ у друга лоскутъ земли, который съ такимъ усиліемъ они запрашиваютъ здѣсь у природы: повсюду горы и утесы; кое-гдѣ полоса земли и та уже конечно занята садомъ оливковъ и винограда или жильемъ людей; о просторѣ нѣтъ и помину! Фруктовъ всѣхъ родовъ изобиліе, особенно же здѣшнія смоквы отличаются своею величиною и вкусомъ.

Катаро—окружный городъ, мѣстопробываніе администратора, баталіоннаго штаба и всѣхъ австрійскихъ мѣстныхъ властей. Онъ скученъ по превосходству! Вотъ жизнь его во время лѣта: съ разсвѣтомъ, онъ оглашается выстрѣлами: это стрѣльба въ цѣль за городомъ егерей, расположеннаго въ округѣ баталіона; на городской площадкѣ кипитъ базаръ, если это базарный день: на немъ господствуютъ Черногорцы со своими скудными произведеніями; кое-гдѣ учатъ и исправляютъ солдатъ, большею частію одиночнымъ ученіемъ, потому что негдѣ вытянуть рядовъ. Настаетъ полдневный жаръ и все пустѣетъ въ городъ; ставни всюду плотно закрыты, люди по домамъ, мушны и женщины полу — если не совсѣмъ раздѣты; солнце жжетъ со всею силою; съ трудомъ можно дышать. Но вотъ вечерѣтъ, ставни по немногу растворяются; кое-гдѣ изъ окна выставляется изнеможенная полдневнымъ зноемъ головка Италіянки съ черными, лоснящимися волосами, съ глазами полными нѣги и сладострастія. Ночь: дома настѣжь! На площадкѣ раздаются звуки Страусо-

выхъ вальсовъ, выполняемыхъ прекраснымъ баталіоннымъ оркестромъ. Знать гуляетъ по взморью, — это пора любовной интриги, которая, избѣгая шума или чужаго глаза, скрывается въ простѣнкахъ городского укрѣпленія. Тутъ жизнь италіянская, завѣщанная Катару Венеціанскою республикою, жизнь, полная любви, съ ея интригою, неподкупностію и таинственностію, съ кинжаломъ и сладострастіемъ. Катаро оживляется и въ одну ночь проживаетъ цѣлую жизнь.....

Я не стану описывать ни длинныхъ обѣдовъ въ потемкахъ среди бѣлаго дня, ни длинныхъ разговоровъ здѣшняго большаго свѣта, — они утомительны, какъ вездѣ; но не могу умолчать о той радости, которая оживляетъ изрѣдка городъ въ полуденную пору тишины и утомительнаго сна: причиною ея бываетъ Божій дождикъ, ниспадающій здѣсь совершенною благодатію; тогда все спѣшитъ подышать воздухомъ: во многихъ изъ здѣшнихъ улицъ нельзя разпустить зонтика, такъ тѣсны онѣ, и всякій съ радостію предаетъ себя всего нажертву небеснаго потока.

Я такъ разговорился о Катарѣ, что вы подумаете — это Богъ знаетъ какой городъ! въ немъ только 2500 душъ, не считая расположеннаго здѣсь баталіона.

Скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи страны. Катаро извѣстенъ у Плинія подъ именемъ римской колоніи Асквиріума; по его же показанію, онъ основанъ Сицилійцами, изгнанными изъ Аскры. Въ 860 по Р. Х. Сарацины Африканскіе разрушили Асквиріумъ и часть прилежащаго къ нему поморья, но вскорѣ туземцы, соединившись съ Босняками, изгнали Сарациновъ и возобновили Асквиріумъ. Говорятъ, будто бы эти Босняки придали ему названіе Катаро, по мѣсту, откуда были главные ихъ вожди. До 1178 г. Катаро со-

ставлялъ республику съ нѣкоторыми измѣненіями и переворотами подъ покровительствомъ сербскихъ королей; потомъ онъ подпалъ подъ власть греческихъ императоровъ, но въ 1215 году сербскіе короли опять торжественно приняли его подъ свое покровительство и распространили его владѣнія. До 1420 года Катарцы часто перемѣняли своихъ влѣстителей, ратуя то съ Рагузою, то съ Зетскими князьями Баошами, то съ Людовикомъ I, чаще съ Венеціей и за Венецію и наконецъ, въ этомъ году, отдались подъ ея покровительство, съ тѣми однако главными условіями, чтобы, во первыхъ, Катаро сохранилъ свое древнее уложеніе, во вторыхъ, когда Венеціанская республика не будетъ въ состояніи защищать его отъ вѣнскихъ враговъ, то Катарцы властны избрать себѣ другихъ покровителей или остаться независимою республикой. Въ 1797 году, по трактату Кампо-Ферійскому, Катаро раздѣлилъ судьбу Венеціанской республики и потомъ участвовалъ во всѣхъ переворотахъ Европы, переходя изъ однихъ рукъ въ другія. Новѣйшая его исторія намъ уже извѣстна.

Владыка проводилъ меня до Катара; здѣсь жили мы нѣсколько дней вмѣстѣ и разстались..... Онъ ушелъ въ горы, я сѣлъ на пароходъ.... Долго, долго глядѣлъ я на горы ненаглядныя, гдѣ въ уединеніи, въ трудахъ тяжкихъ было для меня столько радости, — на горы, которыя скрывали отъ меня, можетъ быть навсегда, столько близкаго, столько родного моему сердцу.

Пароходъ неся, какъ нарочно, съ быстротою, непривычною австрійскимъ пароходамъ. Отъ всей Черногоріи виднѣлся только Ловчинъ, путеводная звѣзда моей души. Но вскорѣ и Ловчинъ исчезъ. Про-

сти, Черногорія! Прости, моя милая. Богъ дастъ, увидимся!

Въ Рагузѣ жилъ я долго, по-неволѣ; день казался вѣкомъ, пока не настало мое искупленіе. Еще много обязанъ я милому семейству нашего консула, которое кое-какъ укоротило длинные для меня дни.

Я посѣщалъ многія славянскія племена и былъ вездѣ желаннымъ гостемъ..... Пребываніе въ Венеціи, въ Римѣ, въ Неаполѣ нѣсколько изгладило горькія впечатлѣнія, которыя оставилъ во мнѣ выѣздъ изъ австрійскихъ владѣній. Въ Мартѣ мѣсяцъ, 1839 года, былъ я уже въ Петербургѣ, а черезъ мѣсяцъ послѣ — на пути въ Бухару!.....

Римъ и пустыни Киргизъ-Казачьихъ степей для меня слились во-едино. Выражаясь словами кочеваго народа, съ бытомъ котораго такъ свыкъся въ послѣдствіи, я сказалъ бы: еще пыль, взбитая копытами коня моего, не улеглась на развалинахъ Рима или, болѣе правдоподобно, еще шумъ и гулъ европейскаго города, живущаго двойною, напряженною жизнію, отдавался въ ушахъ моихъ, а мой странническій шатеръ уже стоялъ одиноко въ безграничной степи Азіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Страна, называемая Црна-гора туземцами, Montenegro иностранцами (правильнѣе Monte-nero), Карадагъ Турками, Черногорія нами, занимаетъ около 100 квадратныхъ географическихъ миль. Въ политическомъ своемъ состояніи Черногорія дѣлится, какъ мы уже сказали, на собственную Черногорію и Бердь (Брдъ): это дѣленіе обозначено самою природой

Собственная Черногорія въ естественномъ отношеніи имѣетъ свой отдѣльный характеръ; девять десятыхъ ея пространства занимаютъ горы, составляющія отроги приморской цѣпи: онѣ не имѣютъ никакой послѣдовательности въ своемъ направленіи, распространены, или разметаны въ неправильныхъ сопкахъ и глыбахъ, запутаны узлами и сътыю, совершенно наги, лишены воды и всякой растительности. Исполненные пещеръ, онѣ представляютъ жалкій, сухой скелетъ природы, покрытый язвами и преданный разрушенію. Южная часть Черногоріи, или Церничская нахія, отличается своими плодородными равнинами. Сѣверную, возвышеннѣйшую ея часть, занимаетъ Бердь; горы Берди идутъ правильными грядами, оставляя мѣсто быстрымъ потокамъ и рѣкамъ, роскошнымъ низменнымъ и горнымъ равнинамъ; прозябаемость ея замѣчательна своею силой: ни въ южной части Алтая, ни въ Тироля не видалъ я сосенъ такихъ огромныхъ размѣровъ.

Для связи цѣлой статьи, мы должны развить систему горъ, въ которую входитъ Черногорія; тѣмъ это необходимѣе, что читатель не можетъ пользоваться при этомъ существующими картами, полными изумительныхъ ошибокъ, которыя можетъ извинить только одна неприступность края.

Хребетъ, отдѣляющій Черногорію отъ Босніи, идущій отъ сѣверо-запада на юго-востокъ, одинъ изъ высшихъ въ этой системѣ: его можно назвать Комскимъ, потому что гора Комъ составляетъ возвышеннѣйшій пунктъ ея, и — сравнивъ мои наблюденія съ наблюденіями Г. Буэ — можно сказать безошибочно самый высокій во всей Европейской Турціи: высота его около 10,000 футовъ. На протяженіи этой цѣпи возвышаются надъ прочими горами: Дормиторъ на сѣверо-западъ до 8,500 футовъ; ближе къ Кому Яворье, около 6,000 фут., на югъ Корыто, неизмѣренное мной, и Кучскій, или Малый Комъ болѣе 6,500; обѣ составляютъ отроги Кома, а горы Проклятыя настоящее его продолженіе; возвышеннѣйшіе ихъ пункты имѣютъ болѣе 7,500 ф. Къ сѣверу этотъ хребетъ нисходитъ амфитеатромъ, котораго Боснія составляетъ покатость, наклоненную къ сторонѣ новой Сербіи, и въ этой послѣдней раскинувшуюся равниной, или незначительными (сравнительно) возвышенностями. Покатость Босніи, равно какъ и часть граничащей къ ней Сербіи, въ разрьзѣ своемъ представляетъ глинистый сланецъ сѣрый или краснаго цвѣта, прорываемый толщами сіенита, сіенитоваго порфира, фельдштейна (возлѣ Шеницы), и частію серпентина (возлѣ Кизлари). Въ сосѣдствѣ этихъ породъ находятся серебряные рудники *Среберницы*. Золотыя руды *Златс-бора*, возлѣ Ушицы, известны болѣе по имени, которое носятъ, нежели по произведеніямъ.

Богатыя желѣзныя руды, преимущественно шпатовыя, возлѣ Медина, въ окрестностяхъ Боньялукъ, заключены въ формациі известняковъ; грубая обработка этихъ рудъ снабжаетъ въ-изобиліи желѣзомъ всю Турцію.

Эта цѣпь горъ раздробила племена и народы; уединивъ ихъ и предоставивъ собственному произволу, она служитъ надежнѣйшимъ оплотомъ ихъ независимости. Каждая долина представляетъ племя независимое и свободное, подъ турецкимъ ли владычествомъ или черногорскимъ покровительствомъ считается оно, или не признаетъ ни того ни другаго.

Путешествующій отъ Скутари въ Мостаръ по восточному отклону протянутой между ними горной цѣпи, преодолевъ наконецъ всѣ труды на пути, ведущемъ черезъ стремнины и утесы, налюбовавшись природой, столь разительно напоминающей Тироль, нерѣдко по-колѣно въ снѣгу, частію верхомъ, частію пѣшкомъ, нерѣдко ночью для избѣжанія набѣговъ, съ радостію видитъ предъ собою Мостаръ, этотъ роскошный оазисъ среди края бѣднаго и дикаго; но тотъ, кому суждено странствовать по западному отклону, ведущему черезъ Черногорию, тотъ несравненно жальче: здѣсь нѣтъ ни тропы, ни жилья, ни коня..... снѣга чаще и глубже, природа диче! Тѣмъ однако не съ меньшей радостію приближается онъ, послѣ долгаго пути, къ Морачскому монастырю, тѣмъ не съ меньшимъ наслажденіемъ помышляетъ онъ о роскоши крова и постели, о безопасности, которую представляетъ неприступность этаго мѣста отъ всѣхъ нападеній.

На юго-востокъ Комскій хребетъ теряется въ равнинѣ Косова поля, ознаменованнаго паденіемъ царства, смертію царя и плѣномъ другаго! Съ той же стороны хребта раскинута Лимская равнина, кото-

рой красота прославлена албанскими и сербскими поэтами. На югъ Зетская, раскаленная зноемъ равнина составляетъ подошву хребта. Далѣе, къ западу, вторгается приморская цѣпь, проходящая чрезъ нахію Катунскую, о которой мы уже говорили. Она, вмѣстѣ съ покатостями и возвышенностями комскаго хребта, составитъ, впослѣдствіи, предметъ нашихъ изысканій. Къ сторонѣ Черногоріи, въ окрестностяхъ озера Скутари, обгибая его съ южной стороны, распространенъ юрскій известнякъ, который тянется до приморской цѣпи на западъ и конечно составляетъ отрогъ ея, отторгнутый какимъ либо сильнымъ потрясеніемъ. Онъ идетъ далеко на югъ и сливается съ Пиндскими отрогами. Хребты Шаръ и Комскій, или отроги послѣдняго — горы Проклѣтыя, составляютъ своими оконечностями почти полукругъ, обращенный выпуклою стороною къ западу; онъ отдѣляется отъ отроговъ Балкана горною покатостію, на которой возвышаются горы Пеклень, Гольшь и Люботинъ.

Это раздѣленіе пространныхъ хребтовъ, такъ перемѣшанное на картахъ, достойно особеннаго изученія; но оно слишкомъ бы отвлекло насъ отъ предмета статьи. Нельзя однако не обратить вниманія на нѣкоторое сходство древнихъ известняковъ начальныхъ отраслей Балкана съ такими же известняками, входящими въ составъ Алтая и Урала.

Возвышенность, омываемая бѣлою Дриной, имѣющая около 1000 футовъ надъ поверхностью моря и состоящая изъ глинъ и слоистыхъ известняковъ, отдѣлена полосою юрскаго известняка отъ наносовъ Скутари, и слѣдовательно не составляетъ продолженія ихъ, какъ бы можно судить съ перваго взгляда; по лѣвую сторону Дрины, близъ устья ея, нахо-

дятся діориты и змѣвики, въ вершинѣ — известковый камень, изъ котораго исторгается Дрина уже быстрой рѣкою, какъ рѣка Черноевичь, обогатившись подземными водами въ своемъ дальнемъ и невидимомъ теченіи.

Подобно Комской грядѣ, поставившей твердыни Босніи, Черногоріи и мѣстами раздробленнымъ ею племенамъ, описанные отроги Дрины оградили независимость сильнаго поколѣнія Мирдичь (Миртичь многихъ картъ). Измѣненіе діоритовъ и серпентина въ странѣ Мирдичевъ не было-ль причиною этого подъятія съ южной стороны Комскаго хрѣста и не дало-ль имъ той пологости къ сѣверу, которую мы замѣтили въ Босніи, противопоставивъ на юго-востокъ недосыгаемые утесы и стремнины? Не есть ли это промысль провидѣнія, пріуготовившаго такимъ образомъ твердыни для христіанъ, которые въ послѣдствіи нашли здѣсь убѣжище и свободу отъ преслѣдованія и набѣговъ.

Теперь обратимся къ Черногоріи.

Двѣ главнѣйшія отрасли горъ занимаютъ Черногорію: одна, отдѣляющая ее отъ австрійскихъ владѣній, имѣетъ свое направленіе отъ сѣвера на юго-востокъ, составляя отроги приморскихъ Далматійскихъ Альповъ. Она распространена, какъ я уже замѣтилъ, по всей собственной Черногоріи и возстаетъ болѣе правильною грядою переходя въ Албанію. Другая, отдѣляющая сѣверную Черногорію, или собственно Бердъ, отъ турецкихъ владѣній, составляетъ правильный, возвышенный кряжъ горъ, который идетъ отъ запада на юго-востокъ и даетъ начало многимъ другимъ отрогамъ.

Господствующая формація приморской цѣпи есть безъ сомнѣнія известковый камень. Мы отличимъ здѣсь два главныхъ его вида. Одинъ древ-

нѣ по образованію, большею частію плотенъ, зеленоватаго цвѣта, нерѣдко проникнутъ известковымъ шпатомъ или окрашенъ желѣзнымъ окисломъ и, за исключеніемъ неясственныхъ грифитовъ и энкринитовъ, не содержитъ въ себѣ, сколько мнѣ извѣстно, остатковъ органическихъ веществъ. Этотъ первый известнякъ должно отнести къ известняку, извѣстному подъ именемъ альпійскаго известняка, или цехштейна. Онъ занимаетъ часть сѣверной Далмаціи и Кроаціи и черезъ Боснію вторгается въ сѣверо-западную Черногорію, сливаясь съ нашимъ вторымъ, или комскимъ хребтомъ и можетъ быть подчиняясь ему. На сѣверъ онъ идетъ до Фіуме и Тріеста, и потомъ соединяется съ другими горами въ Краинѣ.

Другой, младшій членъ известняковъ, принадлежитъ къ формации юрской; онъ нерѣдко бываетъ перемѣшанъ съ листочками известковаго шпата и, какъ мы замѣтили, вообще изобилуетъ пещерами, распространенъ почти на всѣхъ островахъ Адриатическаго моря и черезъ Боко-ди-Катаро вторгается въ собственную Черногорію, или нахію Катунскую. Парчъ видѣлъ нѣкоторое отличіе его, совершенно переходящее въ мѣль, на островѣ Меледѣ; мнѣ случилось встрѣтить тоже возлѣ Пераста. Сюда должно отнести туфъ, заключающій въ себѣ раковины *Cyclostoma elegans*, *succinea amphibia*, *paludiana* и другія.

Возвышенные пункты фармаціи юрскихъ известняковъ въ Черногоріи: Ловчинъ на западѣ (около 6 т. фут. надъ поверхностію моря), Суторманъ на югѣ, Большой и Малый Гарачъ на сѣверѣ; отъ нихъ горы нисходятъ, понижаясь амфитеатромъ, къ Цѣтинской долины, одной изъ обширнѣйшихъ въ Черногоріи исключая Церничскую, имѣющую свой особенный характеръ.

Рѣка Иванъ Бегово-Черноевичъ составляетъ глубокую падь, заключенную въ боковыхъ утесахъ; она выходитъ изъ пещеры, и у самаго своего истока уже судоходна для большихъ ладей; другая рѣка въ собственной Черногоріи, Церничка, орошающая означенную нами плодородную долину; каждая изъ нихъ протекаетъ около 10 верстъ вдлину и обь падаютъ въ озеро Скутари, первая съ сѣверной, а вторая съ западной стороны. Катунская нахія, составляющая половину всей Черногоріи, совершенно лишена проточной воды на поверхности; Ловчинъ, котораго пади, пещеры и частію вершины всегда покрыты снѣгомъ и нѣкоторыя другія пещеры снабжаютъ ее водою; иногда съ трудомъ добываютъ проточную воду изъ подземныхъ рѣкъ, прорѣзывающихъ Черногорію въ различныхъ направленіяхъ и показывающихся иногда на днѣ падей. Вообще подземная жизнь обнаруживается здѣсь съ большою силой; Черногорія изрыта пещерами, изъ которыхъ нѣкоторыя, своею обширностью и чудесными сталактидами, напоминаютъ Адельсбергскую пещеру; въ нихъ нерѣдко заключены озера, ниспадають водопады, протекають рѣки, которыя имѣють сообщенія съ горными потоками и даже съ моремъ; эти пещеры имѣють самые отдаленные переходы въ другія и выходы наружу. Воображеніе Черногорцевъ населило ихъ вилами (добрые духи) и демонами, а всегдашняя война, во время которой эти пещеры были такъ полезны для туземцевъ, присоединила къ нимъ многіе существенные рассказы, полные чудесъ. Во время грозы и бури, когда горные потоки водопадами ниспадають въ пещеры и пропасти, когда переполненные «поноры» вскипають, Черногорія наполняется подземнымъ гуломъ, сливающимся съ отдаленнымъ горнымъ эхомъ.

Въ Черногоріи находится много падей, или безднѣ, недосыгаемой глубины и такъ называемыхъ «поръ», или проваловъ, въ которыя ниспадають рѣки или на днѣ которыхъ показываются протекающія подъ землею. Замѣчательна падь, находящаяся въ Лѣшанской нахіи: дна этой пади не могли достать никакою мѣрою. Стукъ отъ низвергнутыхъ въ нея огромныхъ камней слышенъ былъ втеченіи минуты, потомъ терялся въ отдаленіи. Самое Скутарское озеро, своею бездонною глубиною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напоминаетъ образованіе нашего Байкальскаго озера. На вершинѣ горы Ловчина лежитъ небольшое озеро, которое имѣетъ сообщеніе съ истекающимъ у подошвы ручьемъ, какъ многіе опыты показали; есть еще горныя озера, находящіяся недалеко отъ Жабляка (горное блато).

Цѣтинская долина покрыта разбросанными небольшими, пирамидальными утесами, которыхъ сѣроватый и бѣлый мелкозернистый известнякъ принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ тому роду, о которомъ извѣстный Леопольдъ Бухъ такъ часто упоминаетъ подъ именемъ флещоваго доломита, и который Парчъ встрѣтилъ на островѣ Меледѣ; но я не нашелъ на Цѣтинской долині и въ окрестности ея ни порфира, ни какихъ плутоническихъ породъ, дѣйствию которыхъ Бухъ предполагаетъ образованіе этихъ породъ, происшедшихъ будто-бы отъ обыкновенныхъ плотныхъ известняковъ. Далѣе, въ нахіи Рѣчкѣ, по рѣкѣ Черноевичу, известняки образуютъ болѣе плотныя массы и идутъ нѣсколько правильными отрогами; въ Церничкѣ они становятся уже разнообразнѣе. Между деревнями Сотоничемъ и Болѣвичемъ и нѣсколько далѣе, по теченію рѣки Цернички, крупнозернистый несчаникъ, заключающій въ себѣ зерна кварца и прослойки полеваго шпата, вы-

тѣсняетъ, или, правильнѣе, прорѣзываетъ ихъ огромными массами; этотъ песчаникъ даетъ вмѣстѣлища марганце-железнымъ рудамъ, залегающимъ то гнѣздами, то пластами, около Цѣтинской долины, въ нахіи Рѣчкѣ; мѣстами известковый сланецъ перемежается съ юрскимъ известнякомъ и въ свою очередь вытѣсняетъ его; далѣе, къ Пастровичской горѣ, залегаютъ грубый известнякъ и потомъ мелкозернистые песчаники, въ которыхъ находятся въ изобиліи железистыя глины бѣднаго содержанія метала. Известковый сланецъ служитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для кровли домовъ, а грубый известнякъ предпочитается для построекъ.

По лѣвую сторону рѣки Ораховой (недалеко отъ Берчело) ниспадающій въ нея потокъ обнажаетъ разрушенный сіенитъ, въ которомъ находится множество кристаловъ бураго желѣзняка. Сверхъ того, здѣсь находятся слѣдующіе минералы: исландскій допцельшпатъ, въ сѣверной покатости горы Сутормана, известковый прозрачный шпатъ, въ отрогахъ Ловчина и болѣе въ тѣхъ, которые идутъ къ сторонѣ Катара, особенно замѣчательны известково-шпатовые кристалы, образовавшіеся на нѣкоторыхъ ста-лактитахъ, оолитъ въ Рѣчкѣ нахіи. Куски яшмы встрѣчаются въ розсыпяхъ рѣки Цернички, а обломки нечистаго горнаго кристала попадались въ нѣкоторыхъ шурфахъ, по теченію той же рѣчки.

Недалеко отъ деревни Сотоничей найденъ мною теплый источникъ, котораго вода, по химическому разложенію, сдѣланному въ Рагузѣ, оказала въ-изобиліи присутствіе сѣрнистоводороднаго газа.

На сѣверномъ скатѣ горъ Большаго и Малаго Гарача и далѣе въ Бѣлопавличской равнинѣ, вдоль рѣки Зеты, залегаютъ на довольно большомъ пространствѣ мергель, оплодотворяющій этотъ прекрасный уча-

стокъ Черногоріи; жители ея употребляютъ мергель и въ другихъ мѣстахъ для удобренія земли. Ближе къ Наждребанику мергель смѣняется известнякомъ, въ которомъ находятся въ-изобиліи окаменѣлости, принадлежащія къ видамъ нумулитовъ, аммонитовъ, митилитовъ и астрей. Тутъ-же попадаетъся лидійскій камень и кремень. Невдалекъ отъ Наждребаника находится прекрасный, бѣлый мраморовидный известнякъ съ незначительною примѣсью нумулитовъ, изъ котораго воздвигнуты огромныя колонны и капители Діоклеи, еще сохранившіяся, и другихъ римскихъ развалинъ, находящихся близъ Наждребаника.

Вступивъ въ сѣверную Черногорію, или собственно Бердь, мы должны замѣтить въ ней двѣ большія рѣки: Зету, которая выходитъ въ Бѣлопавличѣ, недалеко отъ Кіявы, и имѣетъ подземное сообщеніе съ поноромъ, дающимъ начало другой рѣкѣ, или, правильнѣе, служащимъ ей продолженіемъ, Марачу выходящую на сѣверъ той нахіи, которой имя она носитъ, двумя истоками, близъ деревни Левичты; Морача принимаетъ въ себя Зету съ правой стороны по теченію, близъ развалинъ древней Діоклеи, и течетъ въ Скутари.

Отъ Мартыничей, крайняго села нахіи Бѣлопавличѣ, природа видимо измѣняется; отсюда, на сѣверъ, идетъ правильный хребетъ, далеко возвышающійся надъ остальной Черногоріей, съ «главицами,» покрытыми снѣгомъ, съ роскошными горными равнинами, застланными яркою зеленью и лѣсомъ необыкновеннаго размѣра. Этотъ хребетъ идетъ къ вершинамъ рѣки Морачи, и обгибая ея источники около деревни Левичты, въ округѣ Ускоковъ, сливается съ другимъ, еще возвышеннѣйшимъ хребтомъ, идущимъ отъ востока на сѣверо-западъ, отъ Кома къ Дормитору. Около этого мѣста, только не въ

томъ направленіи, полагають обыкновенно на картахъ горы Люботинъ, иногда Динарскія Альпы,— названія неизвѣстныя ни мѣстнымъ Черногорцамъ, ни живущимъ въ окрестности турецкимъ подданнымъ. Вообще весь край Морачи и Кучи представляетъ на картахъ поражающую невѣрность.

Отъ самыхъ Лопать (въ Васовичахъ) должно подыматься на крутую, почти отвѣсную гряду горъ, обгибая ее безпрестанно улиткообразною тропой. Известковый сланецъ, иногда перемежающійся глинистымъ, составляетъ господствующее основаніе этой гряды; онъ вытѣсняетъ плотные песчаники, распространенные во всей Морачской нахіи и продолжающіеся далѣе отъ Лопать, на югъ, до Берскута и удаленныхъ отроговъ Кома. Эти песчаники служатъ нерѣдко вмѣстилищемъ желѣзныхъ рудъ. Химическій анализъ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ рудъ обнаружилъ въ нихъ присутствіе кремнезема въ большомъ соединеніи съ глинистой землей и частію горькозема.

На высотѣ описаннаго гребня иногда попадаются отторгнутые куски хлоритоваго сланца: одна узкая, скользкая тропа тянется вдоль него, лѣсъ мало-помалу разступается, какъ бы для того, что бы показать настоящее положеніе путника. Невозможно было глядѣть безъ внутренняго волненія внизъ: такъ отвѣсны ниспадающія по обѣимъ сторонамъ бездны; кинутый внизъ камень летѣлъ до дна втеченіи минуты; шумъ рѣки Веруши и ниспадающихъ въ нее горныхъ потоковъ кружить голову. Это пространство дороги, около получаса скорого путешествія, какъ мы уже замѣтили, считается довольно опаснымъ: ввечеру пришли мы въ одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ черногорскихъ катуней, но онъ былъ еще довольно далеко отъ вершины Кома.

Эта гряда горъ отдѣляетъ источники водъ, текущихъ въ Черное и Бѣлое, по мѣстному выраженію, т. е. Адриатическое море; первые, посредствомъ рѣчекъ Опасницы, Маргариты и Веруши, самой большой изъ нихъ, текутъ въ Дрину, а потомъ, посредствомъ другихъ водъ, въ Дунай; послѣдніе сливаются въ Берскуть, падающій въ Морачу, а эта въ Скутарское озеро, соединяющееся рѣкою Боляной съ Адриатическимъ моремъ. Въ одномъ мѣстѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Лѣшашты, воды Адриатическаго и Чернаго моря сходятся такъ близко между собою, что, по туземному выраженію, можно черпать правой рукой однѣ, а лѣвой другія. За всѣмъ тѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, ни одному изъ здѣшнихъ жителей не приходила мысль о возможности соединенія этихъ рѣкъ.

Развѣдки Веруши и Берскута показали, что эта описанная нами гряда составляетъ равнымъ образомъ черту дѣленія въ геологическомъ отношеніи. Постель или почву шурфовъ Берскута составляетъ юрскій известнякъ, а розсыпь обломки его, съ примѣсью доломита и частію отвердѣлой, бурожелѣзной глины. Почва шурфовъ Веруши — тальковатый глинистый сланецъ, розсыпь — куски хлоритово — и тальково-глинистаго сланца съ примѣсью кварца. Она соединена вязкою мясниковатою глиной и залегаетъ довольно толстымъ и правильнымъ слоемъ, между тѣмъ какъ развѣдками, произведенными въ остальной части Черногоріи, обнаруживали розсыпь, нерѣдко состоящую изъ одного рѣчнаго песку и залегающую тонкими и не правильными прослойками, а въ нѣкоторыхъ шурфахъ вовсе ея не оказывалось, потому что торфъ и глины залегали непосредственно на постели известняковъ. Въ двухъ шурфахъ по рѣкѣ Верушѣ показали признаки золота: это были

единственные отъ развѣдокъ нашихъ въ Черногоріи, которые можно было видѣть простымъ глазомъ. Должно замѣтить, что только однѣ вершины рѣки Вержуши текутъ въ Черногорскихъ владѣніяхъ, большая же часть ея въ Турецкой Албаніи.

Какъ ни тяжело путешествіе на Комъ, но оно имѣетъ свои радости. Не вдалекъ отъ катуны, Комъ отдѣлился отъ гряды горъ своею высокою главицей, и мы начали обгибать его, медленно подымаясь на крутъ, почти отвѣсную. Всюду встрѣчали мы такъ называемые *мраморы*: это каменные столбики, поставленные на мѣстахъ, ознаменованныхъ тайнымъ убійствомъ; они взываютъ о мщеніи къ оставшимся соплеменникамъ, и мщеніе здѣсь не медлитъ: не пройдетъ недѣли, и рядомъ съ однимъ мраморомъ станетъ другой: возмъ убитаго ляжетъ убійца или одинъ изъ ближайшихъ его родственниковъ и даже соплеменниковъ.

Въ 10 часовъ утра мы оставили Царевину, едва замѣтный слѣдъ лѣтняго дворца, служившаго, вѣроятно, мѣстомъ отдыха державнымъ охотникамъ, послѣ охоты, столь здѣсь обильной. Зданіе, вѣроятно, было воздвигнуто сербскимъ королемъ Стефаномъ, какъ можно заключить по найденнымъ здѣсь монетамъ и по преданію; но которымъ изъ нихъ? Каждый сербскій царь, при вступленіи своемъ на престолъ, принималъ названіе Стефана, что означаетъ на греческомъ языкѣ вѣнчаннаго. Не Стефаномъ ли Вункановымъ, который воздвигъ Морацскій монастырь, какъ свидѣтельствуется собственная его грамота, найденная мною въ монастырь и котораго находится здѣсь нѣсколько памятниковъ?

Когда мы были на высотѣ болѣе пяти тысячъ футовъ отъ горизонта воды, пошелъ сильный снѣгъ: это было 14 Августа. Тропа исчезла и надо было

подыматься ввысь по осыпямъ и выдавшимся камнямъ; въ обыкновенной европейской обуви нечего и думать идти далѣе, но въ черногорскихъ опанкахъ нога удерживалась вездѣ, гдѣ только находила точку опоры подѣ собою. На этой высотѣ мы еще видѣли растительность, хотя довольно скудную, и то съ полуденной стороны горъ; на пути же нашемъ отъ катуня, мы встрѣчали слѣдующія растенія: *achillea clavennagentiana crispota*, которую Черногорцы употребляютъ отъ такъ называемой ими боли сердца, *gentiana verna*, *senecio rupestris*, *polygonum viviparum*, *astera mellas*, *linaria vulgaris*, *cerastium grandiflorum*, *scorzonera purpurea*, *geranium sanguineum*, *saxifraga aizoides*, *hypericum montanum*.

Яркая зелень начинала пробиваться на долинахъ Кома, цвѣты чуть возвышались отъ земли своими стеблями; они были чрезвычайно мелки и безъ запаха, за то ярки и блестящи.

Отъ самаго катуня замѣтно сланцеватое сложеніе покатоостей Кома; далѣе, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бока его гораздо болѣе обнажены, можно замѣтить, что формація хлоритоваго сланца, перемежающагося съ тальковымъ сланцемъ, находится преобладающей; прослойки полеваго шпата прорѣзываютъ ее только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; вершину, или пикъ Кома составляетъ доломитъ. Въ отторгнутыхъ кускахъ мы находили слюдистый сланецъ, известнякъ выдавшимися сосками и глыбами; далѣе, въ осыпяхъ, куски гранито-сіенита, также зерна грубой горной венисы, а близъ Берскута, въ известнякѣ, кристаллы сѣрнаго колчедана.

По мѣрѣ приближенія нашего къ вершинѣ пика, туманъ становился гуще и гуще, и мы не могли отличить предметовъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя; путь былъ круче, за то мы не грузли въ снѣгу,

какъ было ниже; уносимый вѣтромъ снѣгъ не держится здѣсь и среди зимы. Когда взошли мы на вершину (не самую высокую, которая недоступна), полднее-ное солнце прорвало темноту и намъ представилась чудесная картина. Еще толстый свитокъ тумановъ развертывался у ногъ нашихъ съ сѣверной стороны и прикрывалъ Албанскій край, но далѣе, за нимъ лежала безконечная равнина, гдѣ взоръ не находилъ преграды: съ высоты Кома, она казалась падью; только передняя часть ея пестрѣла кое-гдѣ возвышенностями и едва замѣтными на горизонтѣ предметами; далѣе и въ подзорную трубку нельзя было ничего различить; эта равнина, эта падь была Сербія, отстоящая за полтора дня пѣшаго пути отсюда. На западѣ, чуть-чуть синѣлось море, но болѣе яркою полосою отдѣлялось озеро Скутари, и Дормиторъ, одинъ во всей окрестности, котораго доломитовый пикъ могъ состязаться высотой съ Комомъ, Дормиторъ горѣлъ на солнцѣ своею снѣжною главицей. Въ Черногоріи, Ловчинъ господствовалъ надъ всѣми горами. Къ югу тянулись отроги Кома, извѣстнаго подъ именемъ Малаго, или Кучскаго Кома, и за ними Проклятыя горы; на юговостокъ синѣлся Шаръ.

Оба берега рѣки Морачи, въ Черногорскихъ границахъ, (далѣе мнѣ неизвѣстно), состоятъ изъ наносныхъ конгломератовъ, обрывистыхъ, толщиною мѣстами до 10 и болѣе саженой, покоящихся большею частию на известнякахъ или отвердѣлыхъ глинахъ; известнякъ разныхъ видовъ, доломитъ и известковый шпатъ, первый по преимуществу, составляютъ эти конгломераты. Нерѣдко встрѣчается миндально-каменный спилитъ (*Mandelsteinartiger Schalstein*). На лѣвомъ берегу Морачи, у Златицы, распространенъ особенно воюючій известнякъ. Горы Поликвицы, от-

дѣляющія нахія Бѣлопавличи и Пипери, тянутся почт и прямолинейно на сѣверъ; ихъразрушенные глинистые сланцы пересѣкаются въ разныхъ мѣстахъ прослойками кварца, нерѣдко агатоваго, и выдавши-мися гребнями доломита, тутъ же, ввидѣ оттор-гнутыхъ горныхъ породъ встрѣчались куски халце-дона, а въ самомъ глинистомъ сланцѣ нерѣдко хас-толитъ и роговая обманка. Близъ Морачскаго мона-стыря попадались куски мелкозернистаго песчаника, окрашеннаго мѣдною зеленью.

Остается присовокупить результаты изслѣдо-ваній мѣстонахожденія золотоносныхъ розсыпей и рудъ другихъ металловъ. Въ первомъ слу-чаѣ, подробное описаніе края разрушаетъ всѣ на-дежды; что же касается до названія «Златицы», введеннаго въ нѣкоторое заблужденіе, то не говоря о множествѣ названій подобнаго рода въ окрестномъ краю, должно упомянуть только объ извѣстныхъ въ древности Mons aureus (нынѣ Мосоръ) въ Далмаціи, близъ развалинъ Солоны, возбуждившихъ многіе тщет-ные поиски въ новѣйшее время.

Нѣкоторые куски песчаника, окрашенные мѣдною зеленью, и другіе признаки подають надежду къ отысканію мѣдныхъ рудъ.

Богатыя желѣзныя марганцевыя руды найдены въ Церничской нахіи, близъ Болевичей; онѣ залегаютъ то гнѣздами, то пластами въ мелкозернистомъ песча-никѣ и содержатъ отъ 30 до 40 процентовъ. Охри-стыя желѣзныя руды находятся въ окрестностяхъ Струбицы, недалеко отъ турецкаго города Никши-чи; тамъ же, ввидѣ гнѣздъ, желѣзистыя глины. Бу-рожелѣзный камень близъ Берскута. Красная желѣз-ная руда въ Бѣлопавличи; нѣкоторые ея куски, по пробамъ, оказались чрезвычайно богаты. Вооб-ще, въ обработкѣ желѣзныхъ рудъ, Черногорія,

отчужденная отъ всякой промышленности и всѣхъ ремеслъ, могла бы развить много дѣятельности, но ея географическое положеніе, болѣе чѣмъ недостатокъ собственныхъ средствъ, мало подаетъ къ тому надежды.

Окончивъ общій геологическій очеркъ Черногоріи, мы должны замѣтить для тѣхъ, которые захотѣли бы имѣть болѣе точное понятіе объ этомъ предметѣ, что ученый французскій геологъ Буэ, описалъ прилегающія къ Черногоріи страны съ восточной стороны ввидѣ дополненія къ моей статьѣ, прежде этаго напечатанной съ нѣкоторыми измѣненіями. Вскорѣ послѣ того, для связи и дополненія этихъ двухъ статей было здѣлано мною геологическое описаніе Далмаціи и нѣсколько описаній частныхъ краевъ Черногоріи.

К О Н Е Ц Ъ.

КАРТА ЧЕРНОГОРІИ

(ЦРНА-ГОРА, MONTE-NEGRO, КАРА-ДАГЪ.)

1838

Составлена Новиковскимъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ

- ✱ Гора и крепость собственнаго Черносавъ.
- ✱ Укрѣпленныя башни, Черногорцевъ.
- Мѣсто.
- Деревня.
- Монастырь.
- ✱ Развалины Високъ, Сербскъ и Турецкѣ зданій.
- | Границы Черногоріи, двойная линия, границъ съна-
часть, что сѣвъ въ спорѣ съ соседями.
- | Границы Хасий, или округовъ.
- | Границы Писинъ.
- | Главные пути для путешествіевъ.

Примечаніе 1/1